Маша Храмкова

Ген химеры

Часть первая

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Иной мир. Иное будущее человечества. Общество, где все люди жестко поделены на Первый и Второй социальный класс в зависимости от возраста. Двое, которые решили, что смогут быть вместе, несмотря на все законы. И жестокая расплата за их амбиции.

- Маша Храмкова
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25

Маша Храмкова
Ген химеры часть 1

Глава 1

Ойтуш слышал, как шумит море. Волны неспешно накатывали на берег, поглощая гальку. Море было не отличить от неба, как ни смотри вдаль, туда, где должна быть линия горизонта. Невозможно было понять: вечер сейчас или утро, ведь в этом месте — об этом парень знал точно — не бывает ни приливов ни отливов.

Рядом с ним была молодая девушка. Ее фиолетовые волосы развевались на ветру, как флаг, и лица было не разглядеть. Зато заметить, что она ждет ребенка, было совсем не сложно. Кровь запульсировала в виске — пора просыпаться.

Больше всего на свете Ойтуш хотел сейчас остаться в своем сне. Там, где низкие темно-синие облака, наполненные дождем; они вовсе не угнетают, а напротив, успокаивают. Где шелестит галька, съедаемая серыми волнами, а соленый воздух хочется вдыхать полной грудью. Там, где им с Сати больше не нужно убегать и прятаться.

Пульсация перерастает в надоедливую боль — прошло ровно семь часов, отведенных Ойтушу на сон. Мозговой таймер невозможно перепрограммировать.

Сновидение отступает, и на смену свежести моря приходит затхлость химического склада. Кто-то другой, возможно, побрезгует входить сюда без защитного костюма, но для Ойтуша это дом. Снятый за небольшую плату отсек заброшенного склада химических веществ, над которым пролегает ветка метро. Грязно, сыро, с потолка капает, зато нет камер видеонаблюдения. Идеальное место для тех, кто скрывается от протектория.

Снова разряд боли, на этот раз уже сильнее. Выпростав руку из под одеяла, Ойтуш находит висок и десять раз постукивает по нему пальцем, мысленно считая в обратном порядке. Только так можно отключить эту дрянь в мозгу: убедить, что ты действительно проснулся, готов к подсчетам и простой моторике.

«Доброе утро, Ойтуш Эвери», — сообщает негромкий голос в его голове.

— Да уж, доброе — не то слово, — отвечает Ойтуш, зная, что

его все равно никто не услышит. «Сегодня четверг 2 апреля 2209 года. В Метрополе ожидается пасмурная погода, осадки в виде снега и дождя. Однако служба метеоконтроля обещает, что разгонит тучи к полудню...»

Чип, что вживляется всем гражданам старше шестнадцати, умеет не только по-садистски будить, но и сообщать последние новости. К сожалению, их, в отличие от таймера, отключить нельзя.

Сати как всегда ушла раньше, оставив после себя смятую подушку, а на столе — остатки вчерашнего ужина. Ойтуш задавался вопросом: сколько еще она будет подкармливать его? Таскать еду, что дают в ее школьной столовой? Рано или поздно кто-нибудь из интуитов заметит, что маленькая хрупкая девочка берет больше еды, чем все остальные. Тогда им не избежать проблем.

Сати. Та самая девушка из сна Ойтуша… вот только сейчас ей всего пятнадцать. Они принадлежат к разным социальным классам, и по реалиям нашего времени, им запрещено быть вместе. Она — Первый, элитный класс, на который общество возлагает большие надежды, а он — Второй, рабочий класс, обладающий гораздо меньшими правами и возможностями. Да, через год их классы сравняются, но сегодня Ойтуша могут расстрелять даже за то, что он просто держит ее за руку.

«Температура вашего тела составляет 38 градусов Цельсия. Самочувствие оценивается как 4 из 10. Рекомендуется срочно пройти обследование на дот-вирус», — продолжало вещать «радио».

Дрожащими руками Ойтуш наливает воду в стакан. Мутная, с желтоватыми хлопьями, но другой здесь не достать. Пытается сделать глоток, но ком в горле не позволяет, и парень заходится сиплым кашлем. Слезы брызгают из его глаз, на лбу выступают бисеринки пота.

Ломка, похожая на героиновую, слишком яркие сны — пора было признаться самому себе, что он подхватил-таки это чертов дот-вирус. Проклятая зараза, десять лет назад унесшая тысячи жизней. До сих пор непонятно, какова была его природа: злой рок или же случайно созданное учеными смертельное оружие. Человечество думало, что раз и навсегда победило рак, создав

штамм вирусов, способный атаковать опухоль. Но вирус слишком быстро мутировал. Вместо волшебного лекарства против рака люди получили быстро распространившуюся заразу, вызывающую грипп, омерзительные галлюцинации, а в итоге отказ почек, печени, легких. Люди умирали, задыхаясь и смотря красочные сны.

Какое там обследование, пора вставать в очередь за сывороткой и как можно скорее. Хорошо если удастся получить иммуноглобулины хотя бы через неделю — может до этого времени Ойтуш и протянет. Две таблетки экстазина летят в рот вместе с не разогретыми остатками ужина — теперь хотя бы половину рабочего дня парень точно осилит. Сати категорически против экстазина — он действительно ставит на ноги, но пристраститься к нему легче легкого. Тем не менее, Ойтуш просто не может не выйти на работу сегодня, впрочем, как и в любой другой день: граждане Второго класса вообще не вольны выбирать свой образ жизни.

Подумать только, Ойтушу Эвери всего двадцать — то самое время, когда перед человеком начинают маячить осознанные цели, когда уже есть опыт, но еще не утрачена способность мечтать. Будь он здоров и силен, имей он одаренность, вполне возможно, что именно этот парень изменил бы мир.

Но не в Метрополе и не в наше время.

Считается, что одаренность проявляет себя до шестнадцати лет, именно поэтому детей в нашем обществе принято чуть ли не на руках носить. Любой из детей — это потенциальный одаренный, а значит тот, за кем стоит будущее нашего чудом уцелевшего мира. Обучение в школе, денежное пособие, сбалансированное питание, лучшие врачи, тренера, массажисты; множество привилегий, прав и возможностей — все это включено в понятие «Первый класс».

Так было и с Ойтушем. Он иногда вспоминал свое детство, где будучи гражданином Первого класса, он, как и все дети, считал себя пупом земли. Шестнадцать лет промелькнули яркой вспышкой; это было веселое и беззаботное время, где слова «нельзя» попросту не существовало. Но все хорошее закончилось слишком быстро: не найдя в парне ни грамма одаренности, протекторий постановил вживить чип в его мозг, а вместо Первого класса присвоить Второй.

Тем не менее, все могло быть гораздо хуже. Ойтуш мог никогда не встретить Сати.

Закинув упаковку с экстазином во внутренний карман старого пальто, парень покинул химический склад и вышел под мокрый снег. Над спальными районами Метрополя облака практически никогда не разгоняли, и из-за тяжелых туч, нависших над домами-муравейниками, день было практически не отличить от ночи, особенно в межсезонье. Миновав с десяток казино с неисправными, но исключительно яркими светодиодными вывесками, Ойтуш по привычке пробежался глазами по аптечным киоскам. Почти на каждом из тех, что встречались на пути парня, мелькали вывески вроде: «Сыворотки нет и не будет» и «Только для Первого класса». Город охватывала новая волна эпидемии дот-вируса, а значит совсем скоро морг Метрополя ждало пополнение.

Послышался низкий гул. Должно быть где-то там над облаками, в тысячах километров от Метрополя пролетал сейчас глайдер. Однажды Ойтуш видел его вблизи: серебристый корпус с острыми крыльями, а на брюхе — лавровый венец, известный всему миру как символ одаренности. Глайдер перевозил одаренных на Остров, туда, куда Ойтуш уже много лет не мечтал попасть. Он замер и жадно и уставился в небо, но не увидел ничего, кроме низких красновато-коричневых туч. Звук с каждой секундой удалялся, и сердце Ойтуша сжалось от той самой невыносимой тоски, которая бывает всякий раз, когда ты приближаешься к чуду, а потом упускаешь его безвозвратно.

Пора было спешить на работу. Побыстрее выкинув глайдер из головы, парень направился к метро.

***

О работе городского морга Ойтуш знал более чем достаточно. В шестнадцать лет он был распределен в сферу медицины, так как именно эта профессия по мнению протектория подходила ему больше всего. Ойтуш не возражал; он учился с удовольствием и почти мечтал как будет работать врачом, но из-за одной роковой ошибки на четвертом курсе академии, его отчислили и разжаловали в отдел изъятия органов.

Это была конвейерная работа. Ровно в восемь утра,

облачившись в хирургический костюм, маску и пластиковые очки, Ойтуш заступал на свое рабочее место. В его обязанности входил прием трупов, сбривание волос с их тел, отсасывание жира, а также удаление ногтевых пластин. Иногда попадались задания «поинтереснее»: изъятие роговицы, пункция костного мозга и других тканей В таких случаях хирургическим навыкам Ойтуша было где разгуляться.

После — маркировка пакетов с трупным материалом и передача в отдел переработки. В Метрополе ничего не пропадало даром: жир шел на изготовление косметики, волосы — на парики и элементы одежды, а ногтевые пластины черт знает на что — Ойтуш не горел желанием вдаваться в детали. Так и сегодняшний рабочий день обещал стать одним из многих: неприятный рутинный труд, воспоминания о котором побыстрее хочется выкинуть из головы по дороге домой. Едва Ойтуш переступил порог «холодного цеха» — как называли свой отдел работники морга — над одним из грузовых лифтов загорелась лампочка.

— Ого, рано сегодня, — бойко произнес низенький мужчина в возрасте, чей препаровочный стол находился по соседству со столом Ойтуша.

— Так лекарство в городе закончилась, Риши, — отозвался парень. — Сегодня их будет завались.

— Давай этого я возьму, — сказал Риши с энтузиазмом затаскивая на стол труп в целлофановом пакете. — О, дама. Люблю когда утро начинается с прекрасного.

В отделе давно сложилось негласное мнение о том, что Риши был не совсем здоров психически: ну кто еще мог с таким почти неприкрытым удовольствием разливать кроваво-желтую массу жира по пакетам? Он приходил на службу раньше всех, уходил последним и никогда не брезговал самой грязной работой. Однако, с этим крепким стариком было о чем поболтать, даже несмотря на всю его чудаковатость.

На обработку тела у Ойтуша уходило обычно около сорока минут. Добавим сюда время, что уходило на расфасовку по пакетам — в итоге возни получалось не мало. Но сегодня ему везло: двое тщедушных стариков, что доставил грузовой лифт, были практически лишены подкожно-жировой клетчатки.

На запястье каждого из трупов было клеймо с временем и причиной смерти. Для большинства граждан Второго класса

причина смерти выставлялась весьма условно, разумеется кроме тех, кто был распределен на высокие должности. Люди умирали от голода, инфекций, переохлаждения, травм на производстве и очень редко — от старости. Опыт стариков не ценился в нашем обществе; для государства они были балластной прослойкой, которая уже не может полноценно работать, но все еще продолжает занимать место.

— Ойтуш, возьмешь малыша? — спросил один из работников, наполовину стащив с лица одноразовую маску. — Тут ювелирная работа нужна.

— Что, действительно Первый класс? — с сомнением произнес Ойтуш, подходя к соседнему столу. На нем наполовину выпавший из целлофана, лежал подросток с изумрудными волосами.

— Сейчас посмотрим, — сказал Эдмундс, убирая пряди волос с виска молодого парня.

— Чип вживлен, — констатировал он, замечая тонкий шрам.

— Ну надо же… а выглядит лет на тринадцать, — с горечью произнес Риши, чуть приподняв подведенное зелеными стрелками веко мальчика.

Представители Первого класса нечастые гости в морге. Наше правительство бережет их, как зеницу ока. Но по сути, чем вот такой семнадцатилетний парень отличается от других детей годом моложе? Неужели одаренность, это свойство воспринимать мир не так, как все остальные, должна определять: кому жить, а кому умереть?

— Да, я возьму его, — без эмоций сказал Ойтуш, перетаскивая тело на свой стол.

На белоснежной коже парня были следы побоев, как старые, так и совсем свежие. Дата смерти: 05:32. Причина смерти: не указана. Все это было как-то странно. Цвет волос, макияж, многократные побои… Неприятная догадка закралась в голову Ойтуша, и он принялся внимательно осматривать тело. Так и есть. На внутренней части бедра был штамп корпорации.

— Это сиделка, парни, — прокомментировал Ойтуш, сдвинув брови.

В отделе повисло молчание: каждому хотелось думать, что смерть парня была быстрой.

Сиделки, или живые игрушки — это красивые юноши и девушки из числа Второго класса, которых богатые семьи нанимают для своих детей. Каждая из сиделок получает препарат, подавляющий желания и волю, что делает их покорными и беспрекословными. В Метрополе существует несколько крупных корпораций, предоставляющих сиделок за большие деньги. По факту корпорация должна контролировать здоровье и безопасность своих изделий, но по сути — бизнес есть бизнес. Чем больше ты заплатишь, тем больше тебе позволено.

Маленькие дети жестоки по своей природе, а дети богатых родителей — и вовсе не знают границ. Многие из сиделок умирают долго и мучительно, Ойтуш знал достаточно таких историй.

Но самое печальное было в том, что некоторые люди добровольно заключали контракт с корпорациями. Причины могли быть совершенно разными: куча кредитов, нищета, в которой увязли твои родные, проблемы с законом… Пособие, выплачиваемое сиделкам могло годами кормить целую семью. Вот только сами «игрушки» должно не жили. В основном из-за наркотиков, что по договору они обязаны были принимать. Ну или как вот этот зеленоволосый парень со следами избиений. Причина смерти не была указана, но Ойтуш пришел к выводу, что дети, играючи, заставили его съесть несколько лезвий: пищевод и желудок были располосованы изнутри.

За год работы в морге Ойтуш успел многое повидать. Он научился быть хладнокровным почти ко всему, но иногда такие вот жестокие и бесчеловечные смерти просто выбивали из колеи.

К окончанию «ювелирной работы» — у мальчика надо было взять роговицу глаза — Ойтуш чувствовал себя совершенно опустошенным. Благо, что писк наручных часов возвестил о начале обеденного перерыва.

На обед работникам морга было отпущено всего полчаса. На ходу стаскивая свой изрядно запачканный кровью хирургический костюм, Ойтуш торопливо спускался по лестнице: обед обедом, но у него были дела куда поважнее.

***

Пищеблок, совмещенный со столовой, находился на нулевом этаже, по соседству с отделом хранения трупов. Длинные металлические столы, низкие потолки и трупный запах не сильно способствовали пищеварению, но за год работы Ойтуш успел привыкнуть. Точнее, научился не замечать мелких отвратительных деталей и концентрироваться лишь на том, что предстояло сделать.

У многих Вторых, в том числе и у работников морга, нетрудно было заметить этот взгляд: отрешенный, пустой; в нем никогда не пылал огонь. У тех, кто всю жизнь имеет дело с рутиной — а среди Второго класса их большинство — глаза перестают сиять, даже в столь редкие приятные моменты жизни. Они, как и накаченные препаратами сиделки, медленно плывут в тихих застойных водах своих мыслей. Каким бы ярким ты ни был в детстве, рутина и однообразие со временем сделают свое дело.

Но, тем не менее, парень знал: пока в его жизни есть Сати, огонь в его глазах погасить будет очень трудно.

Взяв поднос с едой, Ойтуш расположился рядом со своими коллегами. В отделе изъятия органов он был самым молодым, причем с большим отрывом: мужчин его возраста в основном распределяли для тяжелого физического или умственного труда. Ойтуш старался не думать о том, что откачивать жир и брить волосы ему предстоит до конца жизни — ни разнообразия, ни перспективы, ни веры в «светлое будущее».

На обед сегодня были слипшиеся макароны с мизерными кусочками соевого мяса и холодная протеиновая баланда. О вкусах составители меню не заботились: лишь бы было сытно, и работники не падали в голодный обморок. Глядя как Эдмундс и Риши с аппетитом уплетают дармовые харчи, Ойтуш только для вида ковырялся в своей тарелке. Последние полгода он лишь формально ходил на обед.

Однажды, прочесывая коридоры в ожидании конца смены, парень совершенно случайно наткнулся на запасной выход, лишенный камер наблюдения. С тех пор, каждый рабочий день, ровно в полдень, Сати приходила повидаться с ним. Минут на десять, не больше, но это драгоценное время было для них настоящим сокровищем. А еще Сати приносила парню немного еды из школы: свежие овощи, мясо, зелень. Нужно ли говорить, что разница в школьном меню и в меню работников городского

морга была поистине колоссальной?

Закончив ковырять остывшие макароны, Ойтуш ленивым шагом вышел из столовой, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания. Миновав несколько коридоров и лестничных пролетов, он очутился в подсобке под лестницей. Приятный полумрак и запах сырости, что царил в этой кладовке, успокаивали, давали ощущение надежности и безопасности. Ждать парню пришлось не долго. Тихонько скрипнула дверь черного хода, и маленькая фигурка в надвинутом на лицо черном капюшоне осторожно проникла в здание морга.

— Кхе-кхе, — еле слышно подал голос Ойтуш.

Если бы протекторий узнал, что Сати ходит сюда и тем более носит ему еду, Ойтуша неминуемо ждала бы смерть. Вот почему с мерами предосторожности этим двоим было сложно перестараться.

— Привет, — шепотом произнесла девушка, легонько ступая в темноту подсобки.

Не говоря ни слова, Ойтуш взял ее лицо в ладони и нежно поцеловал куда-то в область носа.

— Опоздание на две минуты, мисс Лаллеман, — шутливым тоном произнес парень и постучал по циферблату своих рабочих часов. — Лишаю вас десерта.

Сквозь полумрак Ойтуш видел, как девушка на пару секунд скорчила недовольную гримаску: насмешка над их строгим школьным режимом была весьма злободневной.

— Смотри, что я принесла тебе, — сказала Сати.

Поставив рюкзак на пол, она суетливо принялась вынимать запасы своего школьного обеда, а Ойтуш не мог оторвать глаз от ее миниатюрных и таких проворных пальцев.

Сати никогда не рассказывала о своих родителях. Она ничего не помнила о них, точно также как Ойтуш не помнил своих маму и папу. Это было не таким уж и редким явлением среди жителей Метрополя. Вероятнее всего, родители Сати были одаренными — только они проводят опыты с генетическим кодом человека. Иногда на улицах города можно было встретить людей с шестью пальцами, разноцветными глазами или причудливыми родимыми пятнами — все это результаты искусственно выведенных мутаций. Генотип Сати тоже когда-то был искусственно изменен,

только так можно было объяснить удивительный сиреневый цвет ее волос.

У того мальчика тоже были необычные волосы… Вспомнив тело доставленное пару часов назад, Ойтуш тяжело вздохнул.

— Ты чего? — насторожилась Сати; она удивительно тонко чувствовала перемены в его настроении.

— К нам сегодня привезли сиделку. Смерть… такая нелепая, — в последний момент Ойтуш решил не говорить о том, что желудок парня напоминал кровавый прохудившийся мешок.

— Само их существование сплошная нелепица, — покачала головой Сати.

Больше нечего было сказать. Ойтуш молча принялся за обед.

— Мне пора идти, — с сожалением вздохнула Сати. Десять минут, как всегда, пролетели невероятно быстро.

— Угу, — кивнул Ойтуш, сминая фольгу, в которой еще пару минут назад была запеченная картошка с мясом.

— Спасибо за обед, мелкая.

Мелкая. Потребовалось несколько лет, чтобы Сати перестала обижаться на это прозвище, что с легкой руки дал ей Ойтуш.

— Сколько еще уроков сегодня?

— Математика, прато-лингва, анатомия, — перечисляла Сати. — Вечером две тренировки по кэндо.

Услышав про кэндо, Ойтуш схватил швабру, стоящую в углу подсобки, и с невероятно серьезным лицом изобразил несколько атак.

— Дурак, — смеясь, сказала Сати, глядя как парень размахивает палкой, пародируя фехтовальщиков.

Улыбнувшись, Ойтуш отставил швабру и крепко обнял девушку.

— Я просто рад, что ты учишься постоять за себя, — прошептал он ей на ушко.

Рабочая одежда Ойтуша пропахла кровью, а сам он был очень худым — прижавшись к нему, Сати чувствовала выступающие ребра. Стиснув зубы, она пообещала себе, что на ужин принесет в два раза больше еды.

За работу в морге с утра до вечера Ойтушу платили какую-никакую зарплату. Но она была в пять раз меньше пособия, что получала Сати, просто являясь гражданином Первого класса. И,

тем не менее, Ойтуш, этот упрямый тип, безоговорочно настоял на том, чтобы лично оплачивать аренду их жилья. От денег Сати он открещивался, как от огня, все время повторяя, чтобы девушка тратила их «на себя»: покупала красивую одежду, косметику, всегда была сытой и ни в чем не нуждалась.

Но Сати не могла даже подумать о том, чтобы купить себе очередное платье или помаду, зная о том, что ее единственный друг страдает от голода. Путем долгих споров, девушке удалось буквально выбить себе право носить обеды ему на работу. При всем богатстве Метрополя, найти качественную еду в магазинах было непросто, для школ же всегда поставляли только самое лучшее. Сати таскала для Ойтуша все, что только можно было стащить из школы, и, хоть он и ругал девушку за неоправданный риск, наградой за ее заботу была огромная благодарность в его глазах.

Но кроме этого, была и другая, более серьезная проблема, что отнимала львиную долю бюджета Сати. В тайне от Ойтуша, девушка снимала еще одну роскошную квартиру в престижном районе Метрополя, просто ради того, чтобы отвести от себя пристальный взгляд протектория. Пару раз в месяц ей приходится ночевать там, чтобы не вызвать подозрений у соседей, но настоящий дом Сати всегда был там, где был Ойтуш.

— Ну, побегай, — ласково сказал парень, выпуская ее из своих рук. Сати потянулась к его губам за поцелуем, но Ойтуш, как всегда, мягко отстранился.

«Единственный друг»… Конечно, они друг для друга были гораздо большим, раз решили жить вместе даже под угрозой смерти. Но как бы Сати ни тянулась к нему, Ойтуш не мог позволить себе преодолеть расстояние, что разделяло их. Расстояние, длиною всего-то в пять лет. Сати знала, что бесконечно дорога ему: видела нежность в карих глазах, когда он смотрел на нее, и рассеянную улыбку, что иной раз блуждала по его лицу. Но на деле Сати была для Ойтуша «мелкой», ребенком, которого с его правами гражданина Второго класса он не мог даже защитить.

— Постой-ка, что у тебя с глазами? — вдруг спросила Сати, когда голова парня показалась из полумрака кладовки.

— А что?

После приема экстазина, зрачки Ойтуша все еще были

расширенными и не реагировали на свет. Подойдя ближе, девушка проворным движением вытащила упаковку таблеток из его внутреннего кармана.

— Ты обещал мне, что не будешь принимать их, — в голосе Сати было разочарование.

— Обещал, пока не подхватил дот-вирус. А без него, — Ойтуш осторожно выудил экстазин из цепких пальцев девушки, — Мне было бы не встать сегодня на работу.

Суровая реальность жестоко бьет по самолюбию. На дворе время, когда не можешь сдержать слово, данное близкому человеку, потому что вынужден принимать наркотики, чтобы оставаться в живых еще один день.

— Я достану тебе сыворотку, — сверкнув глазами, произнесла девушка.

— Сати, моя железная леди, — с мягкой полуулыбкой сказал Ойтуш. — Сыворотка в городе закончилась. А если что и осталось, то стоит нереальных денег.

— Лекарство будет, даю тебе слово. Потерпи хотя бы сутки, ладно?

Снова этот тон. Слепая вера в то, что весь мир вращается вокруг тебя. Перейдя в категорию Второго класса, Ойтуш быстро уяснил, что он не всемогущ, а вот Сати по-прежнему жила в плену этих иллюзий. Не имело значения, какой ты класс: мы все были под колпаком у системы.

— Конечно потерплю.

Глава 2

Вернувшись в школу, Сати в первую очередь отправилась в душ. Надо было смыть с себя отвратный запах морга, а еще — немного прийти в себя. Раздевшись, она встала под упругие струи воды и закрыла глаза. В стенах школы за каждым из учеников велось наблюдение, доносы всячески приветствовались, и даже здесь, в душевой, Сати не могла позволить себе расстаться с маской беззаботной прилежной ученицы.

Вот вошла стайка девочек, и Сати отвернулась к стене. Она не стеснялась своей наготы — от этого быстро отучишься, когда в моечной нет даже перегородок; просто не хотелось ни с кем разговаривать.

Быть членом Первого класса просто замечательно, ровно до тех пор, пока у тебя нет секретов от протектория. В противном случае все твои права и привилегии быстро становятся прутьями золотой клетки.

Каждое утро, перед уроками, учащиеся проходили скрининг крови на дот-инфекции и другие социально-опасные заболевания. Также на основе анализов, для каждого ребенка составлялось индивидуальное дневное меню. С одной стороны — неплохо, все сделано для того, чтобы ты почувствовал себя особенным, а главное — защищенным, но если подумать, все это служило лишь одной цели — тотальному контролю.

День Сати Лаллеман был расписан по часам. Кроме школьной программы была обязательная спортивная секция на выбор, а также творческий кружок для формирования чувства прекрасного. Сати выбрала кэндо и флористику. Кэндо ей нравилось по-большому счету из-за масок: можно быть расслабить мышцы лица и перестать натягивать на себя дурацкую приветливую улыбку. Флористика же проходила в большой школьной оранжерее, где росли редкие и уничтоженные в годы Последней войны растения. Многие из них были восстановлены практически из одной клетки, как например, береза. Их было всего сто в мире, и одну березу мэр Метрополя щедро подарил школе Сати.

14:52, урок прато-лингвы. Сати почти задремала, когда позади нее послышались сдавленные смешки. Она повернула

голову вполоборота и увидела двух одноклассниц, с трудом сдерживающих смех. С одной из них Сати периодически общалась: ее звали Катана, и она была из очень богатой и влиятельной в Метрополе семьи. Сати знала, что родители Катаны рвут на себе волосы из-за того, что их дочь не одаренная, но тут уж ничего не попишешь. Сколько бы денег ни было у тебя на счете — одаренность либо есть в твоих генах, либо нет.

Увидев, что Сати смотрит на них, Катана кивком указала на мужскую часть класса. Ну да, разумеется. Лазарус Уик, эта звезда школы, в очередной раз решил устроить шоу. Из под парты он управлял дроном “Осой” — хитом в игровой индустрии для младшеклассников. К “Осе” была прицеплена леска с крючком, а крючок — никуда иначе как на юбку преподавательницы миссис Саланден. Она стояла спиной к классу и писала на доске, а ее юбка с каждым разом приподнималась на сантиметр выше.

Сати оглянулась по сторонам и увидела, что весь класс просто лежал от смеха. Саланден прекрасно слышала все: несмотря на преклонный возраст она пользовалась слуховыми имплантами, но не понимала, что нынче именно она — объект насмешек. Сати тоже рассмеялась и показала Катане большой палец. Ни в коем случае нельзя было показать, что ты не одобряешь шуток звезды школы, иначе следующий розыгрыш случится именно с тобой.

Когда юбка поднялась до середины попы, престарелая миссис почувствовала неладное. От позора ее спас Олли Бревик, скромный мальчик, что кинул в спину Лазаруса бумажный шарик. Лазарус отвлекся, на секунду потерял управление над дроном, и “Оса” уже под неудержимый хохот спикировала прямо в аквариум на учительском столе.

— Кто это сделал? — сердито спросила миссис Саланден и оглядела класс из под очков.

— Я конечно, — Лазарус Уик развалился на своем стуле и надменно скрестил руки на груди. Будь на его месте любой другой ученик, Саланден устроила бы выговор, но не в случае с Лазарусом.

— В следующий раз цельтесь точнее, мистер Уик, чтобы без брызг, — сказала она и отвернулась к доске. Класс продолжал угорать от смеха.

— Ага. Обязательно, — Лазарус быстро забыл об училке и сейчас уничтожал глазами бедного Олли.

Сати почувствовала, как от напряжения свело ее челюсти. Ей было жаль миссис Саланден, но ничего не оставалось как проглотить свою жалость, как та только что проглотила публичное унижение.

Лазарус Уик был одаренным. Математическим гением, по которому сохла не одна девчонка в их школе. Его будущее было предопределено, как и будущее других таких же. Одаренных единицы, но именно ради них протекторий и затеял однажды эту веселую игру в Первый и Второй класс.

Из уроков истории Сати знала как все началось. Последняя война унесла жизни семидесяти процентов населения планеты. Все наследие человечества оказалось под угрозой. До нас дошли лишь обрывки того как жили люди в довоенные годы, но ясно было одно — мир тогда был совсем иным. Другие материки, другие моря и океаны, а стран, наверное, больше сотни.

Сразу после войны стали появляться первые одаренные: юноши и девушки, которые могли изменять мир, в соответствии со своими желаниями. Некоторые из них могли управлять течением времени, другие — воздействовать на волю окружающих людей, третьих невозможно было обмануть или перехитрить: любого они видели насквозь и могли читать словно открытую книгу. Первые одаренные ни на что не претендовали: они вовсе не считали себя выше всех остальных и уж точно не стремились заполучить все блага уцелевшей цивилизации. Это были мудрые первопроходцы, основавшие первое поселение, затерянное в мировом океане.

Сегодня о нем знают все. Это место окрестили “Островом”, и именно туда мечтает попасть каждый ребенок, кого не спроси. Даже Сати в свое время жила мечтой об Острове, пока не отбросила надежду найти в себе хоть каплю одаренности. Да, она была во многом лучше других, никогда не болела, не пропускала учебу, имела живой ум и воображение, но ничего сверхъестественного в ней не было. Она знала, что через год ей, как и Ойтушу, вживят чип, и прежняя жизнь закончится раз и навсегда.

Другое дело Кай — шестилетний гений, в три года получивший штамп лаврового венца. Он может нарисовать невероятно точный портрет любого человека, которого когда-

либо видел. Или восьмилетняя Камала, которая знает о местонахождении любой пропавшей вещи. Семилетнего Лидо не случайно взяли в группу дознания: его невозможно обмануть. Лидо всегда знает: лжет человек или говорит правду. Таких, как он, называют «интуитами», одаренными, что чувствуют людей насквозь.

Будущее этих детей известно: в шестнадцать лет они улетят на Остров и присоединятся к группе таких же одаренных, как они: будут заниматься исследованиями и совершать научные открытия. Ну а всем остальным суждено будет остаться в Метрополе и распределиться туда, куда решит протекторий. Кому-то с будущей профессией повезет чуть больше, кому-то чуть меньше. Кто-то станет приверженцем умственного труда или даже знаменитостью, а кому-то всю жизнь придется вкалывать за станком или как Ойтуш, за “разделочным” столом.

Протекторий вкладывает огромные деньги во всех детей без исключения, но одаренность просыпается лишь в единицах. Те, в чьих руках лежат бразды правления, верят, что чем лучше удобрена почва, чем больше взойдет побегов. Возможно это и так; по крайней мере, не одно поколение людей выросло и состарилось с этой мыслью.

Урок окончился. Парни и девушки, все еще посмеиваясь над случаем с миссис Саланден, поспешили в столовую.

— Классно Уик ее подколол, да, Сати? — Катана взяла девушку под руку.

— Не то слово. Показал всем шикарные ножки, — Сати усмехнулась.

— Пойдешь с нами обедать?

— Да, конечно, вот только в туалет заскочу, — на самом деле Сати намеревалась прогуляться до кабинета школьного врача. Усыпить его бдительность, а затем стащить шприц-ручку с сывороткой для Ойтуша.

— О, тогда я с тобой, — сказала Катана и потащила Сати в сторону уборной.

“Вот чертова стерва”, — подумала та и озарила одноклассницу милейшей улыбкой.

Сати знала, что некоторые девочки из класса обсуждают ее. Мол, она не интересуется косметикой и парнями. Возможно, Сати выросла бы другой, если бы не повстречала Ойтуша совсем еще ребенком.

Они познакомились, когда ей было одиннадцать лет, а ему только стукнуло семнадцать. Сати возвращалась из школы, когда совершенно случайно наткнулась на человека, что рылся в мусорных баках в поисках еды. В то время Ойтуш учился на втором курсе и уже имел первые проблемы с протекторием. За ним неусыпно следили, то и дело урезая и без того маленькую стипендию.

Заметив, как шевелятся пакеты в баке, Сати остолбенела от страха. Вскоре показался и он сам: тощий, лохматый, заросший щетиной — поистине устрашающее зрелище.

— Где взяла такие волосы, мелкая? — спросил Ойтуш, заметив, что Сати смотрит на него.

«Неужели он хочет снять с меня скальп?!» — в ужасе подумала девочка, припоминая душещипательные страшилки про маньяков.

— Это парик, — придав голосу максимум уверенности, произнесла Сати.

— Ага. Так я и поверил, — усмехнулся парень, но заметив, что девушка напугана, поднял вверх ладони и тепло улыбнулся: — Да не бойся ты. Я сейчас не в том состоянии, чтобы нападать на маленьких девочек.

И действительно: Ойтуш еле стоял на ногах, а сил у него хватало лишь на то, чтобы разворошить очередной пакет с мусором, в надежде, что там будут объедки.

— Вот, держи, — неожиданно для самой себя, Сати протянула незнакомцу бумажный пакет с выпечкой из школы.

Ойтуш остолбенел от изумления, но через минуту горестно покачал головой:

— Я не могу взять это, милая, — сказал он, умоляюще глядя на Сати, — не хватало того, чтобы меня еще и расстреляли за то, что я «отобрал» у тебя обед.

О, да, протекторий любую историю может вывернуть наизнанку.

— Тогда я просто положу это здесь, — сказала девушка, кладя пакет к ногам молодого человека. — Будто бы кто-то потерял, а ты нашел.

— Как тебя зовут? — изумленно спросил Ойтуш, словно забыв, что находится в двух шагах от голодного обморока.

— Сати Лаллеман.

— Приятно познакомится, Сати, — вытерев руки о свои

рваные джинсы, парень протянул ей свою ладонь. — А меня зовут Ойтуш Эвери.

Помедлив секунду, Сати взглянула в его глаза: карие, очерченные длинными ресницами. Несмотря на всю сопутствующую атмосферу, он производил впечатление вежливого и умного человека, которому можно было доверять.

— Приятно познакомится, Ойтуш, — улыбнулась девочка, крепко сжав его руку.

Эти двое быстро стали друзьями, а через год и вовсе стали жить под одной крышей, вместе деля всю боль и радость, что приходилась на их долю. И никогда за все это время Сати не думала, что Ойтуш не должен быть с ней, только потому что он гражданин Второго класса.

***

После уроков Сати была выжата, словно лимон, а вдобавок, сильно раздосадована тем, что ей так и не удалось выкрасть иммуноглобулины. Зато тренировка по кэндо прошла как нельзя лучше. Сати давно заметила, что ярость делает ее в разы сильнее; одержав десять побед подряд она получила “отлично”, похвалу от тренера, а также кучу болезненных синяков по всему телу.

За хорошие оценки Сати получила талон на дополнительный десерт, но вместо этого взяла с собой несколько порций обеда. Однако самого главного — лекарственной сыворотки — она таки не достала, а значит еще целые сутки Ойтушу придется бороться с болезнью самостоятельно.

Он пришел с работы немного раньше обычного, и, не раздеваясь, сразу же рухнул в постель. Стащив с него обувь и верхнюю одежду, промокшую от сырого снега, Сати накрыла парня несколькими одеялами. Ойтуша бил озноб; он задыхался от кашля, а в перерывах между приступами не мог связать и пары слов. Сати ничего не оставалось, как ввести экстазин ему внутривенно.

Девушка была в смятении; она ненавидела себя за то, что при всех своих возможностях, не сумела достать сыворотку для Ойтуша. Удалившись за перегородку, что условно делила их комнату на спальню и «кухню», Сати взяла нож и дрожащими от ярости руками полоснула себя по внутренней части бедра.

Глубокий порез мгновенно начал кровоточить; она перебинтовала его первой попавшейся тряпкой и, привалившись к стене, осела на пол. Девушка наслаждалась этой болью, благодаря которой она могла наказывать себя за страдания Ойтуша. Эти приступы самобичевания случались с ней довольно часто, благо, что все порезы быстро затягивались, почти не оставляя шрамов.

— Сати, — хрипло позвал ее Ойтуш, когда экстазин наконец подействовал. Он ничего не знал об этой аутоагрессии — его подруга хорошо умела прятать следы.

— Лучше? — вернувшись в комнату, спросила она.

— Могу горы свернуть. Наверное, — Ойтуш улыбался, сидя в кровати, а его расширенные зрачки делали глаза почти черными.

— Я клянусь тебе, что завтра сыворотка… — начала было Сати.

— Помолчи, мелкая, — перебил ее парень. — Мне нужен только один вечер с тобой и все.

Его голос был спокойным, но глаза горели сумасшедшим огнем, отчего Сати стало немного не по себе. Присев на кровать рядом с ним, Сати убрала мокрые вьющиеся волосы с его лба. Перехватив руку девушки, Ойтуш жадно прижался губами к ее пальцам; он целовал их с наслаждением, закрыв глаза, а его сухие губы были невероятно горячими. Опьяняющая дрожь пробежала по телу Сати, заглушая острую боль в бедре, там, где она порезала себя. Неужели именно сегодня, после трех лет, прожитых вместе, они наконец-то перестанут быть просто друзьями?

Темно-вишневого цвета капля упала на запястье девушки. Взглянув на лицо Ойтуша, она увидела кровавую дорожку, что текла из носа по его верхней губе. Это было плохо, очень плохо.

***

Они проспали. Ночью у Ойтуша пошла кровь из носа, целый фонтан, заливший их и без того убогое жилище. Сати извела почти все имеющиеся тряпки, чтобы остановить этот поток, а потом еще долго не могла уснуть. И в итоге проспала. Это было непозволительно.

В школе любое, даже незначительное опоздание вызывает подозрение и пристальное внимание интуитов, которое Сати было совсем не нужно. Стремительно облачившись в мятую

школьную форму, которая состояла из светло-голубой юбки до колена, темной блузки и пиджака с нашивками учебного заведения, она пулей вылетела из дома.

Мокрого снега на улице не было, но Сати все равно натянула шапку на голову, чтобы хоть как-то примять торчащие после сна волосы. Бегом спустившись в метро, она почти чудом протиснулась в закрывающиеся двери. Отдышалась, по привычке прислонилась к большому окну в конце вагона. Устало прикрыла глаза. Теперь, когда в запасе было еще минут десять свободного времени, ее мысли снова перенеслись к Ойтушу.

С окраин города людей ехало мало, зато ближе к центру в вагон набилось, словно в спичечный коробок. В основном это были граждане Второго класса: усталые, не выспавшиеся, многие в масках, со следами разгорающейся дот-инфекции.

Все сидячие места были заняты Первым классом: так было принято; и даже Сати, хоть она и не садилась, была окружена кольцом свободного пространства. Никто из Вторых не посмел бы нечаянно задеть ребенка или вторгнуться в его личное пространство: для Первого класса существовал так называемый закон о неприкосновенности, иными словами — членам Второго класса запрещалось прикасаться к детям до шестнадцати без действительно веской причины.

К счастью протекторий не знал, сколько раз Ойтуш нарушил этот закон в отношении Сати.

Иногда ей было интересно наблюдать за детьми в вагоне, угадывать, есть ли среди них одаренные. Может быть вот этот белокурый мальчик в виртуальном визоре? Эмоции на его лице сменяли друг друга, как облака, которые гонит ветер. Еще бы, он был сейчас так далеко от гула метро и толпы уставших людей — виртуальная реальность дарила ему фантастический новый мир, из которого не хотелось уходить. Или может быть эта девочка с родимым пятном в виде стрекозы? Сати заметила, что она читает книгу вверх тормашками, или же просто спит с открытыми глазами.

Большинство детей не вызывало интереса: кто-то зевал, безуспешно пытаясь разлепить глаза, кто-то сидел, уткнувшись в учебник. Сати подумала о том, а как она выглядит со стороны. Ее отражение в зеркале было худощавым и ссутулившимся. На лице

следы усталости, а в глазах — расчетливость, а еще очень много тревоги. Увидев себя, Сати выпрямилась и натянула на лицо выражение вежливого равнодушия.

От метро до школы — высокого старого здания из белого камня — Сати неслась, чуть ли не расталкивая прохожих. В школе нужно быть не позднее семи тридцати, а в запасе у Сати оставалось всего две минуты. Лишь в нескольких метрах от входных дверей, она заставила себя сбавить шаг, поправила съехавшую шапку и восстановила дыхание после бега.

Фойе было опустевшим: все дети были уже на занятиях. Мягкие шаги девушки отзывались в пустых коридорах почти неслышным эхом. На ходу стащив с себя пальто, Сати приложила большой палец к сканеру. Через пару секунд он тихонько пискнул, возвещая о том, что вход разрешен, а над ее головой появилась бегущая строка: «Удачного дня, мисс Лаллеман». Сати с силой толкнула турникет и тут же, к своему величайшему ужасу почувствовала, как сбила кого-то с ног.

— Было больно, — бесстрастно констатировал детский голос.

В тени фойе поднимался с пола семилетний мальчик в форме группы дознания. Чувствуя, как неприятный холодок ползет по позвоночнику, Сати признала в нем Лидо.

— Прошу прощения, я не заметила тебя, — максимально смягчив свой голос, произнесла Сати.

— Ничего, бывает, — потирая ушибленный лоб, сказал он, медленно подходя ближе. — Куда-то торопишься?

— Нет, — машинально ответила Сати. Взгляд Лидо буквально приковывал к месту. «Главное не смотреть ему в глаза», — подумала она, рассматривая мозаичный пол школьного фойе.

— Я бы на твоем месте поторопился. Ты уже опоздала на три минуты, Лаллеман.

— Неужели? — нервно усмехнулась Сати, уставившись на огромные настенные часы: мальчик был прав. — Тогда я поспешу.

Стараясь не встречаться с интуитом глазами, девушка собиралась было пройти мимо. Нельзя было допустить, чтобы он допросил ее.

— Подожди.

Темные, почти черные глаза Лидо с интересом скользнули по Сати. Серо-коричневая форма группы дознания сидела на нем идеально, будто бы мальчик родился в ней. Спокойным и

властным жестом он пригладил волосы, воссоздавая идеальный пробор, испорченный падением.

— Сати, а почему у тебя кровь под ногтями?

Взглянув на свои руки, девушка забыла как дышать. Под несколькими ее ногтями, действительно были тонкие полоски алой крови. Крови Ойтуша. Ситуация приобретала крайне неприятный оборот.

— Должно быть я порезалась, — с холодным равнодушием отозвалась она. — Послушай, Ройсс, мне и правда пора на уроки.

— Именем протектория я имею право задерживать тебя. На столько, на сколько нужно, — все также бесстрастно продолжал Лидо, не обращая внимания на слова девушки. — Смотри мне в глаза.

«Маленький ублюдок», — пронеслось в голове девушки. Она знала: стоит интуиту наладить зрительный контакт, как ни одна, даже самая изощренная ложь на свете, не сможет провести его.

— А, вспомнила. Это менструальная кровь. — Сати изо всех сил старалась смотреть мимо глаз Лидо. Было бы здорово, если бы она могла для убедительности покраснеть.

— Что ж, я ознакомлюсь с твоим циклом, — задумчиво сказал Лидо Ройсс, ставя себе напоминалку. — Но почему же ты не хочешь взглянуть на меня?

Сати взглянула и моментально попала под силу черных гипнотизирующих глаз этого ребенка.

— Ты уверена, что это твоя кровь, Сати? — Лидо сделал шаг навстречу.

“Я не могу, не могу, не могу сопротивляться ему!”

— Н… не… нне… — Сати заикалась. На миг в ее голове пронеслась забавная мысль, что она похожа на устаревшего робота, которому задали слишком сложную задачку, и его микросхемы сейчас перегорят от усилий.

— Мисс Лаллеман, вот вы где!

Неужели это было спасением? Буквально обливаясь потом, Сати с трудом оторвала глаза от взгляда одаренного. А к ним уже спешила, гулко стуча каблуками по коридору, учительница Сати по математике.

— У вас же контрольная, вы не забыли?

Целую секунду девушка возносила хвалу всем точным наукам в мире.

— Мистер Ройсс, а вы опять пристаете к моим ученикам?

Молодая преподавательница, миссис Соммели, видимо, не до конца представляла себе власть, которой располагал Лидо. Одного его слова хватило бы, чтобы снять ее с должности и больше никогда не допустить к преподаванию. Но сейчас интуит был сконцентрирован на Сати, и только поэтому позволил себе пропустить колкое замечание мимо ушей.

— Он больше не задерживает меня, миссис Соммели, — сказала девушка, изо всех сил скрывая свое презрение к юному одаренному.

Резкая боль в одном из кончиков пальцев была настолько неожиданной, что Сати почти что подпрыгнула на месте. Этот мелкий гаденыш улучил момент и остриг ей чуть ли не пол ногтя.

— Я отправлю это генетикам, чтобы подтвердить вашу ДНК. А вам советую вымыть руки с мылом. — Впервые за весь их разговор Лидо позволил себе улыбнуться, и Сати заметила, что в его рту не хватает пары молочных зубов.

«Выбить бы их всех», — задыхаясь от ненависти, подумала девушка. Если бы только ее серые глаза могли метать молнии или источать яд — Лидо бы тотчас забился в агонии. Но она могла лишь смотреть ему вслед, понимая, как дорога будет каждая последующая секунда.

Сейчас врачи возьмут анализ ДНК, и уже через пару минут узнают, кому на самом деле принадлежит эта кровь. Группа дознания без труда определит местонахождение Ойтуша по чипу в его мозге, а в следующие двадцать минут его, ослабленного болезнью и ничего не понимающего, будут избивать, клешнями вытаскивая информацию.

Перспектива была ужасной. Дождавшись, когда мальчишка скроется из вида, она бросилась вон из школы. Вслед Сати доносились увещевания учительницы по математике, но они больше не имели для Сати значения, как и все остальное в этом мире.

Глава 3

Это был последний рабочий день Торы Матиаса. Семнадцатилетний юноша, работающий уборщиком в биологической лаборатории, мог читать целые лекции о том, как довести начальство до белого каления. Он не был глупым, но его неуклюжесть могла измеряться разве что в астрономических масштабах.

А как еще работать, когда ты хромой, а половина лица и вовсе парализована? Он ронял все, что только можно было уронить: стулья и книги, вешалки с медицинскими халатами и контейнеры с пробирками. Умудрялся проливать на себя и свежесваренный кофе, и только что собранные анализы. Сегодня он случайно опрокинул стеллаж с образцами тканей, за что получил отрезвляющую пощечину и наказ больше никогда не появляться на своем уже бывшем рабочем месте.

В лаборатории Тора продержался целый месяц — пока что это было рекордом в истории его карьеры. Никто не хотел брать на работу неопытного калеку, который на деле оказывался еще и ходячей катастрофой. Но несмотря на все недостатки, Тора обладал живым умом и мог посмеяться над собой: в шутку он любил говорить, что обладает одаренностью, вот только она крепко спит вместе с его намертво парализованной левой половиной лица. А еще у Торы был брат. Одаренный младший брат.

— Тебя опять увольняют, безмозглый кретин?

Презрительный тон белокурого мальчика ранил Тору в самое сердце.

Эти двое были наглядными примером того, как непохожи между собой бывают родные братья. Тора был высоким, темноволосым, нескладным, похожим на хромого жука палочника, Захария же, напротив, миниатюрный, с вьющимися светлыми волосами, розовощекий — этакая красивая фарфоровая кукла.

— Что разрушил на этот раз?

— Шкаф с образцами, — не поднимая глаз на брата, ответил Тора.

Захария вздохнул и устало опустился в жесткое кресло. Небрежно стащил с головы визор, всем видом давая понять, что это жалкое существо, именуемое братом, отвлекает его от невероятно важных дел.

— Мне надо будет платить за это? — снова прозвучал этот ледяной, совершенно не детский голос Захарии.

— Нет, — подал голос старший лаборант, наблюдая за тем, как Тора неуклюже пытается поднять с пола упавшую папку с документами. — Достаточно будет его месячной зарплаты.

— Вот и хорошо. Будет уроком для него.

Лаборант был бывшим начальником Торы. Целый месяц у него руки чесались: так хотелось всыпать уборщику по первое число. Но каждый раз он сдерживался, видя, какие неудобства причиняет калеке его больная нога. А сейчас, наблюдая презрение, с которым младший Матиас относился к родному брату, лаборант с содроганием представлял, как несладко приходится Торе в стенах дома. Захария был настоящим тираном и, судя по всему, умел неплохо скрывать следы побоев: на неуклюжем парне не видно было ни царапины. На это и была сделана ставка. Старший лаборант даже не представлял, насколько он ошибся по поводу их.

Едва спектакль был окончен, Захария вколол в «хромую» ногу брата миотоник.

— Потерпи еще пару часов, хорошо? Нужно время, чтобы мотонейроны полностью восстановились.

— Как скажешь, — устало ответил Тора, массирую холодную и бесчувственную конечность. — Лучше было бы вовсе оттяпать эту ногу.

— Пожалуйста, не говори так, — умоляюще произнес Захария, — Без информации, которую ты достал, мы бы никогда не сдвинулись с места.

— Ага, — вяло протянул темноволосый парень, отодвигая нетронутую чашку с горячим шоколадом.

Они сидели в маленьком всеми забытом кафе, подальше от любопытных глаз, «отмечая» небольшую победу. В кои-то веки без своих масок.

— Ты сердишься, на меня, — констатировал младший из них. — Мы просто играли свои роли, Тора. Как и всегда. Ты же знаешь, что я люблю тебя, и неважно, что за чушь я нес в стенах лаборатории.

— Знаю, — ответил Тора, но в его голове все еще звучал ледяной и такой чужой голос его брата. — Просто ты слишком убедительно играешь свою роль.

— Я хороший актер, — улыбнулся Захария.

Они помолчали. Тора чувствовал, как с каждой минутой его ноге возвращается чувствительность, что нельзя было сказать о левой половине его лица — она было парализована по-настоящему. Не то чтобы это отравляло парню жизнь, скорее, символизировало двойную игру, которую они вели вместе с братом.

Одна их жизнь лежала на поверхности. В ней Тора Матиас был хромоногим калекой, которого гнали взашей с каждой новой работы, а Захария — его деспотичным опекуном. Играть эти роли было несложно: стереотипы в головах людей помогали довершать картину. Вторая жизнь братьев лежала вне законов Метрополя: пару лет назад, на свой страх и риск, они добровольно примкнули к небольшой группе сопротивления. Нет, до войны было далеко: куда уж там группе мятежников и отвергнутых обществом единиц против строя, который возводился на протяжении многих столетий. Сбор информации, разведка, слежка за некоторыми одаренными, поиск хоть каких-то данных об Острове — это все, что пока было в их силах.

— Ты знаешь, позавчера я нашел кое-что интересное, — вдруг вспомнил Тора.

— Об аниматусах?

— Нет. В одном из архивов была информация о человеке… его звали, кажется, Тадеус Кель.

Захария поставил свою кружку на стол и внимательно взглянул на брата: это имя он, несомненно, слышал и раньше.

— Пятнадцать лет назад над ним проводили опыты в одной из лабораторий Метрополя. Он значится в архивах как “как индивид с абсолютным иммунитетом”. Его случайно обнаружили эпидемиологи, когда сжигали трупы в нулевых районах. Всех бедняков тогда выкосила аспидная чума, а он один в живых остался. Говорят даже, что он ел и спал среди смертельно больных и все равно не заразился.

— А сейчас он жив? — спросил Захария, с интересом наблюдая за каждым жестом брата.

— Не думаю; ученые много сил вложили, чтобы изучить

природу его иммунитета, практически на кусочки его разобрали… После такого долго не живут.

Откинувшись на стуле, Тора задумчиво сделал глоток из своей чашки.

— Но самое интересное в том, что из крови Тадеуса получили лекарство от вышедшего из-под контроля вируса C(H1N7)…

— Минутку, ты говоришь о дот-вирусе? — нахмурился Захария.

— О нем самом.

— Но сыворотку всего два года назад создали, до этого эпидемия людей сотнями косила… — Захария вдруг осекся и пристально взглянул на старшего брата. Похоже, он понял, к чему тот клонит.

— Вспомни, кто умирал в первую очередь: старики, бездомные, асоциальные личности, — Тора понизил голос до шепота: даже здесь, в задрипанном кафе, у стен могли быть уши.

— Тот, кто не приносил пользы Метрополю.

— Именно, — кивнул Тора, — Сыворотка всегда была у нас, но дот-вирус был нужен, как средство контроля.

— Для того чтобы держать нас в страхе, — закончил его мысль Захария.

Они помолчали. Может быть, именно сейчас каждый из братьев осознал, насколько далеко они зашли.

— Идем, — вставая из-за стола, сказал Тора, — Айзеку нужно узнать об этом как можно скорее.

***

Мозговой чип буквально разносил голову Ойтуша на части. Выпав из сновидения, словно рыба из воды, он судорожно хватал ртом воздух. На этот раз образ морского берега и беременной девушки с сиреневыми волосами был настолько реален, что Ойтуш долго не мог понять, где он находится на самом деле. Но задаваться вопросом, почему в его голове чуть ли не каждую ночь рождаются эти видения, у парня не было ни времени, ни сил.

«Доброе утро, Ойтуш Эвери», — как обычно заговорил микропроцессор приятным женским голосом.

«Как бы это утро не стало последним», — подумал парень.

Его подушка была мокрой от крови и пота, а сам он был бледен, словно смерть. Перед глазами все плыло; Ойтуш

попытался взять стакан с водой, но дрожащие, сведенные судорогой пальцы не позволили ему этого сделать — стакан разбился вдребезги. Держась за стену, Ойтуш на ватных ногах добрался до раковины и пару раз ополоснул лицо холодной водой.

«Температура вашего тела составляет тридцать девять и восемь градусов Цельсия. Общее самочувствие оценивается как два из десяти. Красный уровень тревоги! Рекомендуется немедленно, повторяю, немедленно принять лекарство от дот-вируса!»

Рекомендуется, только где его взять?

Ойтуш взглянул в зеркало. Оттуда на него смотрел худой, измотанный болезнью тип: темные вьющиеся волосы слиплись, на впалых щеках пробивалась щетина, а воспаленные глаза обрамляли темные круги. Постояв немного лицом к лицу со своим отражением, Ойтуш решил, что не выглядел настолько мерзко даже в худшие свои времена.

Неожиданно в дверь постучали. Вынув лицо из полотенца, Ойтуш настороженно повернулся на стук. Он подумал было, что это вернулась Сати, и, возможно, даже с лекарством, но тревожный холодок, пробежавший вдоль его позвоночника, убеждал в обратном. Это были незваные гости. Да и к тому же у Сати были ключи.

Стук повторился. Настойчиво, даже требовательно, но, тем не менее очень спокойно. Так стучат те, для кого войти — просто вопрос времени. Так может стучать только группа дознания.

Ойтуш убедился в этом, стоило ему лишь приоткрыть дверь. Мощный удар в челюсть отбросил парня метра на два. Неплохая тактика — вначале избиение неизвестно за что, а потом разговоры. Хотя… конечно же, Ойтушу было известно. Живя вместе с Сати, ночуя в одной кровати с ней, он нарушал столько законов, что умереть от дот-вируса было бы легче и приятнее, чем понести наказание. Их связь все равно бы раскрылась, рано или поздно.

Следующий удар пришелся прямо в солнечное сплетение, отчего Ойтуш на несколько секунд забыл как дышать. Согнувшись пополам, он осел на пол, даже не пытаясь защититься от следующего удара. Группу дознания бесполезно останавливать:

они знают свое дело и будут бить человека до тех пор, пока не решат, что тот уже готов отвечать на вопросы.

Краем глаза Ойтуш заметил, что их было четверо. Тот, кто избивал его, был обычным служителем протектория, второй стоял чуть поодаль. Маленький мальчик, должно быть, интуит, по-хозяйски восседал на их с Сати не заправленной постели, а еще одна, пока что неясная фигура, стояла в дверном проеме.

— Имя! — Рявкнул один из служителей, схватив Ойтуша за волосы на затылке.

— Цезарь Шан.

Надо быть полным идиотом, чтобы в такой ситуации назвать имя президента Метрополя.

Полицейский побагровел от гнева и замахнулся было для нового удара, но интуит неожиданно остановил его. Как и предполагал Ойтуш, группа дознания решила не выходить за пределы положенного ей рукоприкладства.

— Меня зовут Лидо Ройсс, — сказал темноволосый мальчик, слезая с кровати. — И мне бы очень хотелось познакомиться с тобой.

— Ойтуш Эвери, — назвал парень свое имя, не в силах противится взгляду одаренного. Еще одна тактика протектория: сломить преступника психологически, взять под контроль его волю, заставить отвечать на вопросы, а в итоге — сделать так, чтобы он почувствовал себя ничтожеством. Именно для этого в группу дознания и берут одаренных, способных вторгаться в человеческий разум.

— Неужели не того схватили? — изображая на разбитом лице искренний ужас, спросил Ойтуш.

— Ты смешной, — совершенно по-детски рассмеялся Лидо. — Мы бы никогда так не ошиблись.

Конечно, нет. Микрочип, вживленный в черепную коробку, позволяет отыскать нужного человека, хоть на краю света.

— Ты знаешь, за что ты арестован? — снова спросил интуит, пристально глядя Ойтушу в глаза.

Ну вот и все. Сейчас Ойтуш сам во всем признается, не нужно ни пыток, ни угроз. Черные глаза Лидо заставят его сказать правду, хочет он того или нет.

— Арестован? — прозвучал холодный, надменный голос. —

Какие претензии может иметь протекторий к моей обслуге?

Это было невозможно, но Сати была здесь. Ее лицо не выражало абсолютно ничего, кроме разве что сдержанного негодования по поводу того, что незнакомые люди вломились сюда без разрешения. Ойтуш мог только догадываться о том, что творилось в ее душе — настолько холодной и непроницаемой была маска на лице его подруги. Даже не взглянув в его сторону, Сати, как бы ненароком, встала между ним и Лидо, разрывая тем самым зрительный контакт.

— Это обслуга? — искренне удивился Лидо.

— Да, он живет здесь и каждый день ездит убираться в мою квартиру.

Невероятно, но каким-то образом девушка могла врать, даже смотря интуиту в глаза.

— Ладно, спрошу по-другому, — Лидо склонил голову набок. — Кто этот человек лично для тебя?

— Я же сказала — никто. Просто уборщик, которого вы зачем-то избили, — холодный взгляд Сати скользнул по разбитому лицу Ойтуша, не выражая ничего, кроме пренебрежения к слабой и недолговечной телесной оболочке. — Как он теперь будет работать?

Лидо был в растерянности: впервые за его короткую жизнь, кто-то умудрялся лгать ему прямо в лицо. Девчонка не могла говорить правду, он знал это, к тому же интуиту вполне удавалась контролировать ее в школе сегодня утром. Ойтуш, напротив, ликовал: он чувствовал, что Сати борется за его жизнь всеми мыслимыми и немыслимыми усилиями.

— Ты врешь! — в негодовании выкрикнул Лидо. — Я знаю, вы живете вместе, и вы… вы… вы любовники!

Сати фыркнула, а затем рассмеялась:

— Любовники? Лидо, а тебе уже можно говорить такие слова? Мама разрешает?

Ройсс будто язык проглотил от негодования; обычно это он контролировал ситуацию, а преступившие закон дрожали от страха перед его способностями. На помощь интуиту пришел один из полицейских:

— Лаллеман, протекторий давно присматривает за тобой, — подал голос полицейский, который избивал Ойтуша. Это был мерзкий жирный тип, на котором черный с капюшоном плащ

протектория сидел скорее смешно, чем устрашающе.

— Думаешь, мы не знаем, что ты таскаешь еду из школьной столовой, а каждый день, в обед, ходишь к… — служитель запнулся и пренебрежительно взглянул на сплюнувшего кровь Ойтуша, — … мистеру Эвери в морг? До сих пор мы на многое закрывали глаза только из-за твоего договора.

«Договора?!» — недоброе предчувствие пронеслось в голове Ойтуша.

Дело в том, что несколько лет назад у них уже были проблемы с протекторием. Именно тогда Сати, никому не говоря ни слова, подала свою анкету в корпорацию «Няня Момо» — крупнейшую из тех, что сдает в аренду сиделок. Штампа одаренности у Сати не было, да и не предвещалось, а перспектива разлучится с Ойтушем была слишком невыносимой. Через месяц девушке пришло письмо с извещением, что она им полностью подходит, и по достижению шестнадцати лет сможет приступить к работе. Ее цель была достигнута: всевидящий протекторий временно оставил их в покое.

Тогда Сати закусила губу и заставила себя забыть о договоре на несколько лет: лучше даже не представлять себе, каким куском мяса ты будешь, когда станешь сиделкой. И уже тем более Ойтуш ни в коем случае не должен был раньше времени узнать об этом.

— Какая замечательная пара, — оживился Лидо, услышав о договоре. — Он преступник, гниющий в тюрьме, а она будущая сиделка. У моего брата тоже была сиделка, так он зашил ей рот, из-за того, что она пару раз на него чихнула.

Ойтуш был в смятении. Он пытался поймать взгляд Сати, но она нарочно встала к нему спиной. Наверняка есть возможность как-то аннулировать этот договор, иначе группа дознания может хоть прямо сейчас надевать черный мешок ему на голову.

— Значит так, Лаллеман, — мерзко улыбаясь, сказал Лидо, доставая металлическую дубинку из-за пояса полицейского. — Перейдем к более радикальным мерам. Если эта падаль ничего не значит для тебя, ударь его.

— Зачем? — опешила Сати, глядя на тяжелый предмет, что протягивал ей темноволосый мальчик.

— Назовем это: в профилактических целях, — ухмыльнулся Лидо. — И потом, посмотри как этот неряха испачкал пол своей грязной кровью.

Ойтуш действительно выглядел сейчас жалко. Измотанный болезнью, тощий, избитый; он не смог оказать сопротивление, даже если бы очень захотел. Глядя в его глаза, Сати буквально слышала дикий, обезумевший от отчаяния крик, но парень молчал, кулаком вытирая струйки крови, что текли из его носа.

Сможет ли она положить конец этому?

Словно во сне девушка взяла холодную дубинку из рук Лидо.

— Вот и правильно, — одобрительно кивнул тот. — Накажи его.

Сати была на грани. По ее мертвенно-бледному лицу Ойтуш видел, что безупречная роль оказалась близка к краху. Встретившись с девушкой глазами, он едва заметно кивнул ей, как бы говоря: «Ты сможешь, мелкая».

Но Сати медлила.

— Всего пара добросовестных ударов, — подстегивал ее Лидо. — И твой уборщик тотчас же получит сыворотку. Разве ты не видишь, что он умирает от дот-вируса?

Мальчик достал из внутреннего кармана шприц-ручку и небрежно положил его на стол. Чутье подсказывало Сати, что он блефует, но узнать правду можно было только путем невероятной боли. На кендо их учили драться и делать удары, но лишь в противника, который может обороняться. То, что происходило сейчас, было унижением и пыткой для них обоих.

Сати вскинула дубинку для первого удара, и Ойтуш инстинктивно зажмурил глаза, приготовившись испытать боль.

Секунда, две, три… Время шло, а Сати так и стояла замахнувшись. Прошла наверное, целая вечность, прежде чем в гробовой тишине химического склада раздались радостные хлопки Лидо. Все было кончено.

Двое полицейских беспрепятственно сцепили руки Ойтуша наручниками. Затем, грубо схватив его за волосы, заставили опуститься на колени.

— Теперь этот кусок дерьма будет догнивать в одиночной камере, — с презрением сказал интуит, вновь встречаясь глазами с Ойтушем. — Ну что, мистер Эвери, страшно тебе умирать?

— Да, — не нужна была одаренность, чтобы догадаться об этом.

— А жить хочется? Вместе с любимой?

— Да, — хрипло произнес Ойтуш, поднимая глаза на Сати.

— Вот ничтожество, — усмехнулся мальчик, — Посмел думать, что девушка из Первого класса ровня тебе.

Размахнувшись своей маленькой ладошкой, Лидо отвесил ему пощечину.

Сати отреагировала меньше чем за долю секунды. Дубинка, что по-прежнему была в ее руках, проехалась по лицу интуита, превращая нос и губы в кровавую кашу. Полицейские метнулись было к ней, но девушка оказалась проворнее. Молниеносным движением Сати схватила со стола шприц-ручку с сывороткой, но уже в следующее мгновение неведомая сила подняла ее к самому потолку.

Из тени вышла еще одна фигура, которую Ойтуш вначале принял за девушку-полицейского. Длинные трубки торчали из его головы наподобие волос, темно-коричневая кожа была испещрена символами, словно компьютерная плата, а глаза имели цвет красного вина. Но самая ужасающая часть его облика заключалась в грубых швах, что скрепляли вместе растянутые в улыбке губы. Это был аниматус — искусственно созданное существо, наделенное по заказу протектория нечеловеческой силой.

Невидимыми руками он приковал хрупкое тело Сати к стене, а инъектор в ее руках взорвал, словно мыльный пузырь. Ойтуш в ужасе подумал, что этому творению не составит труда также же легко взорвать и ее голову. Темная кровь потекла по бледным пальцам Сати, капая на пол. Где-то в углу комнаты тихонько завывал Лидо, пересчитывая оставшиеся молочные зубы. Теперь, когда на сцену вышел аниматус, его способности были больше не нужны.

— Сати Лаллеман, именем протектория, вы арестованы, — огласил приговор голос полицейского.

Глава 4

В комнате для допросов было большое одностороннее зеркало. Сати избегала смотреть в него, потому что знала: с той стороны за ней наблюдают те, кто привел ее сюда.

Она сидела на жестком стуле, облокотившись на блестящий металлический стол. Грязновато-белые стены, глазок видеокамеры прямо под потолком — за целую, казалось бы, вечность заключения Сати досконально изучила все детали своего временного изолятора.

Часов в комнате не было, поэтому Сати не могла знать, сколько времени прошло с момента, как дознавательная группа доставила ее сюда: это могло быть и тридцать минут и три часа. К ней несколько раз заходили люди протектория; они задавали общие вопросы о ее учебе, отношениях с одноклассниками, родителях, которых она никогда не знала, и о других ненужных вещах. Затем, удостоверившись, что она больше не в состоянии оказывать сопротивление, полицейские сняли с Сати наручники. Но никто не мог дать ей ответа, сколько еще, а главное, чего ей ждать; оставленная наедине со своим отчаянием, девушка ждала приговора.

Она хотела выручить Ойтуша, а вместо этого напала на гражданина Первого класса, одаренного, члена группы дознания. Какое изощренное наказание протекторий изберет для нее — оставалось загадкой. Все могло быть иначе, если бы Сати смогла совладать со своим гневом и молча проглотить все издевательства Лидо. Теперь же ей никого не удастся спасти: ни Ойтуша, ни себя.

Ненависть к интуиту отравляла ее изнутри даже сейчас, перемешиваясь с невыносимым чувством вины. А ладонь, в которой взорвался инъектор, словно в подтверждении ее чувств, горела огнем. Бинты насквозь пропитались кровью, и девушке было страшно представить, насколько уродливы раны под повязкой.

Сати допускала возможность, что Ойтуш был уже мертв, хоть Ройсс и вопил своим окровавленным беззубым ртом, что он будет гнить в тюрьме еще долго. Если жив, то без лекарства все равно долго не протянет. Неужели протекторий окажется настолько

бесчеловечным, что вылечит его, а затем заморит голодом в карцере? От таких мыслей, у Сати начинала бешено кружиться голова, а тошнота подступала к самому горлу.

Изувеченная рука невозможно горела, и Сати, вопреки здравому смыслу, решила размотать бинты. Каково же было ее удивление, когда под алой от крови повязкой она обнаружила розовую, как у младенца, без единой царапины кожу! Ее глубочайшие раны зажили без следа, всего за несколько часов.

Изумленная, на ватных ногах, Сати медленно поднялась из-за стола. Она протянула выздоровевшую руку навстречу объективу видеокамеры и несколько раз помахала ей. Они должны были увидеть то, что видела она: не чудо и не божественное исцеление, а ее пробудившуюся одаренность.

Сати принялась бегло вспоминать свою жизнь. Она росла обычным ребенком, вот только почти никогда не болела. Раны и ссадины заживали как у всех, ничего сверхъестественного. Должно быть, мощный стресс последних часов запустил в ее организме какие-то реакции, и одаренность, на которую Сати никогда не рассчитывала, очнулась ото сна.

Шло время, но ничего не происходило. Полицейские, должно быть, уснули, там, за зеркальным стеклом. А может, приговор уже вынесен, и даже такая вещь, как одаренность не сможет ничего изменить?

Прошла еще пара часов, прежде чем Сати окончательно выбилась из сил, размахивая руками и прыгая, как сумасшедшая. Скрипя зубами и едва не плача от бессильной злобы, она опустилась на пол. На что она рассчитывала? Исчезнувшие порезы вовсе не означали, что если один из аниматусов оторвет ей голову, то вместо нее вырастет новая. И уже тем более никто не начнет носить ее на руках, даже если у девушки появится по запасной руке и ноге.

Протекторий строг к тем, кто нарушает законы Метрополя, к тем же, кто перешел дорогу представителям власти лично — жесток до несправедливости. Лидо никогда не позволит ей выйти сухой из воды, будь она хоть трижды одаренной.

А еще Сати вовсе не была уверена, что если травмируется снова, все заживет также же быстро. Может быть, ее одаренность

работает только на пике эмоций? Осмотрев свое бедро, там, где она порезала себя прошлой ночью, девушка убедилась в своей теории: старые раны заживали с обычной скоростью.

И все-таки надо было что-то делать. Время шло, и Сати приняла решение выбираться отсюда. Собрав в кулак всю свою ярость, она изо всех сил ударила в стекло: слой кожи тотчас же пластом сошел с костяшек ее пальцев. Закричав от боли, Сати тем не менее повторила свой удар. Зеркало оставалось нетронутым, но с ее руками происходило невероятное: кисти горели так, словно девушка засунула их в печь, а раны затягивались буквально на глазах. Рыча от гнева, Сати продолжала молотить зеркало, но все было безрезультатно. Кожа на нее руках самообновлялась, дымясь, как сырые поленья в костре, но на стекле не было ни трещинки. Нужна была более мощная атака.

Разбежавшись, насколько позволяло пространство маленькой допросной комнаты, Сати ринулась на пуленепробиваемое окно головой вперед. Последнее, что она услышала перед тем как провалится в темноту — это звон разбитого стекла и хруст собственных шейных позвонков.

***

— Имя? — снова те же вопросы.

— О… Ойтуш, — хрипло сказал парень, сплевывая сгусток крови. На этот раз ему было не до шуток.

— Фамилия?

— Эвери.

— Возраст?

— Двад… цать.

Лампа светила прямо в глаза, и Ойтуш не видел лица того, кто допрашивал его. Сильно мутило, а перед глазами плясали разноцветные круги.

— Ты понимаешь, что проведешь здесь остаток своей жизни? — все так же бесстрастно спросил голос: наверняка ему нередко приходилось задавать этот вопрос.

Ойтуш не ответил. Последнее, что он помнил, было чревом черного мешка, что надели ему на голову. Потом он провалился в вязкое беспамятство, и очнулся уже здесь, в месте, которое должно было стать его последним приютом.

— Мистер Эвери, ты понимаешь, что я тебе говорю? —

повторил вопрос бестелесный голос.

Вместо ответа, Ойтуш согнулся пополам, и его стошнило прямо себе под ноги.

— Он в терминальной стадии дот-вируса, — произнес из темноты еще один голос. — Больше трех дней точно не протянет. Давай в одиночку его, и дело с концом.

Двое людей в защитных масках с отвращением подхватили Ойтуша под руки. Он не сопротивлялся: куда уж там, когда еле стоишь на ногах. В грязной комнате с кафельными стенами и полом, плохо промытым от следов чьей-то крови, Ойтуша небрежно бросили на пол. Разрезали одежду, не желая возиться с пуговицами и застежками, а затем долго мыли под струей вонючей воды из шланга. Обстригли волосы на голове, облачили в грубую брезентовую робу, а запястье промаркировали тюремным номером.

Ойтуш реагировал на все манипуляции с энтузиазмом куклы-марионетки. С того момента, как его выгнали из университета, парень не понаслышке знал, что смерть стоит где-то за левым плечом, но всегда сопротивлялся ей, убегал, не давай себя поймать. Дот-вирус забирал у него все: волю, ощущение реальности, контроль над своим телом. На этот раз смерть дышала парню в лицо, и слова о том, что ему не протянуть и трех дней, были не пустым звуком.

Одиночная камера была маленьким, почти лишенным света местом. Здесь не было кровати; лишь унитаз и непонятно зачем торчащий из-под потолка кусок трубы. Пахло сыростью, а откуда-то сверху доносились приглушенные звуки метрополитена. Тюрьма была под землей, хотя, вполне возможно, что воспаленный мозг Ойтуша лишь дорисовывал картину подземки, собирая ее из случайных звуков.

Очутившись в камере, парень упал на холодный камень и почти сразу же заснул, точнее, впал в состояние, что при дот-вирусе называют «радужными снами». Галлюцинации между сном и явью, такие яркие, что не можешь понять, где правда, а где вымысел твоего агонизирующего мозга. Ойтуш был уверен, что уже не проснется. Через пару часов его разбудили — принесли первый паек. Это были два герметичных пакета, которые Ойтуш с трудом разорвал зубами. В одном оказалась чуть теплая безвкусная каша, во втором питьевая вода. Выпив только воды,

Ойтуш вновь отключился.

Несколько раз его водили куда-то вглубь тюрьмы: брали анализы, проводили психологические тесты. Все это время Ойтуш был словно в бреду, он даже не мог быть уверенным на сто процентов, что эти экскурсии по бесконечным, плохо освещенным коридорам не были частью его радужных сновидений. Так это было или иначе, ученые быстро оставили его в покое: умирающий человек ничем не мог пригодиться науке, равно как и тощий больной скот на мясобойне.

Практически все время Ойтуш спал просто потому что был неспособен на что-то еще. Каждый раз, закрывая глаза, он не надеялся проснуться, но каждый раз просыпался. Чип в его голове не давал ему потерять счет времени, сообщая дату и последние новости. Таким образом, парень знал, что провел здесь уже три дня.

Самое интересное началось на четвертые — пятые сутки. Вопреки прогнозам тюремщиков и здравому смыслу самого Ойтуша, парень почувствовал, что пошел на поправку. Он понял это, когда впервые вместо тягостных кошмаров, прерывающихся на полуосознанную блевоту, он шесть часов проспал без всяких снов. После этого, он в первый раз за все время пребывания здесь полностью съел принесенный, точнее, закинутый в дверное окошко, суточный паек.

Он заметил, что перестал харкать кровью, ломка стала сходить на нет, а мысли стали более ясными. Биологическое сканирование тела подтвердило это: температура пришла в норму, а самочувствие достигло пяти баллов из десяти.

К концу первой недели его камеру решили помыть, пустив воду из той самой трубы под потолком. Она покрыла весь пол, а затем поднялась сантиметров на пять. Вода постояла немного, а потом камень в полу раздвинулся, обнаруживая скрытые пустоты для водостока. Они словно поры впитали в себя и грязь, и кровь, и другие унизительные симптомы болезни. Постояв под этим своеобразным душем, Ойтуш почувствовал себя гораздо лучше, и следующие пять часов снова спал без снов.

Но вместе с прежними силами пришло и гнетущее осознание того, что их с Сати история закончилась. Ойтуш никогда не надеялся прожить счастливую жизнь, но тем не менее те

несколько лет, проведенных с ней были просто сказкой. У него не было право что-то менять в своей жизни, но была крыша над головой и любимая девушка, не испорченная идеями о социальном неравенстве.

Сейчас Ойтуш впервые в жизни был предоставлен самому себе: не нужно было выполнять служебные обязанности, идти на работу, разделывать трупы, даже микропроцессор можно было отключить и поспать еще немного. Вот только идти было некуда, поговорить — не с кем. Все, что у него осталось — это воспоминания о минувшей, и, как оказалось, довольно-таки счастливой жизни.

Что будет теперь? Своя судьба не особо волновала парня, но вот судьба Сати… Если ей сохранили жизнь, то уже через полгода она станет сиделкой. В одном из своих радужных снов Ойтуш видел, как ему в морг приносят ее маленькое изуродованное тельце, как у того мальчика, которого накормили бритвами. Думать об этом было все равно что загонять раскаленные иголки себе под ногти.

Наш мир был далек от идеала, но Ойтуш не жалел о том, что Сати рисковала жизнью ради него: это был ее выбор. Рано или поздно протекторий все равно схватил бы их — Ойтуш не жалел и о годах, прожитых вне закона. Единственная, по-глупому упущенная возможность, была для парня действительно непоправимой вещью: он так и не решился сказать Сати: «Люблю».

Так прошло ровно десять дней его заключения.

Глава 5

— Есть еще один, очень деликатный момент, мистер Такер, — здесь мужчина в непримечательном костюме-тройке немного замялся и машинально поправил очки. — Официально Сати еще не достигла возраста самоопределения…

— Что?! — Такер вытаращил глаза.

— Постойте, постойте, — жестом остановил его агент корпорации. — На это есть особое разрешение служителя Ройсса из группы дознания, который лично участвовал в ее задержании. Он уверовал нас, что мисс Сати нуждается в перевоспитании. К тому же ждать осталось всего полгода, потом ее чипируют.

Такер продолжал недоверчиво смотреть на интенсивно потеющего мужчину. Тот пытался выглядеть спокойно, но Такер подметил, что его маленькая нижняя губа то и дело начинала дрожать.

— «Няня Момо» — крупнейшая корпорация, наша репутация идеальна. Никто и никогда…

— Не начнет копать под вас? — перебил его Такер.

— Так тоже можно выразиться, — натянуто улыбнувшись, сказал представитель компании.

Звучало убедительно, не случайно богатый предприниматель и отец двоих очаровательных детей обратился именно туда.

— Стало быть, мистер Спин, и девчонку никто проверять не будет?

— Совершенно верно, — агент улыбнулся, обнажая ряд имплантированных блестящих как жемчуг зубов. — Вы можете делать с ней все, что пожелаете.

— А что за имя такое «Сати»? — недовольно произнес Такер, подтягивая ремень брюк, над которым нависал большой живот. — Ее можно будет переименовать?

— Это девочка из бедной и неблагополучной семьи, — мистер Спин правдоподобно изобразил сочувствие. — Она будет только рада новой жизни и новому имени.

— Хорошо, я согласен, — вздохнул Такер. — Давайте контракт.

Мистер Спин протянул ему графеновую карту размером с

визитку:

— Приложите большой палец и повторяйте за мной: я, Виг Такер, принимаю условия соглашения. Здоровье и безопасность изделия гарантирую.

Такер сделал все, что от него требовалось, и агент удовлетворенно спрятал карту во внутренний карман пиджака.

— Теперь, когда все формальности улажены, пара слов о препаратах, — сказал он, аккуратно открывая кейс.

— В смысле, о наркотиках?

— О препаратах, мистер Такер, — осторожно поправил его Спин. — Мистер Ройсс рекомендовал давать ей комбинацию не ниже A2C2.

В кейсе с логотипом “Няня Момо” лежало два десятка ампул и столько же одноразовых шприцев.

— Этого вам хватит на первую тестовую неделю, — сказал Спин. — Если потребуется более высокая доза, наши агенты…

— Стоп, вы ничего не путаете? — вытаращив глаза, Такер рассматривал маркировку A2C2. — У нас уже есть одна девочка, она получает A5C4…

— Особое распоряжение служителя Ройсса, — спокойно повторил мужчина в очках. Беспокоится было не о чем: контракт уже был у него в кармане, все остальное — это не его проблемы.

— Она что, буйная? — нахмурился Такер. — Почему такие сильные нар… препараты?

— Не буйная, отнюдь. Просто невосприимчивая, — пояснил агент. — С нашими изделиями не бывает проблем.

— Ладно, — устало произнес полный мужчина, отмахнувшись от мысли, что ему только что впихнули сомнительный товар. — Когда я получу ее?

— Она уже здесь, мистер Такер, — улыбнулся Спин, кивком указав на небольшую капсулу, стоящую в дверях.

— Давайте ее сюда. Надеюсь, она такая же, как в анкете? Моя дочь обожает фиолетовый цвет.

— Она еще прекраснее, чем в анкете, — заверил агент, вводя код на дисплее капсулы.

Крышка приоткрылась с мягким шипением, обнаруживая внутри не что иное, как самую настоящую куклу. Дизайнеры «Няни Момо» поработали на славу, облачив девушку в сияющее, в тон волосам, платье, а на голове сконструировав нечто, напоминающее гору взбитых сливок. Изысканный макияж,

скрывающий следы почти что недельного заключения и допросов, коротко остриженные аккуратные ногти, а за правым ухом маленький штамп собственности корпорации. Сати Лаллеман была неузнаваемой.

Одаренность, попытка сбежать из комнаты для допросов, а затем бесконечное падение в черноту — это последнее, что она помнила о своей прошлой жизни. Однако, это было далеко не все. Там, за разбитым ею пуленепробиваемым стеклом, произошло еще кое-что, до смерти испугавшее теперь уже служителя Лидо Ройсса, а заодно и весь протекторий. Сати убила аниматуса. Задушила голыми руками. Потребовалась целая неделя «воспитательных разговоров» и манипуляций с ее сознанием, прежде чем Сати забыла о нечеловеческой силе, на которую была способна.

Держать ее в тюрьме до достижения шестнадцатилетия было опасно, поэтому Лидо, используя всю свою власть, настоял на том, чтобы Сати немедленно отдали в одну из семей с самой плохой репутацией. Он назвал это «программой перевоспитания».

Сиделки, получающие сильные наркотики, живут не больше двух-трех лет, и к моменту своей смерти почти полностью утрачивают волю к жизни. С таким раскладом юная особа, уничтожившая аниматуса — что, вообще-то, считалось невозможным — больше не представляла опасности.

***

— Ты мой подарок? — спросила маленькая рыжеволосая девчушка.

Происходящее категорически отказывалось помещаться в гудящую и тяжелую, словно свинцовый шар, голову Сати. Пышная кровать с балдахином, в изголовье которой лежало около десятка подушечек, полки с игрушками, трюмо, ажурные шторы, воздушные шары… Сати однозначно находилась в детской комнате. Интерьер был выдержан в тошнотворной розово-фиолетовой гамме, исключением из которой были ярко-рыжие волосы большой куклы, что сидела в углу комнаты.

— Ау, ты меня слышишь? — повторила девочка, вновь раздражающе вторгаясь в поле зрения Сати.

— Ты кто? — вместо ответа хрипло спросила она. Жутко

хотелось пить, а еще больше — закрыть глаза и не видеть всего этого безобразия.

— Я — твоя хозяйка, и меня зовут Лагуна, — гордо представилась девочка. — Папа подарил тебя мне на день рождения.

«Хозяйка? Подарил?!» У Сати больше не оставалось сомнений: из нее сделали сиделку.

Раньше срока, в обход закона. Тут не обошлось без влияния мелкого ублюдка Лидо. Слезы обиды тотчас же навернулись на глаза Сати, но титаническим усилием воли она заставила себя успокоиться. Пусть на смену слезам придет старая добрая ненависть к протекторию и всему Метрополю — с ней Сати уже научилась уживаться.

— Папа сказал, что я могу придумать тебе новое имя, — продолжала Лагуна.

— Имя? — тупо повторила Сати. Мысли шевелились в голове со скоростью ржавых шестеренок, с телом дела обстояли еще хуже: под действием препаратов каждая клеточка словно налилась свинцом.

— Ты глупенькая, да? — с сочувствием спросила рыжеволосая. — Ничего это пройдет. С Шанталь тоже так было, но брат научил ее быстро соображать.

Сати вдруг захотелось ударить эту болтливую девчонку, но руки не слушались ее. К тому же стоило для начала немного присмотреться к обстановке, прежде чем затевать ссоры.

— Сейчас я покажу тебе свою комнату, а потом мы будем играть, — прощебетала Лагуна, беря Сати за руку.

Девушка ухватилась за маленькую веснушчатую ладошку, чтобы не потерять равновесие. Не так-то просто ходить, когда твои ноги словно превратились в две огромные свинцовые колонны.

Закончив показывать Сати свой киберзверинец и коллекцию косметики, которая девочке пяти лет вообще-то и не нужна, Лагуна подвела ее к трюмо. Заглянув в него, Сати потеряла дар речи: в большом овальном зеркале отражалась самая настоящая кукла. Ее кожа сияла изнутри и блестела от ярких страз, волосы были уложены в причудливое и немыслимое «птичье гнездо», как она мысленно назвала его, а фиолетовое платье с завышенной талией и изобилием рюшечек и вовсе превращало Сати в маленькую фарфоровую куколку. Она растерянно хлопала

пушистыми ресницами, раза в два длиннее ее собственных, и только выражение изумления на лице, говорило о том, что это все-таки живой человек.

— Ты красивая, правда? — улыбнулась Лагуна, глядя на отражение Сати.

— Бывало и хуже, — отозвалась девушка, кончиками пальцев касаясь своей кожи. Кожа была холодной и какой-то чужой, словно над ней изрядно потрудились пластические хирурги. Хорошо хоть грудь не прибавили на пару размеров.

Сквозь зеркало Сати взглянула на лицо Лагуны. Она не была похожа на избалованного ребенка, хоть и росла в семье богатых родителей. Рыжая и веснушчатая до невозможности, девочка пользовалась косметикой: ее маленький с горбинкой нос был аккуратно замазан тональным кремом. Вырастет — будет делать замену кожи, ведь в нашем обществе веснушки были малопривлекательным рудиментом, от которого было принято избавляться. В углу комнаты послышалось копошение, и Сати повернула голову на звук. Шевелилась та самая рыжая в человеческий рост кукла. Или не кукла вовсе?

— Познакомься, это Шанталь, — сказала Лагуна. — Еще один папочкин подарок.

Все ясно, другая сиделка. Лицо Шанталь было маскообразным, застывшем в выражении радостного удивления. Она была рыжей и веснушчатой, как и сама Лагуна, и если бы не антураж живой игрушки, вполне могла сойти за ее старшую сестру.

— Шанталь, познакомься — это… ммм… Тюльпан, — немного подумав, сказала Лагуна.

«Тюльпан?! Что еще за чушь?»

— Очень приятно, Тюльпан, — в знак приветствия Шанталь слегка качнула головой. Сати поразил ее голос: он был бесцветный и напоминал шуршание бумаги.

— Как давно ты здесь? — спросила она.

— Сегодня будет ровно два года, — ответила Шанталь, и Сати заметила, что она еще ни разу не моргнула.

Неужели через два года она будет выглядеть точно так же, как этот безвольный манекен с лицом-маской? От этой мысли

Сати передернуло от отвращения. А Лагуне тем временем стало скучно.

— Хватит болтать, давайте уже поиграем! Шанталь, ты будешь служанкой, а мы с Тюльпан высокопочтенными гостями.

— Я не буду играть с тобой, Лагуна, — сказала Сати.

— Почему? — искренне удивилась девчонка.

— Меня не должно быть здесь. Это незаконно, — ответила она, догадывалась, что такое слово не знакомо пятилетней, не знающей отказа Лагуне.

— Если ты не будешь играть со мной, брат тебя накажет. Он очень, очень строгий! — испуганно сказала Лагуна.

— Лучше тебе сделать, как она хочет, Тюльпан, — послышался бесцветный голос Шанталь.

Вот оно что. Значит, есть некий старший брат, который держит Лагуну в ежовых рукавицах.

— Ты боишься брата? — спросила Сати.

— Очень, — ответила девочка, закатывая рукав своей водолазки. Сати ужаснулась: ее предплечье было покрыто волдырями, какие бывают после ожога горячей водой.

— Это он сделал с тобой?

Лагуна молчала.

— А родители знают об этом?

Снова молчание. Видимо, даже благополучные семьи не обходятся без скелетов в шкафу.

— За что же он тебя так? — спросила Сати.

— Я разбила аквариум с золотой рыбкой, — виновато сказала Лагуна. — Рыбка погибла.

Не то чтобы Сати было жалко девочку, находящуюся во власти жестокого старшего брата, скорее, ей надо было знать, на что способен неуравновешенный тип, что обварил сестре руку из-за разбитого аквариума.

— Но я все равно не буду играть с тобой, Лагуна, — сказала Сати. — Как зовут твоего брата?

— Николас.

— Давай договоримся: ты оставишь меня в покое, а я сделаю так, что Николас тебя больше не тронет.

— Ты обещаешь, Тюльпан? — Лагуна доверчиво посмотрела Сати в глаза.

— Обещаю, — сказала она и улыбнулась.

Окончание дня было спокойным. Лагуна и Шанталь играли с киберзверинцем, а потом вместе с куклами “пили чай” из розовой посуды. Предоставленная сама себе, Сати получила возможность осмотреть дом, насколько позволило ее накаченное наркотой тело.

Это была богатая квартира, раз в пять больше той, что Сати снимала для отвода глаз. Она передвигалась медленно, держась за стены, усиленно стараясь не потеряться в этом дворце. За час скитаний Сати обнаружила пять комнат для гостей, кухню и спортивный зал. Еще одна комната была заперта; из-за нее доносился плач грудничка и тихий женский голос. Еще один ребенок? Неужели совесть позволила им рожать столько детей, зная, что одаренными становятся лишь десять процентов? Сати ухмыльнулась, представив, что тиран Николас через несколько лет может оказаться на ее месте. Влезет в долги, заимеет проблемы с полицией… скатиться с пьедестала очень легко, и тогда даже богатые родители не смогут помочь.

Впрочем, это было не ее дело. Все, что нужно было Сати — сбежать отсюда и попытаться найти Ойтуша… если это еще имело смысл. Однако в таком состоянии она не только бегать, но и двух шагов без стенки пройти не могла. Прежде всего нужно было очистить организм от действия наркотика.

***

— Лежи тихо, изделие.

За окном светало. Крупный потный мужчина склонился над Сати и, зажав одной рукой ее рот, сделал инъекцию в шею. Через несколько секунд та же процедура повторилась с Шанталь. Сати запоздало поняла, что произошло. Этот толстяк, наверняка отец Лагуны и Николаса, вколол ей очередную дозу. Пока дети спят и ни о чем не подозревают. Ненависть и отвращение обуяло Сати, но наркотическая дрема была сильнее. Она обволакивала словно теплое душное одеяло. Шанталь так и не проснулась: наверняка привыкла к подобным манипуляциям. Она спала в маленькой детской кроватке, ссутулившись и поджав под себя ноги, словно младенец. Изо рта Шанталь стекала тягучая слюна.

“А отец хитер”, — подумала Сати. Скрывает свои манипуляции под покровом ночи, чтобы не пугать детей и не разрушать их веру в сказку. Пусть думают, что его “подарочки”

неповоротливые и глупенькие от природы.

Еще через пару минут она отрубилась.

Пробуждение было кошмарным. Детскую комнату сотрясал осипший, надрывный вопль, как если бы глухонемой человек вздумал кричать. Это была Шанталь. Девушка металась по кровати, тряся головой из стороны в сторону, словно в припадке. Сати не сразу поняла, что происходит, а затем заметила двух маленьких мышей-роботов, что терзали ее веки. Рядом, обливаясь слезами, стояла Лагуна.

— Это Николас! — сквозь слезы сказала она. — Шанталь не хотела вставать, и тогда он приказал мышам разбудить ее.

Вот ведь чертов психопат…

— Где он?! — спросила Сати, вываливаясь из своей кроватки.

Вытирая ручьи слез, Лагуна неопределенно махнула на дверь. Дети любят наблюдать за своими шалостями, и если он прячется за дверью, Сати успеет его схватить.

Но за дверью детской девушку ждал лишь пустой коридор. Вернувшись в комнату, она застала совершенно иную картину: Лагуна больше не плакала, а кибермышки спокойно сидели на ладони Шанталь. Лишь только кровавые отметины на ее веках говорили о том, что пару секунд назад здесь происходило нечто ужасное.

— Он отозвал мышей, — ответила Лагуна на немой вопрос Сати.

Животные-роботы были запрограммированы подчиняться только командам хозяина. Если Николас натравил их на Шанталь, то только он мог отменить команду. Однако в таком случае он должен был быть невидимкой… или же мальчик по-прежнему прятался в комнате.

— Лагуна, не хочешь умыться? — любезно поинтересовалась Сати. — Твои глаза покраснели и распухли.

Всхлипнув напоследок, девочка убежала в ванную комнату, оставляя двух сиделок наедине.

— Шанталь, где Николас? — тихо спросила Сати, подходя к девушке.

Та молчала, заботливо качая на ладони мышат, которые только что причиняли ей боль.

— Ты слышишь меня? — чуть громче повторила Сати, но маскообразное лицо Шанталь оставалось безучастным.

— Бестолочь, — вполголоса констатировала девушка, тщательно осматривая комнату. Все сиделки необратимо деградируют. Исчезают как личности, опускаясь до уровня базовых рефлексов и простейшего набора слов. Должно быть, с Шанталь происходило то же самое: лишенная права выбирать, права иметь личные вещи, она все больше сливалась с окружающим интерьером, превращаясь из человека в атрибут богатства и роскоши. Раньше существовал закон об эвтаназии сиделок, но пару лет назад и его отменили, забирая у них единственное право — умереть, когда они захотят.

Передвигаясь по комнате, Сати почувствовала, что под действием адреналина, влияние препаратов на ее организм несколько поубавилось: мысли стали более ясными, а тело подвижнее. Она шла, словно в воде или как в кошмарном сне, когда за тобой гонятся, а ты никак не можешь убежать от преследования, но опора в виде стен была ей больше не нужна.

— Николаса здесь нет, — внезапно сказала Шанталь. — Он всего лишь маленький ребенок, и ни в чем не виноват.

Надо же, видимо, она деградировала не настолько сильно.

— Ты совсем дура? Он натравил на тебя этих уродцев, — возмутилась Сати, глядя на миловидных мышек с красными глазками. Киберживотных не отличить от настоящих, вот только эти — идеально вышколенные и выполняют любой твой приказ.

— Если ты хочешь выжить в этом доме, тебе надо опасаться Лагуны, — продолжала Шанталь, и Сати удивилась тому, насколько серьезным стал ее голос.

— Ты никогда не пыталась сбежать? — спросила она, пропуская предупреждение мимо ушей.

— Не советую тебе даже думать об этом, — строго сказала Шанталь. — Я была такой же бойкой, как ты, пару лет назад. Теперь я не могу ни перестать улыбаться, ни уйти дальше уборной.

Сати вопросительно уставилась на нее, а Шанталь продолжала:

— Под моей кожей лица и стоп зашиты микробритвы. С ними ты будто бы по углям ходишь. То же самое и с лицом: любая мимика — и словно огнем обжигает. Чтобы совсем не отупеть, я складываю числа в голове, но делать это с каждым днем

становится все труднее и труднее.

Сати не знала, что сказать. Произошедшее с Шанталь было не человечески жестоким, но девушка не могла пообещать, что сможет помочь ей. Во всем Метрополе были сотни девушек и парней, участь которых была такой же ужасной, а то и намного ужаснее. Всех спасти невозможно, пока будет существовать само понятие о сиделках.

— Как ты попала сюда? — спросила Сати, присаживаясь рядом.

— Моя мать заболела, — ответила Шанталь. — На нее лечение нужны были деньги, много денег. Я попыталась сбежать, когда моя семья получила пособие за первые полгода работы.

Сати могла себе это представить: огромные деньги — вот что толкает многих людей отдать себя в добровольное рабство.

— Теперь мне уже некуда возвращаться — матери больше нет в живых.

— Сочувствую, — отозвалась Сати. — Моя история похожа на твою. Вот только мне есть куда возвращаться.

Сати не знала, что значит иметь мать, но могла себе представить, что потерять родного человека гораздо тяжелее, чем вообще никогда не знать его.

— Ты сказала, что ты здесь незаконно, — поинтересовалась Шанталь. — Что это значит?

— Я должна была стать сиделкой, но только через полгода, — ответила Сати.

— Тебе нет шестнадцати? — легкое изумление появилось на непроницаемом лице девушки.

Сати покачала головой:

— Нет, и мистер Толстая Ряха знает об этом. Он подписал недействительный договор.

— Ты про Вига Такера? — шепотом спросила Шанталь. — Тюльпан, он очень, очень опасный человек.

— Никакая я не Тюльпан! — вдруг потеряла терпение Сати. — Мое имя Сати, и я не собираюсь плясать под дудку какой-то мелкой плаксы.

— Конечно же ты Тюльпан, — возмущенно сказала стоящая в дверях Лагуна. На ее руках был сверток с хнычущим грудничком, которого она неумело качала.

— Посмотри, что ты наделала, — с укором продолжала девочка. — Кричишь так громко, что разбудила Николаса.

— Николаса? — оторопело повторила Сати, приближаясь к младенцу. — Так это Николас?

Девушка изумленно обернулась на Шанталь в поисках хоть какого-то разумного объяснения, но снова впала в ступор или же просто решила не обращать внимания.

— Да, это Николас, — сказала Лагуна, с нежностью теребя розовые щечки малыша, — И он очень недоволен, что ты обозвала меня плаксой.

Очень медленно до Сати начало доходить происходящее.

— Так это ты все делаешь, — произнесла она, вспоминая и изодранные веки Шанталь, и ожоги самой Лагуны. — Мелкая больная тварь…

— Брат очень сердится на тебя, Тюльпан, — пробормотала девочка. Ее глаза потемнели, губы плотно сжались и даже тембр голоса стал иным. Она больше не была похожа на ту Лагуну, что с восхищением смотрела на преображение Сати или искренне просила защитить ее от «строгого брата». Осознанно или нет, она прикрывалась Николасом, чтобы наказывать себя и окружающих.

— Нет, это я сержусь на тебя! — почти крикнула Сати. — Еще раз назовешь меня «Тюльпан» — крепко получишь по заднице.

Похоже девушка перешла черту.

— Армен! — коротко скомандовала Лагуна, и огромный непонятно откуда взявшийся доберман, в мгновение ока повалил Сати на лопатки.

Из его пасти несло настоящей собачьей вонью, и только переливчатые радужки глаз давали понять, что животное было киборгом. Сати не представляла, откуда он взялся, но сейчас это было неважно: передними лапами доберман со всей силы упирался ей в грудь, злобно рыча и клацая зубами.

— Лежи тихо, иначе Армен отгрызет тебе нос, — мерзко улыбаясь, сказала Лагуна.

— Пусть попробует, ты удивишься! — крикнула Сати, чувствуя, как закипает ее кровь. Сейчас она была уверена, что даже если собака-переросток решит разорвать ее на куски, она выживет, благодаря своей одаренности.

Она попыталась скинуть пса, но тот был слишком тяжелый. Ладно, похоже выбора у нее не было… под истошные крики Лагуны, Сати сомкнула руки на его шее.

Короткий свист раздался в воздухе, и два дротика поразили свою цель. Собака тотчас же обмякла, обрушив на девушку всю свою массу, Сати же успела вытащить иглу из плеча прежде, чем снотворное разлилось по ее крови.

Стрелял пришедший с работы Виг Такер; его дочь растерянно стояла рядом, продолжая держать ребенка на руках, а Шанталь, закрыв лицо руками, забилась в угол, словно испуганный зверек. Такер неторопливо подошел ближе. Желваки играли на его скулах, а взгляд был холодным и расчетливым. Обеими руками он поднял собаку и оттащил ее в сторону, освобождая тело девушки. Сати хотела было подняться, но еще один дротик угодил ей точно в шею.

— Тебе конец, сучка, — произнес Такер перед тем, как она провалилась в сон.

Глава 6

Очнувшись ото сна, Сати поняла, что она больше не в детской. Она лежала на большой кровати, а через тяжелые плотные шторы виднелся свет уличных фонарей: пока она была без сознания, в Метрополе наступил вечер.

В голове невероятно шумело, а тело напоминало мешок с костями, вытащенный из под дорожного катка.

— Проснулась наконец-то, — недобро блестя глазами, сказал Такер.

Он был вместе с Сати в этой комнате, и, должно быть, наблюдал за ней, пока она спала.

— Прошу прощения, мистер Такер, — сказала Сати, припоминая ужасные события сегодняшнего дня. — Собака напала на меня, и мне ничего не оставалось, как обороняться…

— Закрой рот, — властно сказал он, подходя ближе. — Пришло время научить тебя хорошим манерам.

Сати с ужасом увидела, как толстяк, втянув живот, начал расстегивать ремень на своих брюках. Неужели он собирается..?

Девушка метнулась к двери, но мощная оплеуха остановила ее, возвращая на кровать.

— Тебе некуда бежать, — прошипел Такер, одной рукой схватив запястья девушки. — Это мой дом, и я в нем хозяин!

Сати подумала, что это конец. Она не даст унизить себя, но и бороться со взрослым, сто килограммовым мужчиной долго не сможет. Надо было лишь произнести слова-активаторы, и ее последний подарок Метрополю уничтожит все в радиусе ста метров.

Узнав, что она будет сиделкой, Сати в первую очередь продумала пути отхода. Заплатив круглую сумму за операцию и еще одну — за молчание хирурга, девушка получила смертельное оружие в виде взрывчатки, зашитой в ее брюшной полости. Сати слышала много рассказов об издевательствах над сиделками, но знала, что активировав бомбу определенным набором слов, она отправит в могилу не только себя, но и своих мучителей.

Внезапный звонок в дверь застал врасплох пыхтящего Такера.

— Да кого там черти принесли?! — с ненавистью произнес он, сползая с кровати.

Слова-активаторы застряли у Сати в горле. Неужели у нее появился крохотный шанс спастись?

— Чтобы ни звука, тварь, — рявкнул он девушке, запирая комнату снаружи.

На окнах, как назло, были частые решетки, да и этаж десятый — сбежать не было вариантов. Сати потолкалась в дверь, но все было бесполезно. Почти потеряв надежду, она вдруг услышала недоумевающий голос главы семейства:

— … всунули договор, откуда мне было знать, что она несовершеннолетняя?

Сати словно водой из ведра окатили: неужели это были люди протектория, пришедшие по душу Вига Такера?

Женский голос что-то негромко возразил ему, после чего Такер вновь бурно распространился по поводу того, какой он порядочный и законопослушный. Сати едва не стошнило от его подобострастного тона.

Выслушав оправдательную тираду, девушка и еще один человек с невероятно мягкими шагами, прошли вглубь квартиры, несмотря на ярый протест хозяина. Сомнений больше не оставалось: они ищут ее. Хорошо это или плохо — Сати не знала, но ясно было одно: оставаться в семействе Такеров ей больше нельзя.

— Открывай, — мягко сказала девушка с едва заметным акцентом, остановившись прямо напротив двери, за которой находилась Сати.

— Там спит мой ребенок, вы разбудите его, — пытаясь казаться спокойным произнес Такер

Сати едва не закричала: «Я здесь!», но в этот же момент услышала, как нечто твердое, напоминающее голову, приложилось об стену.

— Что вы себе позволяете?! — возмутился Такер, после чего последовал еще один короткий удар об стену.

Сати зажала рот ладонью: так может поступать только группа дознания, если, конечно, эти люди действительно были из протектория.

Через пару секунд пискнул датчик, и дверь молча распахнулась. На пороге стоял побитый, багровый от ярости Виг Такер с по-прежнему расстегнутым ремнем и до смешного напоминающий сейчас свою маленькую психопатическую дочь. Чуть поодаль стояли двое незнакомых людей.

Первой в комнату вошла миниатюрная девушка с яркими чертами уроженки провинции Хаммацу.

— Ага, ребенок, как же, — спокойно сказала она Такеру, с ног до головы окидывая Сати взглядом.

— Ты не пострадала? — поинтересовался мужчина в светлом плаще и шарфе. У него был орлиный нос, широко посаженные голубые глаза и пристальный взгляд хищного зверя. Если бы не седые виски, Сати не дала бы ему больше двадцати лет.

— Вы из дознавательной группы? — спросила она вместо ответа.

— А как по твоему: мы похожи на дознавателей? — спросил мужчина и едва заметно улыбнулся своей спутнице.

На полицейских они были явно не похожи: слишком неформальная одежда, и манеры… Взгляд метался с одного лица на другое, и Сати решила, что именно девушка вынудила Такера открыть дверь: несмотря на дружелюбную улыбку, взгляд ее черных глаз был холодным и жестким.

Кем же были эти люди, приструнившие человека, который едва не изнасиловал ее?

— Как я понимаю, личных вещей у тебя нет? — спросил мужчина с орлиным носом, и Сати отрицательно покачала головой.

— Тем лучше; тогда мы отправляемся прямо сейчас, — он мягко хлопнул ее по плечу и направился к выходу.

— Подождите, — запротестовала Сати, не в состоянии сдвинуться с места. — Куда отправляемся?

— Ты хочешь остаться здесь? — спросила уроженка Хаммацу, скрестив руки на груди и скорчив по-детски недовольную гримасу.

— Дана, — обратился мужчина к напарнице, — Я думаю, что пара минут у нас еще есть.

Он задернул шторы и присел на кровать, жестом приглашая обескураженную девушку сесть рядом.

— Ты позволишь? — незнакомец достал шприц из кармана. — Это антидот. Соединившись с молекулами амопентала, он

очистит твой организм от седатиков.

Сати кивнула, протягивая руку. Терять было нечего.

— Вы не имеете права! Она моя собственность, я купил ее! — Такер предпринял еще одну попытку бунта, но ледяной взгляд Даны заставил его заткнуться.

— Еще одно слово, и ты не сможешь распоряжаться даже собственной жизнью, — сказав это, она навела на Такера миниатюрный пистолет.

Мужчина в шарфе сделал инъекцию, и Сати почувствовала будто ее вены вмиг обледенели.

— Сати, мы узнали о тебе совершенно случайно. Юная одаренная, которую незаконно продала корпорация… Я должен извиниться за то, что не смогу вернуть тебе прежнюю жизнь на оставшиеся полгода твоего детства. В Метрополе я не всесилен.

«В Метрополе?! Тогда откуда он?» — мелькнуло в голове у Сати.

— Меня зовут Роланд Грейси, — с улыбкой представился мужчина, протягивая Сати руку.

Девушка не поверила своим ушам. Конечно же это имя было известно ей, как и всем жителям Метрополя. Перед ней был сам владелец и президент Острова.

— Теперь ты согласна поехать с нами?

***

— Тебе не кажется немного несправедливым, что мы отдыхаем именно в самый короткий день в году? — сетовала Амалия, заплетая сыну тугие, стелющиеся по голове косы.

— Еще как, мам.

День зимнего солнцестояния, а он же — конец года, был единственным днем, когда жители Метрополя официально могли не работать. Провожая год, тысячи людей оставались дома вместе со своими семьями и зажигали свечи. Целые кварталы отключали электричество, чтобы в полной темноте встретить новый день и поблагодарить протекторий за данный им покой и стабильность.

— Зато сегодня отец из командировки возвращается, — заметил темнокожий юноша, почти задремавший под

неторопливые и мягкие движения маминых рук, что теребили его волосы.

Их семья жила в так называемом «нулевом районе» — окраине города, вдали от веток метро, плотно застроенной плохим и очень дешевым жильем. Жить здесь было небезопасно из-за вооруженных банд и социально-опасных инфекций, поэтому, как только мальчику исполнилось шестнадцать, он пообещал себе, что будет работать, не жалея сил, лишь бы только вытащить свою семью из этого поганого болота.

Он никогда не жаловался на жизнь, ведь у него были и мать, и отец, а совсем скоро должен был появиться еще и маленький брат. Амалия и Зафар были не только хорошими родителями, но и прекрасной супружеской парой, и парень верил, что когда-нибудь он найдет себе такую же замечательную девушку, какой была его мать.

Лишь одно обстоятельство омрачало душу юного мечтателя — его мама, Амалия Кель, страдала наркотической зависимостью.

Днем она занималась делами по дому, а ночью работала посудомойкой в стриптиз баре на окраине Метрополя. Тадеус знал, что раньше она принимала метамф только перед ночными сменами, но в последний год он начал находить все больше и больше упаковок, замаскированных под спрей от насморка.

Нулевые районы были богаты на наркоманов: стимуляторы принимали не только асоциальные личности, но и те, кому приходилось много работать. Одна маленькая доза метамфа позволяла без устали работать всю ночь, и достать его можно было из под прилавка практически любой аптеки.

Хуже всего было то, что мама продолжала принимать стимуляторы, даже будучи беременной вторым ребенком. Тадеус боялся, что из-за этого брат родится уродом, и часто скандалил с ней, находя в доме очередной флакон ингалятора. Однако сегодня приезжает отец, а это значит, что еще несколько дней само слово «метамф» будет под запретом. Амалия не могла позволить, чтобы ее муж, который так редко бывает дома, узнал о ее зависимости.

— Тадеус, сходишь за свечами? — спросила она, закончив последнюю из кос.

— Да ты что, мам, — разглядывая себя в зеркало, удивился

парень, — Меня в округе сейчас никто не узнает. А с незнакомцами, сама знаешь, у нас разговор короткий.

До этого Тадеус ходил с пушистой, торчащей во все стороны копной волос, но сегодня они с мамой специально встали пораньше, чтобы немного освежить имидж. Конечно, он шутил, но в памяти жителей нулевого района еще свежа была история о полицейском, получившем пулю в спину от уличных банд.

— Перестань говорить ерунду, — возмутилась Амалия. Она была очень миниатюрной, и когда ее шестнадцатилетний сын встал со стула, женщина оказалась на голову ниже его.

— Конечно схожу, — улыбнулся Тадеус, затем еще раз придирчиво взглянул на себя в зеркало, провел ладонью по волосам и напоследок чмокнул Амалию в щеку, — Спасибо за прическу, мам.

На улице шел снег. Огромные пушистые хлопья таяли, едва касаясь грязного, покрытого химическими разводами асфальта. Хорошо хоть смога здесь было меньше, чем в центре Метрополя: нулевые районы располагались на окраинах города, вдали от крупных фабрик и производств. Зима была теплой, и эпидемиологи трубили о новых вспышках аспидной чумы, но Тадеусу не было до этого дела. Он считал, что нельзя обезопасить себя ото всех бед на планете, и смеялся над теми, кто надевал защитную маску, выходя на улицу.

Амбициозный юноша совсем не жалел о том, что его детство прошло, и он так и не стал одаренным. У него были руки, ноги и не самая дурная голова на плечах — вот и все, что, по его мнению, нужно было для жизни. А одаренность… одаренность он, как и отец, называл результатом мозгового, с позволения сказать, полового акта над самим собой, ненужной жировой складкой на теле, пятым колесом и другими красочными эпитетами.

Около автозаправки он заметил девочку, укутанную в огромный вязаный шарф. Она появилась здесь около пары месяцев назад, но весь район уже успел запомнить ее благодаря уродливому шраму почти в половину лица.

Никто не знал, как она оказалась в этом месте, вдали от покровительства протектория, ведь на вид ей явно было меньше шестнадцати. Впрочем, на улице никто не задавал много вопросов; люди оседали в нулевых районах по разным причинам,

и не принято было интересоваться, кто твой сосед: маньяк, нищеброд, наркоман или транссексуал. Не нравится публика — вали в более престижный и охраняемый район, если, конечно, у тебя есть деньги.

Тадеус был уверен, что девочка долго не протянет в подобной агрессивной среде, ведь она очень стеснялась своего шрама, была молчаливой и почти никогда не смотрела в глаза. Но вопреки его прогнозам, она уцелела, по крайне мере он помнил ее до тех пор, пока первая волна аспидной чумы не унесла добрую половину жителей. После этого — уже ничего не имело значения.

Парень обошел пол-округи, чтобы насобирать хотя бы тридцать свечей — в канун последнего дня года они были в дефиците. На улице давно стемнело, и бредя домой через мрачные кварталы, Тадеус то и дело обходил стороной странные фигуры. Воображение твердило ему, что это были аниматусы — загадочные существа, гомункулы, обладающие невероятными способностями. Но чаще всего это были просто бомжи в лохмотьях, клянчившие свечи и что-нибудь поесть.

Отец и мать уже были дома. Через час после ужина, по традиции, отключили электричество, и остаток вечера семейство Кель провело в неярком свете парафиновых свечей. Пламя притягивало взгляд и успокаивало что-то внутри; говорить не хотелось, приятнее было просто сидеть, обнявшись, и мечтать о том, чтобы так было всегда.

Амалия сидела на коленях у Зафара, а тот бережно обнимал ее большой живот. Тадеус же пристроился на подушках, брошенных на пол, и дремал, опустив голову на мамины колени. В тот вечер он и представить себе не мог, что последний день года станет последним счастливым событием в жизни его семьи.

Через несколько месяцев, после очередного отъезда Зафара, у мамы случилась передозировка метамфа. Все началось с сильнейшей головной боли, из-за которой под страхом увольнения, Амалия отпросилась с работы. Тадеус вернулся вечером и обнаружил, что она не в состоянии связать и пары слов. Он пришел в бешенство, наорал на нее и вместо того, чтобы позвать на помощь, на несколько часов ушел скитаться по городу.

Вернувшись домой, он нашел Амалию без сознания, и наконец-то поняв весь ужас происходящего, вызвал врачей. Два

кошмарных дня и две бессонные ночи Тадеус не знал, что с его мамой: медики не особо делились информацией с жителями нулевых районов.

В больнице у Амалии случился выкидыш, спровоцированный передозировкой метамфа, однако, как Тадеус узнал позднее, ребенок и не мог бы родиться здоровым — слишком много яда ежедневно поступало в организм его матери.

После случившегося, парень ушел из дома. Он ненавидел мать, за что она сделала и еще больше ненавидел себя, за то, что бросил ее одну в тот роковой день. Пусть это и не стало бы причиной смерти его не родившегося брата, Тадеус ненавидел себя за то, что повел себя, как капризный мальчишка.

Он скитался по округе, ночуя в бараках и покупая еду на последние деньги. Парень больше не знал, что делать со своей жизнью; его мечта сделать семью богатой и счастливой потеряла смысл и утратила свою жизнеспособность. Тадеус бежал от себя, не желая вспоминать о своем прошлом, пока волна аспидной чумы не дала ему понять, кем он был на самом деле.

За несколько дней до конца года, группа эпидемиологов сделала невероятную находку: это был мальчик, что уцелел, будучи в эпицентре чумы. Единственный выживший из нулевых районов, феномен, получивший одаренность после семнадцати лет. Человек, иммунитет которого мог помочь в создании вакцины для спасения миллиардов людей, и, что немаловажно, для обретения контроля над ними.

Мальчик искал смерти среди умирающих от чумы, но судьба сыграла с ним злую шутку: пережитый стресс запустил цепочку реакций в его организме, пробудившую стойкий иммунитет. Он стал одаренным, хотя считалось, что после шестнадцати лет это было невозможно. Так или иначе, после долгих исследований, что проводились над ним в лабораториях Метрополя, человек по имени Тадеус Кель прекратил свое существование.

Глава 7

Сати не помнила, как заснула. Буквально пару минут назад она разговаривала с президентом Грейси, а девушки из Хаммацу угрожала пистолетом Вигу Такеру… Они сказали, что забирают ее на Остров. Но что было потом? Должно быть, седатики еще действовали, потому что сознание самым неблагодарным образом отфильтровало часть произошедшего.

— Уже проснулась? — доброжелательно спросил возникший из ниоткуда Роланд. Вместо объемного вязаного шарфа, на нем был светлый палантин, небрежно наброшенный на шею и плечи. От него пахло свежестью, что бывает после грозы, и Сати сразу же вспомнились внеклассные занятия за городом.

— Что это за место? — спросила Сати, недоверчиво глядя по сторонам. Она была в овальной комнате, больше всего напоминающей каюту на каком-нибудь корабле. Ясно, что интерьер был не более чем интерактивной программой, но стены и пол из “натурального дерева” смотрелись очень органично. Кресло, в котором полулежала Сати, напоминало половинку яйца, а латексный матрас был прохладным и повторял форму ее тела. После всего случившегося, на нем хотелось проваляться как минимум несколько суток.

Рядом стоял журнальный столик со стопкой книг, зелеными яблоками в корзинке и стаканом воды. Сочетание светло-коричневых тонов дерева и медового света ночника создавало ощущение спокойствия, как если бы Сати вдруг попала домой, в тот самый уютный и нереалистичный дом, которым были наполнены ее мечты. Девушке была свойственна вошедшая в привычку подозрительность, но атмосфера этого места и вкрадчивый голос Роланда, действовали успокаивающе.

— Ты в глайдере, Сати, — сказал президент. — Мы летим домой.

Он нажал переключатель в изголовье кровати, и левая стена вместе с потолком исчезла. Сати вздрогнула от неожиданности, но Грейси быстро успокоил ее, положив руку на плечо:

— Я на время отключил функцию интерьера, чтобы ты смогла посмотреть.

Каюта глайдера была прозрачной. Чернильное небо, в котором они летели у горизонта становилось лазурным, а внизу, вместо земли было что-то наподобие белоснежно-розовой ваты.

— Это облака, — пояснил Роланд, с улыбкой рассматривая изумленное лицо Сати. — Мы на высоте пятнадцать тысяч метров.

— Невероятно, — только и смогла сказать девушка, рассматривая эти воздушные горы, по которым, казалось, можно пробежаться как по самым мягким в мире подушкам.

— Полет проходит на гиперзвуковой скорости, — продолжал Роланд. — Мы будем на месте через тридцать пять минут.

— Все это так странно, — задумчиво сказала Сати. — Я столько раз видела глайдеры, но сейчас я даже не помню, как оказалась внутри.

— Тебе многое пришлось вытерпеть за последнюю неделю, — президент присел рядом на кресло. — Ты уснула вскоре после того, как я сделал инъекцию антидота. Это нормально, организм требовал восстановления.

— Что же мне теперь делать?

— Для начала можешь привести себя в порядок, — Грейси вынул из тумбочки стопку одежды и большие ножницы. — Здесь есть небольшая уборная.

Сати все еще была в омерзительном сиреневом платье, «взбитые сливки» на голове спутались и на ощупь стали напоминать засохшую сахарную вату.

— Это можно будет распутать? — спросила она, с содроганием касаясь своих волос.

— Боюсь, что нет, — с сочувствием ответил Роланд. — Прическа сиделок делается раз и навсегда. Обрежь то, что можно, а дома мы приведем тебя в порядок.

Отметив про себя, что он уже второй раз произносит слово «дом», Сати лишь молча кивнула головой.

Уборная, что располагалась за стенкой, была действительно очень тесной. Сати тщательно смыла макияж, переоделась в просторные штаны и футболку. Настал черед волос.

— Ну и черт с вами, — сказала девушка и взялась за ножницы.

Она не стригла волосы, сколько себя помнила, но сейчас прядка за прядкой падали на пол без сожаления.

Через десять минут работа была окончена. Сати придирчиво

осмотрела себя и с удовольствием отметила, что она больше не напоминает куклу. Серые глаза не были подернуты мутной пеленой, ресницы опять были нормальной длины, а кожа хоть и была сухой и потрескавшейся, но имела здоровый цвет. И лишь волосы были по ее меркам непростительно короткими. Они вились по голове хаотичными фиолетовыми завитушками, образовывая сходство с задорным барашком, резвящимся на лугу.

Пару раз глубоко вздохнув, Сати смело взглянула себе в глаза, и решительно направилась в каюту.

— Спасибо вам за помощь, конечно, но мне нужно вернуться в Метрополь, — с порога заявила она.

— Вот как? — президент с легким удивлением приподнял бровь, но Сати была уверена, что он ждал этой фразы.

— Мне нужно помочь одному человеку, — уклончиво ответила она.

— Предположу, что подобная просьба связана с твоим… скажем так, другом — Ойтушем Эвери, — произнес Роланд, наблюдая за тем, как на кресле остается вмятина от его ладони.

Брови Сати удивленно поползли вверх. С всевидящим протекторием она уже смирилась, но чтобы еще и Грейси туда же?

— Удивлена, что мне так много известно? — мужчина словно читал ее мысли. — Наша работа заключается в том, чтобы приглядывать за всеми представителями Первого класса, искать одаренных. Вот почему мы следили за тобой и за тем, кто тебя окружает.

— Он жив? — спросила Сати, чувствуя как подкашиваются ее ноги.

К счастью Грейси не стал тянуть с ответом.

— Я не могу однозначно ответить тебе, Сати, — Роланд поднялся с кресла и теперь прогуливался по каюте вперед и обратно. — Мы перестали следить за ним, после того, как вас арестовали. Все внимание было переключено на тебя, ты уж прости. Нам нужен такой ценный сотрудник, как ты, понимаешь?

— Если я такой ценный сотрудник, — деловито заметила Сати, — Почему бы вам не дать мне закончить начатое? А потом я поеду с вами на Остров, обещаю!

— В Метрополе больше небезопасно для тебя, — мягко возразил Роланд. — И потом, как ты собираешься искать Ойтуша?

— Ну… — об этом Сати действительно не подумала.

— Ваши власти используют специальную программу для слежения за носителями чипов, — продолжал президент, — Ну а у нас есть ее точная копия. Сати, ты сможешь поискать его, как только мы прилетим.

Похоже, что Роланду Грейси можно было доверять, даже несмотря на присущее многим лидерам деление на «свои» и «чужие», и тот факт, что он спланировал жизнь Сати более тщательно, чем она сама. Если он мог помочь спасти Ойтуша, она готова была стать его «ценным сотрудником».

— Чем я буду заниматься на Острове? — спросила Сати.

— Станешь частью нашей команды, — Грейси подмигнул ей, словно какой-нибудь одержимый работой хэдхантер.

— И буду носить дурацкую униформу? — Сати мило оскалилась. — Извините, конечно, но со мной эта тактика не сработает.

— Давай лучше я спрошу тебя, — хитро улыбнулся Роланд, поправив палантин. — Что ты знаешь об Острове?

Сати думала целую минуту. А затем еще одну.

— Ничего, — наконец заключила она. — В школе нас пичкали всякой дребеденью типа что на Острове живут ученые, самые одаренные из одаренных. Благодаря своим способностям, они совершают открытия, которые делают наш мир лучше.

— Тебя не прельщает такая жизнь, верно? — с улыбкой заметил Грейси.

— Нисколечко, — Сати улыбнулась ему в ответ. — Но выбора у меня нет, я правильно понимаю?

Роланд не ответил. Он пригладил вьющиеся, с проседью волосы, а затем вновь пригласил ее взглянуть сквозь прозрачный корпус глайдера.

— Мы начали снижаться, взгляни-ка, что там?

На огромной скорости глайдер прорезывал розовые облака. Вскоре по левому борту замаячил город, построенный в горах. Сверкающие дома острыми пиками вонзались в небо, обширные пространства были засажены зеленью, а вокруг был бескрайний океан.

— Неплохо, — только и могла сказать Сати.

— Остров — это райский уголок, затерянный в Мировом океане. Он несет в себе много тайн. Одна из них заключается в том что Остров невозможно увидеть со спутников или обнаружить с помощью радаров. Должно быть, это действие какого-то поля, природу которого мы пока не смогли изучить.

— Каждый месяц мы привозим сюда новых одаренных, которым исполнилось шестнадцать, — продолжал Роланд. — Но они не просто живут и работают здесь. Они семья, все мы семья. Мы постоянно учимся, развиваем свои способности… Скажи, Сати, разве тебе не хочется стать сильнее? Подчинить себе свою одаренность?

Роланд знал, на что давить. Не отрывая взгляда от кусочка земли в океане, Сати кивнула.

— Ты быстро забудешь об ужасах, что творили с тобой, — сочувственно сказал президент. — Ты — уникальная, и твое место здесь, рядом с нами.

Сати улыбнулась самой милейшей улыбкой в мире. Притворяться она умела очень хорошо. Никто, даже сам хозяин рая не мог сказать, где ее место. Кроме самой Сати.

Неожиданно до них донесся приглушенный вопль, напоминающий крик обезьяны.

— Кто это? — удивилась Сати, — Какое-то животное?

— Можно и так сказать, — уклончиво ответил Роланд. Девушка заметила, что впервые за их знакомство улыбка на лице президента сменилась плохо сдерживаемой яростью.

— А я могу немного прогуляться? — спросила она. — Невыносимо сидеть в каюте.

— К сожалению не можешь Сати, — категорично ответил Грейси. — Но не беспокойся: мы скоро прилетим.

Вот те на. Почему он не выпускает ее?

— Тогда последний вопрос, — устало сказала девушка. — Я могу хоть немного побыть одна?

— Конечно, Сати, — Роланд улыбнулся и легонько потрепал ее по хаотично лежащим волосам. — Кстати, мне так больше нравится.

Он вышел из каюты, и Сати мельком заметила Дану,

стоявшую за дверью. Получается, девушка из Хаммацу все слышала? Или она здесь в качестве охраны? Могло ли быть так, что президент Грейси опасается ее, раз оставил за дверью своего телохранителя?

Разговор оставил неоднозначное впечатление. С одной стороны, у Сати появилась возможность отыскать Ойтуша, с другой стороны — она вновь чувствовала себя под колпаком. Роланд пытался казаться демократичным, но от его ответов возникало только больше вопросов. К тому же, он запретил ей возвращаться в Метрополь, не разрешил осмотреть глайдер — так не поступают с людьми, которых хотят, как он выразился, сделать «частью команды». И все же, Сати больше некому было доверять.

***

Это было невероятно, но Ойтуш поправлялся. Он с аппетитом съедал свой скудный паек, а по утрам впервые в жизни начал делать зарядку. Тело и разум требовали некоего режима и самодисциплины, и это явно не было признаком умирающего от дот-вируса человека.

В первые дни улучшения, когда потребность в постоянном сне стала сходить на нет, Ойтуш начал изучать свою камеру. Он досконально исползал каждый миллиметр и на ощупь изучил каждый выступ холодного грубого камня. Оказалось, что прямо по центру его камеры располагался небольшой люк, крышка которого прилегала к полу настолько плотно, что поддеть ее не представлялось возможным даже острием ножа.

Парень решил, что люк предназначался для избавления от трупов, так как его размеры как раз соответствовали средним размерам тела человека. Куда бы ни вело это отверстие, в сточную канаву или утилизатор, оно лежало за пределами тюремной камеры, и это давало хоть и мизерную, но все-таки надежду на побег. Судя по всему, смерть в очередной раз решила оставить Ойтуша в покое, а раз так, почему бы не попытаться выйти отсюда? Эта слабая надежда давала ему силы вставать по утрам, есть мерзкий обед, упражняться и изо всех сил стараться не думать о том, что он больше никогда не увидит Сати.

Свет Ойтуш видел лишь дважды в сутки, когда на пару секунд приоткрывалось окошко для выдачи пайка. Он не любил эти моменты: после этих кратковременных вспышек, глаза вновь

долго привыкали к темноте. Единичные фотоны, проникающие в камеру, помогали хотя бы немного ориентироваться в пространстве, и все-таки большую часть времени Ойтушу приходилось передвигаться на ощупь.

Осязание и слух обострились до предела, компенсируя то, чего не могли увидеть глаза. Иногда парню казалось, что он уже давно ослеп и больше никогда не увидит ничего, кроме своих цветных снов. Но всякий раз, когда окошко открывалось, и глаза резала боль, он знал, что по-прежнему способен видеть.

В первые дни заключения Ойтуш ожидал, что подвал будет наполнен криками и стонами страждущих людей, но их не было. Вместо этого были звуки, куда пострашнее. Несколько раз он содрогался от звука, напоминающего влажные шлепки, как если бы гигантская лягушка неторопливо прыгала по камням. Звук доносился откуда-то снизу — парень мог слышать его, прижавшись ухом к холодному полу.

Ойтуш старался не думать о том, что это могло быть, но воображение то и дело любезно подсовывало ему тошнотворные картины гниющих трупов, которые небрежно кидали друг на друга. Он чувствовал, что смертью был пропитан каждый камешек его клетки, и знал, что люк в полу открывался не раз, для того, чтобы избавиться от очередного умершего.

Он продолжал видеть странные сны про берег моря и беременную девушку, так похожую на Сати. Более того, из потаенных уголков мозга, до Ойтуша то и дело пытались достучаться фрагменты какой-то другой жизни. Идеальных размеров галька, дома, утопающие в воде, звон посуды и плафоны, парящие в воздухе… Все эти мелочи, эти кусочки пазла были чужими воспоминаниями, ведь никогда за свою жизнь парень не покидал пределов Метрополя.

Может, его мозг был поврежден при вживлении чипа? Или галлюцинации настолько осмелели, что решили занять место в разделе долговременной памяти? Так или иначе, Ойтуш жалел, что помнит не родителей, а эти никому не нужные обрывки чьей-то настоящей или ненастоящей жизни.

К концу второй недели ему удалось сделать темноту своим другом. Иногда парень ложился на холодный камень и долго-долго всматривался во мрак, пока ему не начинало казаться, что

он видит. Фрагменты воспоминаний всплывали перед глазами, словно он наблюдал их на экране в кинотеатре. Иногда, из черноты, перед Ойтушем возникали целые панорамы: хмурый Метрополь в утреннем смоге, блестящий глайдер, пролетающий в ясном полуденном небе, городской парк, где дети кидают хлеб жирным уткам в пруду…

А вот они с Сати провожают день зимнего солнцестояния. Электричество отключено, и восемь свечей горят, помогая прогнать темноту. Сати сидит у него на коленях; ей всего двенадцать, а Ойтуш уже безумно влюблен в нее. Он дает себе слово, что будет оберегать ее до конца своей жизни.

Возможно он сходил с ума, но проваливаться в эти видения было приятнее, чем биться в стену от отчаяния.

Темнота помогала Ойтушу заново проживать свою жизнь, вспоминая ее в мельчайших деталях. Он пришел к выводу, что все двадцать лет был прокрастинирующим безвольным тюфяком, и если бы не Сати, то давно бы подсел на стимуляторы. А все потому, что он узнал о несовершенстве мира еще в детстве, в то время, как другие представители Первого класса наслаждались всеобщим вниманием и заботой.

Когда Ойтушу было девять лет, они с классом ездили на экскурсию за город. Детям показывали животноводческие фермы, где выращивали генно-модифицированных коров и свиней. Взглянув в грустные глаза животных, неспособных самостоятельно передвигаться, Ойтуш единственный из всего класса заплакал. Пока никто этого не заметил, он убежал за пределы фермы и спрятался в высоких зарослях кукурузы. Его нашел пожилой мужчина, и чтобы хоть как-то развеселить, показал фокус: щелкал пальцами, от чего в руках его загорался огонь.

Ойтуш был изумлен до глубины души. Он спросил мужчину, почему его не отправили на Остров, на что тот поведал ему еще более невероятную историю. Присев рядом с заплаканным мальчишкой прямо на землю, мужчина рассказал ему, что научился создавать огонь в тридцать лет, после того, как умерла его дочь.

— Почему вы не получили штамп одаренности? — спросил Ойтуш.

— Я хотел было пойти в протекторий, — ответил тот, — Даже

все документы собрал. А потом решил, что семье я важнее.

— Не жалеете, что не ушли?

Мужчина немного подумал, а затем указал Ойтушу на ярко-синий дом с красной крышей в самом конце поля.

— Видишь? Мы построили его вместе с моими детьми.

Глядя на улыбчивое, испещренное морщинками лицо одаренного, Ойтуш понял, что он ни о чем не жалеет.

Уже уходя, тот вдруг улыбнулся и крикнул:

— Знаешь, как удобно поджигать старые початки с одного щелчка?

Ойтуш рассмеялся и даже не обратил внимания на то, мужчина назвал его на «ты».

После того дня, сомнения, словно ртуть отравили его душу. Мальчик больше не верил в безупречность власти, заявившей, что одаренным можно стать лишь до шестнадцати лет. Если он видел одного одаренного взрослого, значит должны быть и другие. Да и сама мечта об Острове вдруг перестала быть для него такой желанной. Он встретил того, кто выбрал простое человеческое счастье, вместо того, чтобы стать избранным, вершителем истории, представителем легендарного Третьего класса.

Только благодаря ненавистному когда-то чипу, Ойтуш не потерял счет времени. Он все также просыпался от коротких разрядов боли, слушал новости Метрополя и узнавал о состоянии своего организма.

Шла уже четвертая неделя его заключения, но парень вопреки всему чувствовал себя довольно сносно. Он потерял в весе, но зато тело стало легким и крепким, словно каучуковый мяч. Панические атаки Ойтуш заглушал физическими тренировками, а в моменты отрешенности и депрессии — наблюдал свои картины-воспоминания на потолке и стенах.

Тюремный режим, состоящий из подачи пайка и мытья камеры по понедельникам, также в некоторой степени помогал поддерживать дисциплину. Перед тем, как пускали воду, Ойтуш складывал свою одежду прямо под трубой, чтобы хорошенько прополоскать. Паек же стал делить на несколько частей: перекусывал маленькими порциями, стараясь не допускать острых приступов голода. И все-таки приверженность к скудному

режиму отнюдь не наполняла жизнь смыслом, просто помогала не сойти с ума хотя бы еще на какое-то время.

О том, что что-то не так, Ойтуш догадался, когда вода полилась из трубы на следующий же день после мойки. Он разделся и кинул одежду под струю воды. Напор был сильнее, чем обычно: струи с силой лупили по мешковатой робе, и это еще сильнее насторожило Ойтуша. С чего бы это тюремщикам устраивать ему повторный банный день?

Когда вода наконец коснулась его, парень вздрогнул от ужаса: она была не просто холодной, она была обжигающе ледяной, словно жидкий азот. Взобравшись на унитаз — единственное возвышение в его камере — Ойтуш к своему изумлению обнаружил, что сточное отверстие было заблокировано. Его камера медленно наполнялась водой, словно ванная, заткнутая пробкой.

От него решили избавиться. Ни пристрелить, ни ввести в вену яд, а утопить долгим и мучительным способом. Взвыв от отчаяния, Ойтуш закусил руку, чувствуя как животный страх заполняет его целиком. Он всегда боялся умереть именно так: барахтаясь и задыхаясь в подступающей воде, а затем камнем уходить на дно, вдохнув смертельную дозу жидкости. О да, тюремщики подготовили для него поистине грандиозный финал. Ну а как еще поступать со смертельно больным человеком, который внезапно пошел на поправку? Ведь содержать его для тюрьмы было как минимум невыгодно.

Через пару минут ледяная вода уже лизала подошвы его стоп, подступая все ближе и ближе. Не удержав равновесие, Ойтуш рухнул со своего спасительного пьедестала, с головой окунаясь в черную воду.

Тысячи острых иголок вмиг насквозь пронзили его тело. Вынырнув, он попытался вдохнуть, но легкие настолько сжались от холода, что Ойтуш мог лишь хватать ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Шли минуты и камера наполнялась водой все больше и больше. Парень умел плавать и чисто теоретически мог бы доплыть до трубы и заткнуть ее своей одеждой… но на деле он мог лишь барахтаться в дьявольских водах, пока судорога не свела его ноги и руки. Чернота и холод, обступившие со всех сторон без всяких намеков говорили, что это действительно был

конец.

Сердце Ойтуша почти остановилось, к тому моменту, как люк в полу начал открываться. Ледяной поток хлынул в канализационную трубу, унося с собой его еще живое тело.

Глава 8

— Сати, мы закончим снижение через пять минут, — заглянув в каюту, бегло сказал президент Грейси. Его лицо выражало высшую степень сосредоточенности.

— Угу, — рассеянно кивнула девушка, успевшая снова задремать в кровати-яйце.

— Тебя проводит и введет в курс дела Эвридика, моя помощница, а мне как можно скорее надо попасть на совещание.

— Угу, — повторила Сати, решив, что интересоваться правительственными делами — не ее забота.

Сати отключила интерьер, как это делал Роланд, и каюта мигом погрузилась в темноту. Глайдер снижался среди густой серой массы, напоминающей плотные облака. Подойдя вплотную к прозрачному корпусу, Сати положила руку на стекло. Странно, но за все время полета она не чувствовала перегрузок; лишь равномерный низкий гул давал понять, что судно преодолевает тысячи километров воздушного пространства.

Неожиданно все закончилось. Гул затих, а вместо прозрачного корпуса вновь сложилась мозаика с изображением обшитых деревом стен и потолка.

Сати направилась было к выходу, но ее остановила красная бегущая строка, зависшая в воздухе прямо перед лицом: «Ваш полет окончен, оставайтесь на местах».

Входная дверь была заблокирована.

От досады Сати вновь забралась на кровать и свернулась калачиком.

Но спустя пару минут в дверном проеме показалась чья-то голова, а затем в каюту протиснулся и ее обладатель — незнакомый молодой человек. В первые мгновения Сати показалось, что это был Ойтуш: те же взъерошенные темные волосы, широкие брови и карие глаза в обрамлении пушистых черных ресниц. Однако гость был ниже ростом, да и лицо было детским: было похоже, что парень был ровесником Сати.

— Привет, — дружелюбно сказал он, подходя ближе.

— Привет, — немного рассеянно ответила Сати, продолжая рассматривать его во все глаза. Он был одет в свободную рубашку с воротничком-стойкой и закатанными рукавами, серые брюки и

кроссовки, которые он не удосужился снять, усевшись в кресло прямо с ногами.

— Мне нравится твоя прическа, — сказал мальчик, улыбаясь.

— Спасибо, — Сати машинально пригладила волосы, точнее, то, что от них осталось. И как же она могла так ошибаться? Приглядевшись к незнакомцу повнимательнее, она заметила серьги-гвоздики в ушах, да и черты лица были скорее девчачьими.

— Как тебя зовут? — спросила она, чтобы подтвердить свою догадку.

— Эвридика, — ответило существо, на самом деле оказавшееся девочкой. В следующую секунду Эвридика схватила со стола зеленое яблоко и со всей силы запустила им прямо в голову Сати. Это было неожиданно, но рефлексы Сати сработали, и она словила его в каких-то миллиметрах от своего носа.

— Что за… — рассердилась было Сати, но Эвридика громко перебила ее.

— Да ты в отличной форме! — обрадовалась она, чуть ли не хлопая в ладоши. — Кластрум полностью вывелся из твоего организма.

«Похоже, что все-таки не полностью», — подумала Сати, решив, что собственный разум решил сыграть с ней злую шутку. Волосы Эвридики больше не казались ей лохматыми и взъерошенными, напротив, они были гладко уложены и разделены сбоку прямым пробором. Вместо бровей, напоминающих две черные щетки, были два аккуратных изгиба, превращающие лицо Эвридики из девочки-сорванца в элегантную юную леди.

Сати потрясла головой из стороны в сторону и вернула яблоко на место, не сводя глаз с Эвридики. Та заметила это, но лишь мило улыбнулась, словно все было в полном порядке.

— Президент Грейси сказал, что ты объяснишь мне все, — Сати решила нарушить молчание.

— Ах, да, — спохватилась Эвридика и соскользнула с кровати, при этом оказавшись чуть ли не на голову выше Сати.

— Почему ты меняешься? — нахмурилась Сати, почти злясь то ли на Эвридику, то ли на свое разыгравшееся воображение. — Ты была другой, когда вошла.

Вместо ответа, помощница Грейси взяла с журнального столика первую попавшуюся книгу и наугад раскрыла ее. Сати заметила родинку на ее щеке, которой — она могла поклясться — не было еще секунду назад.

Вдруг Эвридика, должно быть решившая довести Сати до инфаркта, с силой захлопнула книжку прямо перед ее носом. Сати зажмурилась от неожиданности, а когда открыла глаза, то едва не закричала от ужаса: перед ней, насмешливо улыбаясь, стояла ее собственная точная копия.

— Классно, правда? — произнесла Эвридика голосом Сати.

— Ты одаренная? — запоздало сообразила та.

— Как и ты. Иначе тебя здесь не было бы, — серые глаза собственной копии смотрели решительно и почти нагло.

— Ты гипнотизируешь меня? — Сати прикоснулась к ее лицу, чтобы проверить настоящее ли оно.

— Неа, — покачала головой Эвридика.

— Меняешь внешность, перевоплощаешься? — озвучила Сати еще одну догадку.

— Снова не угадала.

Очередная трансформация произошла так же быстро, как и все остальные. Не было ни ряби, бегущей по телу, ни пламени, ни искр, как в фантастических фильмах. Эвридика просто стала другой, быстро и не пыльно.

Теперь перед Сати стояла высокая женщина лет тридцати. Нос с горбинкой и волосы цвета воронова крыла делали ее похожей на злую колдунью из сказок. Вот только шоколадно-медовые глаза смотрели по-доброму, участливо.

— Все немного сложнее, Сати, — голос Эвридики оказался низким и бархатистым. — Я меняю мир вокруг себя. Представь, что мир состоит из бесконечного множества слоев. И в каждом слое я выгляжу иначе. Я тасую эти слои как карточные колоды, заставляя людей видеть меня по-другому. Понятно?

— Не очень, — честно ответила Сати. Но Эвридика ей определенно понравилась.

— Не страшно, — подмигнула она. — Пойдем знакомиться с Островом.

***

Сати думала, что они сразу попадут на берег, но за дверью

каюты был вход в длинный телескопический трап. Эвридика бодро зашагала вперед, и девушке ничего не оставалось, как поспевать за ее шагами.

В рукаве гулял прохладный ветер, а на его белых, дрожащих от сквозняков стенах то и дело встречалась цифра «9».

— Что это значит? — спросила Сати, указывая на маркировку.

— Выход номер девять, — не оборачиваясь, ответила Эвридика.

— Раньше я никогда не видела одаренных взрослых, — от переполнявших ее эмоций Сати не могла молчать.

— Нас тут много таких, — хмыкнула Эвридика. — Присматриваем за малышней, вроде тебя.

Сати совсем не обиделась.

— Президент Грейси сказал… — начала было она, но Эвридика перебила ее:

— Роланд. Зови его просто Роланд, у нас так принято, ясно? Здесь все равны.

— Хорошо, — кивнула Сати, едва успевая за ней. — Роланд сказал, что каждый месяц сюда прибывает новая группа одаренных.

— Все верно.

— Тогда сколько же людей здесь живет? — поинтересовалась Сати. — Наверное несколько миллионов.

— Никогда не думала об этом, — Эвридика не обернулась. — Гораздо меньше.

Рукав заканчивался, и Сати уловила ощутимый привкус соли в воздухе. Океан был совсем близко.

— Роланд лично привозит одаренных?

— Ну что ты, конечно нет, — Эвридика пыталась совладать с черными волосами, в которых бушевал ветер. — В этот раз он вез… нечто ценное.

— Меня?

Вместо ответа Эвридика от души рассмеялась, отчего щеки Сати вспыхнули.

— По-моему у кого-то завышено чувство собственной важности, — заметила Эвридика, закончив смеяться. — Ничего, скоро это пройдет.

Сати промолчала. В голову ей снова пришло то самое “животное”, крики которого она слышала в глайдере. Она уже собиралась спросить об этом Эвридику, но в этот момент сильный порыв ветра ударил ей в лицо.

Трап закончился на идеально гладком песчаном пляже. Ни одного следа, ни одного изъяна не было на нем. Впереди простирался океан, сине-зеленый, до самого горизонта. Ветер, дувший в лицо, был свежим и соленым, и Сати с удовольствием вдохнула его полной грудью.

Желтое солнце медленно садилось в облачной дымке, и цвет песка от этого был золотым.

— Ты сможешь гулять здесь, сколько захочешь, — сказала Эвридика, ностальгически глядя вдаль. — Теперь все это твое.

Сати подняла с песка камешек и поразилась его идеальной форме.

— Здесь все такое… — она никак не могла подобрать нужное слово. Наверное, самым подходящим было “Правильное”.

Оглянувшись, она увидела тот самый глайдер, на борту которого она была еще пять минут назад. Глайдер мягко покачивался на волнах в гавани, окруженной длинными волнорезами.

За свою жизнь Сати частенько приходилось видеть глайдеры над Метрополем: их крылья, напоминающие орлиные, сверкали в небесах, вызывая трепетное ощущение восторга и благоговения. Но то, что Сати видела сейчас, больше напоминало жирного жука, что устало сложил свои лапки. К серому корпусу глайдера было подведено несколько трапов, которые словно пиявки безжалостно впивались в тело воздушного судна.

— Эээ, — протянула Сати несколько разочарованно.

— Не совсем то, что ты себе представляла, да? — улыбнулась Эвридика. — И тем не менее, так выглядит настоящий глайдер. А те, что все время кружат над Метрополем — не более, чем для отвода глаз. Было бы слишком глупо подвергать опасности настоящее судно с одаренными.

«И странными животными», — подумала Сати.

Солнце почти село, и пляж окрасился кроваво-алым.

— Нам пора, — сказала Эвридика, глядя на часы. — Не то опоздаем к ужину.

***

Вблизи город показался Сати далеко не таким роскошным, как с высоты. Первое, что бросалось в глаза — полуразрушенные здания небоскребов, что росли вдоль длинного, уходящего вдаль каменистого пляжа. Они как маяки или обелиски тянулись чередой, и исчезали где-то далеко впереди.

Было очевидно, что в этих зданиях давно никто не живет: выбитые стекла и искореженные конструкции производили угнетающее впечатление. По одной высотке и вовсе тянулась пугающая трещина от основания до самой верхушки.

— Остров — одна большая гора. Первые поселенцы обосновались на пляже, и построили вот это, — Эвридика указала на череду зданий, что стремились ввысь, подпирая небо.

Некоторые из них были весьма причудливой формы, как например один, напоминающий стопку сложенных друг на друга плоских камней. Но и он за долгие годы одиночества зарос диким плющом. Другие небоскребы настолько близко подходили к воде, что волны разбивались о них, как о волнорезы.

— Теперь почти все они пустуют, — сказала женщина.

— Почему?

— У нас были трудные времена. Много одаренных погибло, — уклончиво ответила Эвридика.

— Что, какая-то катастрофа? Или цунами? — насторожилась Сати. Разве в раю бывают трудные времена?

— Не все способны контролировать свою одаренность, как мы с тобой, — ответила Эвридика, уводя Сати прочь от небоскребов.

Сати оглянулась напоследок. Гигантский разлом в одном из зданий заставил ее поежиться. Какая же сила должна быть у человека, чтобы он мог сотворить такое с домами из стали и камня?

— Да не волнуйся ты об этих развалюхах! — с улыбкой крикнула женщина. — Все теперь живут здесь. Догоняй!

С этими словами Эвридика побежала навстречу огромной скале, что маячила впереди. Сати не сразу заметила ее, но теперь от вида этой громады у нее буквально захватило дух.

Скала нависала над пляжем, растворяясь где-то вверху в пепельных облаках. Хорошо различимы были цветные породы, из которых она состояла: аспидно-черные, рубиновые, чернильно-синие. Местами скала была покрыта зеленью, а отвесный склон был испещрен окнами, лестницами и шахтами лифтов.

«Огромный муравейник», — подумала Сати, переключаясь на бег.

И тем не менее этот гигантский замшелый валун, изъеденный следами человеческой деятельности, словно насекомыми, был ее новым домом.

***

Центральный лифт, человек, наверное, на десять, был полностью прозрачным, как и корпус глайдера. Кто бы ни создал все это, он явно хотел произвести впечатление, пустить пыль в глаза новичкам.

Эвридика нажала на девятнадцатый этаж, и земля плавно стала уходить из под ног. Мурашки побежали по телу Сати, прямо как в тот момент, когда Роланд отключил интерьер корабля. Она не очень любила высоту, и решила, что в следующий раз пойдет пешком, сколько бы времени это не заняло.

Вид из кабины лифта действительно впечатлял. Почти севшее солнце напоследок пробилось из-за туч и осветило лица Эвридики и Сати мрачно-алым светом. Волны улеглись, и океан вдруг стал поразительно спокойным, словно стоячая вода в колодце.

Девушка взглянула на Эвридику, которая, прищурившись, смотрела вдаль. В голове вновь промелькнула мысль о сходстве с Ойтушем, и сердце Сати болезненно кольнуло.

— А штормы здесь бывают? — спросила она, чтобы отвлечься от злых игр воображения.

— Здесь все бывает. Кроме приливов и отливов.

— Как это? — недоумевала Сати. Она не была на море, но в школе им рассказывали о воздействии лунной гравитации на волны.

— Сложно сказать, — задумчиво ответила женщина. — Должно быть, связано…

— Должно быть, это еще одна загадка Острова, оставленная

нам предшественниками, — прозвучал сзади мужской голос.

Двери лифта распахнулись за их спинами, и Роланд, одетый в длинный пиджак и объемный светлый шарф, шагнул им навстречу с распростертыми объятиями. Он был улыбчив, дружелюбен и все также пах свежей листвой после дождя. Чуть поодаль стояла Дана, облаченная в блестящий комбинезон. На груди ее лежал красивый кулон из лазурного камня.

— Наконец-то, Сати. Прошу, проходи, — сказал президент, жестом приглашая ее внутрь.

Это был просторный светлый холл с колоннами. На верхние этажи вела широкая винтовая лестница, на ступенях которой Сати заметила несколько подушек и кипу исписанных бумаг, будто бы еще минуту назад там кто-то сидел. По центру располагался небольшой бассейн, а вокруг него были расставлены диваны и кресла. В школе Сати был аналогичный интерьерный ансамбль, вот только вместо водоема был камин, у которого она любила греться в холодную погоду.

Сати обратила внимание, что наряду с внешним лоском и изяществом, от этого места прямо-таки разило затхлостью. Словно люди собирались здесь не чаще раза в год, чтобы отдать дань формальности, пустить пыль в глаза. Хотя, возможно, она ошибалась.

На диванах у бассейна расположилась группа людей. Они тихонько переговаривались и краем глаза наблюдали за Сати. Одна девушка сидела на самом краю искусственного водоема и небрежно плескала воду.

— Кое-кто пришел познакомиться с тобой, Сати, — негромко сказал Роланд. — Твои будущие коллеги.

Сати растерялась. Она ненавидела знакомиться с новыми людьми, а тем более в таком количестве.

— Не стесняйся, подойди к ним, — напутствовал Роланд.

Сати оглянулась на Эвридику, но та с интересом рассматривала свои длинные ногти, покрытые черным лаком.

Придав лицу максимально доброжелательный вид, Сати медленным шагом направилась к бассейну.

Когда до ближайшего кресла осталась всего пара метров, она поскользнулась на луже, которую расплескала девушка, и смачно

шлепнулась на кафельный пол.

Послышался негромкий смех.

«Полный провал», — в ужасе подумала Сати, поднимая на ребят пунцовое лицо.

Два смуглых парня, невероятно похожих между собой, с любопытством рассматривали ее. Их улыбки были скорее добродушными, чем насмешливыми. Еще один подросток, сидящий отдельно, казалось, вообще ничего не замечал. Его медного цвета волосы были взъерошены, а лицо изображало смесь напряженной умственной деятельности со смертельной тоской. Девушка, что плескала воду, продолжала сидеть на бортике бассейна в позе, для которой ее короткое платье было категорически не предназначено. Повернув голову в сторону Сати, она щелкнула языком и улыбнулась, обнажив неровный ряд зубов.

— Мегани, а ну быстро за шваброй, — к ним подоспел Роланд, кустистые брови которого были недовольно сдвинуты.

— Окей, — ответила девушка, вновь щелкая языком. Взгляд ее темных глаз был странным, даже диким, а улыбка больше напоминала акулий оскал. И, тем не менее, в сочетании с миловидным лицом и роскошными, заплетенными в длинные косы волосами, Мегани не выглядела отталкивающе. Что нельзя было сказать о ее манерах.

— Ты не ушиблась? — спросил Роланд у Сати, когда Мегани ушла.

— Вот еще, — Сати гневно рассматривала мокрое пятно прямо у себя на попе.

— Тогда позволь мне представить тебе наших лучших студентов, — продолжил Роланд. — Это братья Рама и Камал…

«Я не ошиблась», — подумала Сати, повторно подмечая сходство парней. Широкие носы, темные глаза и волосы — они определенно были из южных городов; в Метрополе редко встретишь людей с такой внешностью.

-… Шин, — продолжал Роланд, кладя руки на плечи парню с волосами цвета меди. — С шельмой Мегани ты уже познакомилась… Ну и, конечно, Томас.

— Сати Лаллеман, — представилась Сати.

Что-то не складывалось. Роланд назвал пятерых, но перед ней

сидело лишь четверо.

«За колонной», — мягкий голос прозвучал словно эхо.

Покрутив головой, она встретилась взглядом с высоким блондином, что стоял, прислонившись к одной из каменных колонн. От его пронзительного тяжелого взгляда Сати стало не по себе, и она поспешила отвернуться.

“Странный тип”, — подумала она.

“Не страннее, чем ты”, — сомнений не было: голос звучал в голове Сати. Мягкий и ненавязчивый, но определенной посторонний.

Девушка изумленно взглянула на Томаса, но тот лишь небрежно вскинул бровь, словно был не причем.

— Опять он за свое, — усмехнулся один из братьев.

Судя по всему, все в этой гостиной понимали, что происходит. Все, кроме Сати.

«Ты тоже считаешь, что у Роланда дурацкий шарф?» — очередная посторонняя мысль нахально вторглась в ее голову.

На лице Сати отразилась смесь удивления и негодования. А вот на лицах “коллег” появились улыбки.

Интересно, над новичками тут всегда сначала издеваются?

— Заканчивай, Томас, у девочки сейчас мозги вскипят, — подал голос медноволосый.

— Не сердись, Сати, — сказал то ли Рама, то ли Камал. — Томас может общаться непосредственно с сознанием человека.

— Что-то вроде двухсторонней телепатии, — добавил его брат.

Но Сати чувствовала себя униженной. Знакомство шло наперекосяк: сначала она грохнулась, как корова на льду, а теперь еще и этот придурок без спроса влез в ее голову. С каждой секундой обстановка на Острове нравилась ей все меньше и меньше.

Окинув компанию мрачным взглядом, Сати направилась к Роланду, который стоял поодаль и о чем-то разговаривал с Эвридикой.

— Простите, а когда я смогу поискать своего друга? — тихонько спросила она.

— Не так быстро, Сати, — Роланд одарил ее добродушным, но вместе с тем строгим взглядом. — Для начала осмотрись, войди в ритм. У тебя еще будет время.

Чего-то подобного Сати и ожидала. Хрен кому здесь было важно ее мнение. А Ойтуш между тем вероятно погибает где-нибудь в подземельях протекторианской тюрьмы.

Но возразить Сати не успела: ее запястье будто огнем обожгло. Отдернув руку, Сати заметила, что на ее коже теперь красовалась маленькая татуировка в виде лаврового венка.

Эвридика с индукционной машинкой в руках лишь пожала плечами. Дескать, извини, но так надо.

В Метрополе это был целый обряд. Когда ребенок узнавал о своей одаренности, он шел в протекторий, где его тестировали интуиты. После того, как дар подтверждался, юношу или девушку приглашали пройти процедуру нанесения штампа. Для большинства это был настоящий праздник.

Детям накалывали маленькую татуировку в виде лаврового венца — символа победителей. Каждый мог сам выбрать место для штампа, но у Сати забрали даже это право.

— Благодарю, Эвридика, ты можешь быть свободна, — спокойно распорядился Роланд. Женщина кивнула и направилась к лифту, покачивая широкими бедрами.

Слезы обиды выступили на глазах у Сати. Она с ненавистью смотрела на то на рисунок, то на лица других одаренных, что окружали ее.

— Здесь ничуть не лучше, чем в Метрополе! — в сердцах крикнула она.

— Здесь гораздо круче, вот увидишь, — попытался ободрить ее один из братьев. Кажется, Камал.

— Я хочу вернуться домой! — продолжала Сати.

— К мамочке и папочке? — насмешливо протянул Шин.

— Метрополь — это вонючий отстойник, — заметила Мегани, закончив вытирать лужу на кафельном полу. — Как можно хотеть вернуться туда?

“Ты хочешь вернуться из-за него, верно?” — голос Томаса гулко прозвучал в ее голове.

Это было уже слишком.

“С меня хватит”, — подумала Сати. — “Пошло оно все к черту”.

Первое слово-активатор уже готово было слететь с ее языка.

«Не смей», — мысленно предостерег ее Томас. Сати заметила, как он дернулся всем телом, наконец-то отлипая от своей колонны.

«Да пошел ты!» — Сати старалась думать как можно громче.

«Ты даже не представляешь, какой силой обладает Грейси. Считаешь, что он позволит тебе устроить взрыв?»

Сати заскрежетала зубами от бессильной злобы. Неожиданно перед ее внутренним взором возникло лицо Ойтуша. Здоровое, сияющее, совсем как в лучшие их времена. На мгновение Сати словно оказалась в их старом-добром химическом складе, услышала стук дождя, от которого протекала крыша, почувствовала запах булочек, которые она приносила им из школьной столовой… Эти ни с того ни с сего нагрянувшие воспоминания помогли Сати немного успокоиться и взять себя в руки. Все могло быть хуже, гораздо хуже.

Она могла быть изнасилованной Вигом Такером, могла до конца своих дней остаться сиделкой в их доме, где полоумная Лагуна издевалась бы над ней. Но она по-прежнему была жива и здорова. А это уже не мало.

Заметив, что интерес к ней несколько поубавился, Сати незаметно шмыгнула к лифту. Останавливать ее никто не стал: все равно бежать отсюда было некуда.

Девушка спустилась на пляж. Оставшись в одиночестве, она наконец-то дала волю слезам. Усевшись на плоский валун, Сати подставила лицо мокрому океанскому ветру. Волны с шумом накатывали на берег, пожирая песок, а от кровавого солнца, что совсем недавно растворилось в пучине, не осталось и следа.

Пути назад не было. По сути, его не было уже с момента ареста, но теперь татуировка, этот маленький рисунок на запястье, окончательно подвел черту под ее прошлой жизнью.

Одаренные не всесильны, несмотря на свое могущество. Их место на Острове, это все знают. Сати никогда не вживят чип, а значит, она никогда не сможет устроиться на работу, пойти в магазин, проехать в метро. Завести детей.

Сканирующие дроны, коих тысячи в одном только Саото-Гане, никогда не опознают ее как элемент системы. У каждого есть свое место в этом мире, и теперь место Сати здесь.

Подул сильный ветер, и волны разыгрались не на шутку, но ей не хотелось возвращаться наверх. Замерзнув окончательно, девушка начала прогуливаться по пляжу, потирая застывшие руки. Темнее становилось с каждой секундой.

— Планируешь ночевать здесь? — окликнул Сати чей-то голос. К ней, кутаясь в плащ-дождевик, спешил Томас.

— Не знала, что ты умеешь разговаривать, — бросила она и направилась в противоположную сторону.

— Иногда приходится, — сказал он, догоняя. — Если хочешь замерзнуть, могу показать более простой способ.

Сати не ответила. Конечно, глупо было бегать по пляжу в преддверии ночи, но она все еще сердилась на парня.

— Ну хочешь, я извинюсь? — спросил Томас.

— Тебя послали вернуть меня? — спросила Сати, не оборачиваясь.

— Да нет. Всем плевать вообще-то, — сообщил Томас. — Как набегаешься и окончательно замерзнешь — сообщи мне.

Сати сообщила минуты через три.

— Здесь есть, куда еще пойти? — спросила она, позволяя накинуть дождевик на свою промокшую насквозь футболку.

— Есть одно местечко, — после секундного раздумья сказал Томас. — Но надо будет немного прогуляться.

Глава 9

К ужасу Сати, Томас направился прочь от обитаемой скалы, прямо к опустевшим небоскребам, которые с наступлением темноты выглядели еще более зловеще.

“Лучше бы я вернулась”, — подумала Сати, едва успевая за быстрыми шагами Томаса, то и дело утопая в мокром песке. Почти стемнело, когда перед ней предстал жуткий костяк одного из полуразрушенных зданий.

— Пришли, — сказал Томас. — Советую снять обувь.

Внутри здания была кромешная тьма. Томас включил фонарик, и его тонкий луч осветил облупленные, покрытые плесенью стены. Сати охнула, ступив в огромную лужу посреди главного холла. Вода была холодная и доходила почти до щиколоток. Кроме того, создавалось ощущение, что ее ноги тут же окружила стайка рыб. По крайней мере, Сати очень хотелось верить, что это всего лишь рыбы, а не какие-нибудь пиявки-мутанты.

— Замерзла? — спросил Томас.

— Есть немного, — честно ответила Сати.

— Сейчас согреешься, — заверил ее парень. — Лифты уже много лет не работают, а нам нужен двадцать пятый этаж.

— О, — только и могла сказать Сати.

Они поднимались по широкой парадной лестнице, хранящей призрачное воспоминание о своей роскоши. Затхлый воздух был пропитан запахом морской соли, а на некоторых стенах были трещины от пола до потолка. Казалось, что здание вот-вот рухнет прямо у них под ногами.

Когда Сати отставала, и Томас вместе с фонариком исчезал где-то высоко впереди, живая дышащая тьма обступала девушку, заставляла прибавлять шаг, несмотря на усталость.

“Кто может жить в этом саркофаге?!” — подумала Сати, преодолевая один лестничный пролет за другим.

Томас лишь хмыкнул где-то впереди, и Сати поняла, что ее мысль не осталась без внимания.

— Пришли, — наконец сказал парень, останавливаясь у

заплесневелой входной двери. Он совсем не запыхался, в отличие от Сати, которая шумно вдыхала воздух и держалась за перила.

В квартире было на удивление чисто и уютно: ни плесени, ни тлетворного ощущения всеобщего хаоса. Одна из комнат напоминала типичный одноместный номер в отеле Метрополя: аккуратно застеленная кровать, кресло, тумбочка и торшер. Сати не раз доводилось ночевать в таких, особенно во времена проблем с протекторием.

Во второй комнате располагался письменный стол и стул, а все остальное пространство было завалено бумажными книгами и пустыми коробками.

— Ого, — удивилась Сати, краем глаза заглядывая в этот отшельнический рай.

— Это мой рабочий кабинет, — небрежно сказал Томас, приглашая ее пройти в более чистую и просторную комнату.

— Так это ты здесь живешь?

— Еще скажи, что не догадалась — ехидно усмехнулся парень, ставя чайник.

На улице окончательно стемнело. Море бушевало, и волны с грохотом разбивались о черные небоскребы, что стояли вдоль пляжа, словно надгробия вдоль дороги. Окно в комнате Томаса было единственным источником освещения на километр вокруг, и Сати подумала, как, должно быть, тоскливо это выглядит со стороны.

— Давай-ка в душ, — распорядился Томас, с головы до ног осмотрев Сати. — А потом пить чай.

Сати слишком устала, чтобы спорить, поэтому просто отправилась в направлении, которое указал ей хозяин квартиры.

В душевой тоже пахло солью, как и повсюду в этом месте, но было чисто и аккуратно. Пока Сати наслаждалась горячими струями воды, открылась и закрылась дверь ванной — Томас принес ей полотенце и халат.

Сати показалось странным, что она так просто решила пойти с незнакомым человеком, который был намного старше ее, да еще и мог читать ее мысли, но немногословность Томаса каким-то странным образом располагала к себе. На фоне остальных одаренных он казался таким же заброшенным в эту утопию, как и

она сама.

Закончив мыться, Сати с грустью посмотрела на мокрые кроссовки: до завтрашнего утра они точно не высохнут, а значит весь следующий день ей придется хлюпать.

— Обувь можешь закинуть в сушилку, — послышался голос Томаса из-за двери. — Справа.

“С ним надо быть осторожнее”, — подумала Сати и как можно скорее накинула халат. Неизвестно, насколько могущественной была его “двухсторонняя телепатия”.

В комнате Сати ждала большая кружка чая, а еще коробка с печеньем, что было в самый раз после долгого голодного дня.

— Спасибо, — она устало улыбнулась Томасу. — То, что надо.

Томас притащил стул из “кабинета”, а Сати усадил в кресло, в котором она тотчас же развалилась и обмякла.

— Значит, — начал Томас, внимательно разглядывая девушку, — Ты не хотела становиться одаренной?

— Я не хотела, чтобы моя жизнь менялась, — честно призналась Сати, отпивая горячий сладкий чай. — Но ты ведь же знаешь об этом, не так ли?

— С чего бы это? — блондин удивленно вскинул бровь. — Мы знакомы максимум полчаса.

— Ну ты же читаешь мысли и все такое, — заметила Сати.

— Я не читаю мысли, — покачал головой парень. — Телепаты бывают только в научно-фантастических фильмах. Представь, что сознание человека излучает особые волны. Так вот, при благоприятных условиях я могу настраиваться на них, и получать доступ к тому, что творится в его голове. Я не читаю мысли, как книгу, я вижу образы, воспоминания, могу воспринимать настроение и так далее.

— И можешь видеть то, что видит человек? — Сати покраснела.

— Да не подглядывал я за тобой, — криво усмехнулся Томас. — Ты не в моем вкусе.

Сати фыркнула, но решила не обижаться: все-таки он остановил ей суицидальные попытки, привел к себе домой, накормил, обогрел.

— Ты не пользуешься “Оком”? — спросила она.

“Око” — программа, включающая в себя мобильную связь, интернет и очки дополненной реальности. “Оком” пользовались все граждане Метрополя. У Вторых устройство было интегрировано с чипом, тогда как Первые носили снимаемые устройства — визоры. Насколько Сати успела понять, на Острове тоже пользовались “Оком”: глаза Даны, Роланда и других отличались по цвету — так выглядела имплантированная линза. Но у Томаса обе радужки были одинаковыми.

— Нет, без надобности, — ответил тот. — Любой может связаться со мной, если захочет.

— Ты сказал, что можешь настраиваться на людей при благоприятных условиях. Что это значит? — спросила Сати.

— Сознание разных людей открыто по-разному, — Томас захрустел печеньем. — До кого-то я не могу достучаться, как бы ни захотел.

В его голосе послышалось сожаление: должно быть, парень очень не любил встречать преграды на своем пути.

— А к кому-то — например, к тебе — и стучаться не надо, — его рот снова растянулся в кривой усмешке. — Твое сознание открыто нараспашку — смотри не хочу.

Сати вновь покраснела. При первой встрече Томас показался ей гораздо старше, но теперь, в домашней обстановке, с мокрыми растрепанными после ночной прогулки волосами он выглядел совсем по-другому. Сколько же ему лет?

— Двадцать один, — моментально отозвался парень. — Я же говорил: кто-то слишком громко думает.

Сати улыбнулась и тут же зевнула: спать хотелось жутко.

— А на Острове есть другие, вроде тебя? — спросила она.

— Нет, насколько я знаю, — покачал головой тот. — Есть другие, более странные.

— А как тут вообще жить-то? — озвучила девушка свой самый главный вопрос.

— Нормально. Ходишь на учебу, совсем как в школе. Потом работаешь. Я вот работаю в генетической лаборатории. Типа работаю.

— Типа?

Томас вздохнул и встал со стула. Подошел к окну и уставился

в темное небо.

— Иногда у меня складывается впечатление, что все мы здесь занимаемся полной фигней.

— Что ты имеешь в виду?

— Часть наших проектов нежизнеспособна, часть — понадобиться Большой земле лишь через несколько десятилетий, а еще часть засекречена.

— Как это засекречена? — насторожилась Сати.

— Остров одна сплошная тайна, Сати, — Томас пристально взглянул ей в глаза, словно тщательно взвешивал, что говорить ей, а что нет. — Нам ничего не рассказывают: ни о том, где мы фактически находимся, ни о том, над чем работаем.

— Не пробовал взломать сознание Роланда?

— Конечно пробовал, — горько усмехнулся парень. — Но он очень силен ментально. Как скала.

Сати в сотый раз потерла усталые глаза.

— Спать жутко хочется, — констатировала она, чувствуя, что больше не может сопротивляться.

— Еще бы. Удивляюсь, что ты до сих пор не вырубилась, — сказал Томас, накидывая на нее теплый плед. — Я подмешал снотворное в чай.

— Что?! Зачем? — Сати попыталась оттолкнуть его.

— Затем, что ты истеричная, склонная к самоповреждению особа, опасная как для себя, так и для окружающих. Ты мне еще спасибо скажешь.

— Мерзавец, — прошептала Сати, окончательно проваливаясь в сон.

Томас вновь ухмыльнулся и, подхватив девушку на руки, перенес ее на кровать.

***

«Я все еще жив».

С величайшим трудом Ойтуш открыл глаза, чувствуя, что весь мир сжался для него до размеров одной маленькой точки.

Вокруг было светло. Не так, как днем, но и на кромешный ад тюрьмы это больше не походило.

Днем… давно ли он видел настоящий световой день?

Повернув голову набок, Ойтуш увидел, что источником

приятного светло-желтого света была лампа накаливания, почти ушедшая в небытие в Метрополе.

«Где я?»

Он смотрел на лампу до тех пор, пока отвыкшие от света глаза не начали слезиться. Пошевелив пальцами вначале рук, а потом ног, Ойтуш решил, что вполне может сесть. Он обнаружил себя на железной койке, застеленной грязным тряпьем. По соседству стояла еще одна, точно такая же.

Через несколько глубоких вдохов и выдохов, парень почувствовал себя почти сносно: в мышцах была сила, а голова была довольно свежей. Обе локтевые вены были подключены к капельницам, в носу был кислородный катетер — кто-то явно хотел вытащить его с того света. К тому же Ойтуш больше не был облачен в унизительную тюремную робу, на нем были потертые брюки на несколько размеров больше, в изголовье лежал свитер, тоже явно с чужого плеча, а на полу, рядом с кроватью, стояла пара ботинок.

Пахло сыростью и медикаментами, но вместо камня, такого привычного за время, проведенное в тюрьме, Ойтуш находился в некой брезентовой полубочке, напоминающей палатку из старых фильмов о войне.

За спиной послышалось копошение, и Ойтуш резко развернулся, задней мыслью понимая, что его тело среагировало как никогда быстро. Из тамбура в палатку вошел нескладный темноволосый парень в очках и большим фонарем в руках. На вид ему было около восемнадцати лет.

— Как самочувствие? — сходу спросил он, надевая белый халат. — Выспался?

— Можно и так сказать, — ответил Ойтуш, внимательно наблюдая за каждым жестом незнакомца.

Сказать по правде, с каждой минутой он ощущал себя все лучше и лучше. Ойтуш слышал, видел, соображал, а также реагировал на окружающие импульсы гораздо лучше, чем когда-либо в жизни. К тому же чутье подсказывало ему, что в этом странном месте он находится в полной безопасности.

— Честно говоря, мы опасались, что потеряем тебя, — сказал парень, вынимая катер и иглы из вен. Его внимательные темные

глаза бегло ощупывали лицо Ойтуша.

— Мы?

— Сопротивление, — кивнул тот. — Слышал о таком?

Этого просто не могло быть. Конечно Ойтуш знал, что в Метрополе существует некое сообщество людей, игнорирующих законы о классах, но их было принято считать отребьем, неспособным жить в социуме.

— Да, приходилось, — только и мог сказать Ойтуш. — Где я?

— Под городом, примерно в районе Окто-Гана, — ответил парень в медицинском халате. — Тюрьма, в которой тебя держали, находится прямо над нами.

Ойтуш посмотрел вверх, но над ним был лишь брезентовый потолок. Тем не менее давящее ощущение замкнутого пространства и сотен метров холодного камня над головой подсказывало ему, что он вовсе не на пикнике с палаткой.

— Ты провел там месяц и одну неделю, плюс неделю здесь на стимуляторах и адаптогенах, — “врач” проверял его сухожильные рефлексы.

Ойтуш сокрушенно покачал головой. Значит Сати уже больше месяца живет в чей-то семье. Как игрушка…

— Во время операции твой чип взорвался, чуть не снеся тебе полчерепа, — продолжал парень.

— Что? — не веря своим ушам, переспросил Ойтуш и судорожно схватился за голову. Его пальцы нащупали тонкую бороздку швов, прямо над тем местом, куда ему много лет назад вживили отслеживающее устройство.

— Прости, Ойтуш, таково наше правило, — развел руками незнакомец. — Оставить чип в твоей голове — значит собственноручно сдать себя протекторию. Мы до сих пор живы только потому, что сделали это с каждым. Скрыли свое местоположение.

Вместо слов Ойтуш лишь горько усмехнулся. Без чипа путь к наверх был ему заказан. Без своего паспорта, без “Ока” он был не больше, чем букашкой.

— Да, ты отныне вне системы, но вспомни, ты всегда шел против нее.

— Какая теперь разница? — мрачно отозвался Ойтуш.

— Ты все еще жив. А это важнее всего, — сказал парень, протягивая руку для рукопожатия. — Меня зовут Тора Матиас.

Что-то странное было в лице этого юноши: оно то казалось живым и сочувствующим, то напоминало лишенную эмоций маску.

— Ойтуш Эвери, — представился Ойтуш, крепко пожимая руку и стараясь не рассматривать его слишком долго.

— Да, я знаю, — усмехнулся Тора.

— Откуда?

— Мы присматривали за тобой, Ойтуш, — сказал Тора, напоследок измерив давление. — Вставай, обувайся. Скоро сам все узнаешь. Из первых уст, так сказать.

— Куда мы идем? — поинтересовался Ойтуш, надевая ботинки.

— К Айзеку, конечно.

Услышав это имя, Ойтуш почему-то кинув взгляд на стоявшую рядом койку. Обострившееся чутье подсказывало, что он каким-то образом уже знает этого человека.

— Айзек — глава сопротивления, — пояснил Тора. — Именно благодаря ему ты жив.

— Но зачем ему это? — спросил Ойтуш. — Зачем сопротивлению спасать меня, ведь я никто.

— Поверь, Айзек всегда знает, что делает, — Тора нервно улыбнулся и вышел из палатки. — Сейчас ночь, постарайся не слишком шуметь.

В неярком свете прожекторов виднелись ровные ряды палаточного лагеря, несколько железных ангаров, у входа в которые дежурили люди, вооруженные штурмовыми винтовками. На них Ойтуш разглядел давно снятую с производства полицейскую форму: черные брюки и куртки, жилеты, берцы… да уж, вот тебе и «отребье». Наверху же, вместо неба над головой, был обшарпанный, давящий потолок со следами копоти и обстрелов.

Лагерь располагался на обширной платформе, по обеим сторонам которой была дыра, уходящая в бесконечность. Она зияла, как пустая глазница великана, а на дне этой трубы лежали рельсы, самые настоящие рельсы, которые в Метрополе давно были заменены на магнитные платформы. И запах… Ойтуш сразу

узнал его: запах сырости, затхлости и креозота. Сомнений не было: он был в заброшенном метро, глубоко в недрах Метрополя.

— Далеко же вы забрались, — заметил Ойтуш, слушая как его голос отражается от стен подземки.

— Пожалуйста, тише, — взмолился Тора. — Большинство людей сейчас спит.

Ойтуш оглянулся по сторонам: никого не видно было, кроме дозорных на воротах.

— Давно вы здесь? — прошептал он.

— На этой станции около месяца, — ответил Тора, скользя фонарем вдоль рядов. — Нам приходится все время перемещаться, чтобы не обнаружить себя. Протекторий постоянно посылает шпионов, поэтому к новым людям здесь относятся с недоверием.

— Понятно. И насколько большое старое метро?

— Если честно, мы и сами не знаем. Оно огромно, но мы не рискуем исследовать некоторые старые ветки.

— Почему?

— Ой, да много кто там живет… Взять хотя бы… — тут парень осекся и прислушался к едва уловимым звукам. Ойтуш заметил, что Тора был каким-то дерганым.

— Ты хотел отвести меня к Айзеку, — напомнил Ойтуш. В этом месте и без того было жутковато, а еще и разговоры о всяких непонятных тварях…

— Да, да, пошли, — очнулся Тора.

Они заскользили между рядов лагеря. Кое-где в железных бочках догорали костры, а прямо на земле валялись укутанные свертки, в которых угадывались люди.

— Много здесь живет? — спросил Ойтуш, перешагивая через какого-то заросшего деда, замотанного в спальник наподобие гусеницы.

— После последних стычек в Окто-гане к Айзеку примкнуло еще полсотни. Итого, почти двести, плюс дети. Возможно, где-то еще есть отдельные группы, но мы не можем связаться с ними, — сказал Тора. — Протекторий делает все возможное, чтобы разобщить нас.

— Протекторий знает о вас?

— Конечно, — удивился Тора. — Пока что между нами

холодная война: между его разведкой и нашей.

— Как же вы общаетесь? Без “Ока”… — начал было Ойтуш.

— “Око-2”, — сказал Тора. — Мы хакнули “Око” и теперь используем его, чтобы скрыть наше местонахождение.

— Неплохо, — хмыкнул Ойтуш. Волнение перед встречей с Айзеком несколько поубавилось.

И зря, очень зря.

Протяжный громогласный звук сирены заставил Ойтуша пригнуться от неожиданности. Один за другим ярко вспыхивали прожекторы, беспощадно прогоняя тьму подземелья. Дозорные на воротах перестали переговариваться и все как один подобрались, вскидывая винтовки. Из палаток повылазили испуганные, сонные люди; большинство из них на ходу надевало наушники, кто-то просто зажимал уши руками.

— Надень, — сказал Тора, доставая из карманов под халатом точно такие же.

— Зачем? — спросил Ойтуш, потихоньку проникаясь ощущением паники.

— Если это беглый аниматус, нам придется стрелять из нейронной пушки, — сказал парень, кивая в сторону “полицейских”, что уже тащили нечто, напоминающее огромный мегафон.

Ойтуш без промедления натянул наушники и звук сирены мигом исчез, как и все остальные звуки. Тора жестом велел ему лечь на землю, а сам направился куда-то вглубь лагеря, суетливо и неуклюже.

Велев себе успокоиться, Ойтуш присел за валявшейся на земле железной канистрой. Она была еще теплой от недавно потухшего костра. Мимо него сновали люди, но паники не ощущалось. Гражданские и вовсе вели себя подозрительно спокойно, хоть и были напуганы. Даже маленькие дети не кричали и не плакали, а просто сидели на руках у взрослых. Это было так странно, в Метрополе такого не встретишь.

“Они так безучастны, потому что им некуда бежать”, — догадался Ойтуш, глядя на беженцев.

Вдруг внимание Ойтуша привлекло странное существо. Это был крупный человеко-зверь, киборг, который сидел на корточках и для равновесия опирался на здоровенный почти

полутораметровый тесак. На человека он походил мало, но определенно был им когда-то. Его тело было механизировано процентов на семьдесят, в том числе и добрая половина головы, а поза, в которой он ждал надвигающуюся угрозу, больше напоминала позу гориллы перед атакой.

От него исходило странное спокойствие, Ойтуш чувствовал это будучи даже в десяти метрах.

Неожиданно киборг подкинул что-то в воздух.

“Разведывательные дроны”, — догадался Ойтуш, глядя как маленькие объекты размером с теннисные мячики исчезают в тоннеле.

“А вот и “Око-2” в действии”, — подумал парень, когда спустя несколько долгих минут, киборг дал солдатам отмашку. Должно быть, он был здесь какой-то важной персоной, а не просто зверьком, которого держали для устрашения. Люди в форме сгрудились вокруг него, получая дальнейшие указания.

Однако напряжение заметно поубавилось. Дроны собрали информацию, а “Око-2” доставило ее прямиком в мозг киборга.

«Беглых аниматусов сегодня не будет», — подумал Ойтуш, глядя как солдаты один за другим стаскивают наушники. Мегафон исчез в ангаре так же быстро как и появился, но это был еще не конец. Последовав примеру военных, Ойтуш снял наушники, но быстро пожалел об этом.

— Отошли все от путей! Назад, назад, говорю!!! — кричал солдат с иссиня-черной кожей почти под цвет его экипировки. Люди испуганно пятились, похватав свои пожитки.

А в следующую секунду горящий вагон на полном ходу влетел на станцию. Ойтуш спрятался за канистрой так, что только глаза были видны. Словно пылающий шар для боулинга, вагон врезался в состав, стоящий на рельсах с таким оглушительным грохотом и скрежетом, что Ойтуш подумал, что оглохнет. Некоторые из грузовых вагонов покосились, но не упали. Медленно, но верно занялся пожар.

— Чертов Нейт опять шалит, — произнес один из солдат.

— Давно пора пристрелить его, — сказал другой.

— Не раньше, чем расплатиться за нанесенный ущерб, — ответил первый, глядя как слаженно люди тушат пожар на станции.

Ойтуш понятия не имел, кто такой Нейт, и почему он “шалит”, но, судя по всему, опасность им больше не угрожала. По крайней мере всем, кроме него.

Через толпу бегущих людей Ойтуш увидел, как тот самый киборг смотрит на него в упор. Темнокожий, бритый на лысо получеловек-полуробот не отрывал от него яростного, не предвещающего ничего доброго взгляда. Ойтуш собрался было по-быстрому свалить, но было уже поздно: в один прыжок киборг преодолел расстояние между ними, и вот уже его холодный, пахнущий кровью тесак оказался приставленным к горлу Ойтуша.

— Я тебя не знаю. Кто ты, мать твою? — хрипло спросил этот неуравновешенный тип, держа Ойтуша так, что он не мог шевельнуться. Его голосовые связки были человеческими, правый глаз, вероятно, тоже, а вот второй определенно был бионическим — он отражал свет, словно глаз кошки, приобретая в темноте подземки малиновый оттенок.

— Я новичок. Раньше в морге работал. Потом сидел в тюрьме, — говорить с ножом у горла было не так-то легко, но Ойтуш старался потянуть время, пока Тора не вернется за ним. — А ты всегда вначале тесаком своим машешь?

— Всегда, — прорычал киборг, — Так проще вызвать у людей доверие к себе.

— Серьезно? — оскалился Ойтуш, чувствуя, что может умереть в любую секунду.

— Что ты знаешь об этом пожаре? — продолжал киборг.

— Причем здесь я? — возмутился Ойтуш. — Это ж Нейт.

— Ты знаешь Нейта?! — человеческий глаз киборга неистово заблестел, и Ойтуш понял, что ляпнул чушь.

— Послушай, — сказал он, в последний раз оглянув станцию в поисках знакомого лица, — Ты все равно убьешь меня. Но дай мне сначала поговорить с вашим главным… как же его… Айзеком. Пожалуйста.

— Я и есть Айзек, — сквозь зубы сказал киборг, поднимая Ойтуша над землей.

— Дело дрянь, — констатировал тот.

— Без сомнений.

Ойтуш зажмурился, чувствуя, как лезвие медленно режет его кожу.

— Ойтуш! — кричал бегущий к ним Тора. — Айзек, стой!

Глава сопротивления выпустил жертву из рук, и парень рухнул на землю, крепко приложившись головой о катушку с кабелем.

Глава 10

Сати вернулась. Вернулась в свой новый дом-муравейник, поскольку ничего другого ей не оставалось. После ночевки у Томаса, она уяснила одно: сопротивляться бесполезно. Раз уж она подошла так близко к запредельному миру науки и высоких технологий, так почему бы ей не использовать его, для того чтобы найти Ойтуша? Или, по крайней мере, узнать его судьбу.

Притворяться и притворяться, снова и снова. В первые дни после прибытия, Сати прилежно ходила на тесты и обследования, призванные изучить ее, словно насекомое под лупой. Тесты на стрессоустойчивость, психотип, сильные и слабые стороны личности… Ей было интересно: их проводят всем, или только тем, кто неадекватно ведет себя в первый день?

Одаренность Сати тоже подвергли измерениям. В течение нескольких часов на нее действовали высокими и низкими температурами, газами, ядами, а также кололи и резали разными предметами. Конечно был дан наркоз, но Сати никому не сказала, что он не подействовал. Ей пришлось вытерпеть все это невероятным усилием воли, концентрируя всю свою боль на одном желании: убить Лидо Ройсса и всех тех, кто причастен к аресту Ойтуша.

Кожа Сати горела и дымилась, а сама она, должно быть, напоминала феникса, что раз за разом восставал из пепла. Все раны заживали совершенно бесследно в считаные секунды. В результате одаренность Сати получила одиннадцать баллов из возможных одиннадцати. Можно было бы отпраздновать, но после пережитого Сати беспробудно проспала целые сутки.

И только после того, как девушка прошла все проверки, милейшие врачи и доктора Острова выдали ей справку о “полном физическом и психическом здоровье”.

Ее поселили в небольшом отсеке на семнадцатом уровне. “Стандартная комната для новичков”, — как заметила Эвридика, помогавшая адаптироваться в первые дни. Серо-белые тона, кровать, шкаф с одеждой и большой матовый экран, имитирующий солнечный свет.

В шкафу Сати обнаружила несколько комплектов одежды: для занятий, для спорта, парадно-выходные и прогулочные, среди

которых были и дождевики, незаменимые при местном климате.

Создавалось ощущение, что при всем разнообразии одаренных, что жили здесь, структура Острова стремилась к единообразию. Отсеки, форма, тесты, распорядок дня — все служило тем же целям, что и в Метрополе. Упорядоченности. Одинаковости. Единой системе.

И все же, при внешнем лоске и стремлении к порядку, на поверхность просачивались нелицеприятные детали. Остров был в запустении. Частенько, идя по коридорам, Сати замечала стебли растений, что пробивались прямо через кремовые плиты пола. В оранжереях и теплицах было много сорняков, системы подачи воды в уборной то и дело сбоила, а в классных комнатах местами встречалась плесень. Ну и конечно, не стоит забывать о небоскребах-волнорезах, что с наступлением темноты наводили на Сати жуткую тоску.

Перед первым учебным днем (а именно учиться ей и предстояло несколько последующих лет), над Сати основательно поработали. Ей провели ускоренный курс детоксикации и миостимуляции, после чего организм буквально воспел, став легким и сильным, как никогда. Удалили омерзительный штамп корпорации “Няня Момо”, что красовался за ухом грязным пятном, и вживили программу “Око”. Однако, как вскоре узнала Сати и тут же расстроилась, “Око” не действовало за пределами Острова. Ее подключили к локальной островной сети, позволяющей узнавать последние новости, расписание на день и ближайшие мероприятия. Была в ней и скудная база данных о том, что это за место и где оно находится. Вот только ответы больше напоминали примитивные отмазки из энциклопедии для малышей.

“Где мы находимся?” — спрашивала Сати.

“На Острове — единственном в мире оплоте одаренных”, — вежливо отвечало “Око”.

“Да, но где конкретно?”

“В мировом океане”.

“Точные координаты, пожалуйста”.

Здесь “Око” замолкало, а потом повторяло все по кругу. Про оплот одаренных, погоду, климат и прочее в том же духе.

“Бесполезная хреновина”, — ворчала Сати, а “Око” желало ей приятного дня.

Учеба мало отличалась от уроков в метропольской школе.

Вот только здесь никто не затевал конфликтов и не устраивал насмешек над учителями. Всю теорию, которую читали на лекциях, Сати спокойной могла бы скачать из базы данных, поэтому она быстро пришла к выводу, что занятия служат главным образом социализации и общению между студентами.

Вместо классов юные одаренные были поделены на группы, человек по десять-пятнадцать максимум. Группы редко пересекались между собой, и Сати до сих пор не могла посчитать, сколько же ее ровесников живет на Острове. Точнее, не ровесников, конечно, ведь Сати все еще было пятнадцать. Но кроме Роланда, Эвридики и, вероятно, Томаса об этом никто не знал.

Иногда на уроки приходили ведущие разработчики и ученые Острова. Они демонстрировали свои проекты, такие, как, например, генно-модифицированных насекомых с чипом, которым люди могли управлять при помощи нейроинтерфейса.

— Получается, мы взаимодействуем напрямую с мозгом этой стрекозы? — спросил мальчик, на ладони которой сидело большое лиловое насекомое с сиреневыми крылышками.

— Именно так, — генетик, мистер Фриз, на вид которому было далеко за тридцать, улыбнулся.

— Где гарантия, что наши сознания не смешаются? — мальчик велел стрекозе подняться вверх и описать круг под потолком.

— Боишься, что стрекоза начнет управлять тобой?

Студенты заулыбались, а уши парня немного порозовели.

— В данной ситуации побеждает наиболее сильный разум, — сказал Фриз. — Предположим, что эта стрекоза все же умнее большинства из вас в этой аудитории…

Снова улыбки.

— А это значит, что более высокоорганизованный разум способен диктовать ей, что делать. Управлять ей, как компьютером. Вам это ничего не напоминает?

— Первый и Второй класс, — тихо произнесла Сати, и все обернулись на нее.

— Поправка, — сказал Фриз. — Второй и Третий класс. Разум первого и второго порядка, высшее и низшее сознание, приматы и…

— Мои родители из Второго класса, — перебила генетика

высокая девушка с длинной жирафьей шеей. — Я не считаю их убогими приматами.

— Конечно нет, — спокойно возразил одаренный. — Мы должны помогать им. Второй класс — тот фундамент, та глина и бетон, на котором стоим мы, наделенные даром люди. А без фундамента, как известно, ни один дом не простоит.

— На прошлой лекции мистер Кодзима говорил, что задача Третьего класса — отыскать и внедрить ген одаренности в каждого ребенка, что рождается в этом мире, — заметила Сати. — Верно ли, что тогда Второй класс, наш прочный фундамент, как вы говорите, исчезнет?

— Да, это то, к чему мы стремимся, — генетик почесал кустистую бороду. — Но на сегодняшний день это просто утопия. Гена одаренности не существует…

Подобные занятия нравились Сати больше, если бы преподаватели не противоречили друг другу.

Девушка не сторонилась других студентов, но и не стремилась к общению с ними. И тем не менее дни шли, а она так и не знала: жив Ойтуш или же его сердце больше не бьется под хмурым метропольским небом или где-нибудь еще. Нужно было определить местонахождение его чипа, при помощи той программы, о которой говорил Грейси. Но подходить к президенту с подобными просьбами повторно было бессмысленно, поэтому для начала Сати решила расспросить другого одаренного. Томаса Кэлвина-Смита.

Хоть этот отшельник и жил обособленно, но питаться ходил вместе со всеми. Большой обеденный зал, человек, наверное, на восемьсот, был поистине грандиозным местом. Здесь замшелости просто негде было разгуляться. Вместо длинных столов, как в школьной столовой Сати, здесь были отдельные столики с интерактивным меню на столешницах, три мини-бара, в которых подавали кофе, соки и витаминные коктейли, а подсветка менялась в течение дня, превращая это место днем в уютную кофейню для семейных завтраков, в ближе к вечеру — в ночной клуб.

Максимум света, максимум интерактивности, лишь бы только одаренные не заскучали и не начали задавать лишних вопросов.

***

Томас завтракал в одиночестве. Сати забрала заказ и, как ни в чем не бывало, направилась за его столик.

— Я не помешаю? — спросила она, вторгаясь в его идиллию.

— Привет, истеричка, — Томас усмехнулся своей косой улыбкой. Он хорошо помнил, как наутро после ночного чаепития со снотворным, Сати кидалась в него книжками. На лбу у него до сих пор был след от твердой обложки.

— Ты сам виноват, — Сати принялась за завтрак.

— Сати, тебе просто необходим был здоровый сон, — примирительно сказал Томас. — И потом, ты задавала слишком много вопросов, на которые у меня нет ответов.

— Просто признайся, что это Роланд велел тебе присмотреть за мной.

— Роланд не начальник мне, — Томас едва заметно сжал челюсти. — Все, что я делаю, я делаю по своей инициативе, мелкая.

Сати едва не выронила вилку из рук. Жар, именно тот, что запускает ее регенерацию, поднялся изнутри, словно демон из ада.

— Не называй меня так. Никогда.

С минуту Томас внимательно рассматривал ее исподлобья. Сати решила, что он пытается прочитать ее мысли, и выстроила перед внутренним взором высокую каменную стену.

— Ну что за детский сад? — насмешливо фыркнул тот. — Какой фантастики ты насмотрелась? Думаешь, стена остановит меня?

Сати хотела было обидеться, но вовремя вспомнила, зачем она вообще оказалась за его столиком.

— Сможешь мне помочь? — переходя на доверительный шепот, спросила она.

— А в чем дело? — Томас слегка наклонился к ней.

— Мне нужно отыскать одного человека.

Вместо ответа Томас постучал по виску, дескать, используй “Око”.

— В Метрополе, — уточнила Сати.

Спустя несколько секунд раздумий, парень произнес:

— Кажется, я знаю, о ком ты.

Сати хотела перебить его, но Томас продолжал:

— Твой бывший парень из Второго класса. Да, это он без сомнений — ведь ты так ярко реагируешь на упоминания о нем.

Огромным усилием воли Сати заставила себя не втыкать вилку в его ладонь.

— Он не бывший, — вместо этого сквозь зубы сказала она.

— Как угодно, — глаза Томаса равнодушно блеснули холодным свинцом.

— Так ты поможешь мне?

— Нет.

— Нет? — тупо переспросила Сати.

— Нет, — повторил Томас.

Девушка схватила поднос со стола и собиралась бы уйти, но голос одаренного остановил ее.

— Я не могу. Но я покажу тебе того, кто может.

***

— Он что, преподает?

Сати с удивлением смотрела в окошко классной комнаты. Там за окном, никто иной как Шин стоял у доски, а группа ребят окружила его, словно стайка рыб. Шин выглядел их ровесником.

Невысокого роста со смазливым лицом и косой челкой медного цвета, он напоминал кого угодно — гитариста в школьной рок-группе, кумира девчонок из попсового журнала, восходящую звезду модельного агентства, но только не учителя. И все же, преподавательский бейдж на груди Шина говорил сам за себя.

Томас хмыкнул, заметив изумление на лице Сати.

— Он тот еще чертов гений.

Занятие закончилось, и студенты, один за другим начали лениво покидать класс.

— Привет, дружище, — Томас хлопнул Шина по плечу. — Много девчонок сегодня соблазнил?

Сати глянула в сторону окна и заметила студенток, едва ли не пускающих слюни при виде любимого учителя.

Шин не отреагировал на слова Томаса. С совершенно бесстрастным лицом он подсунул под свои испачканные чернилами пальцы свежий листок бумаги и начал что-то

зарисовывать.

— Какой предмет вы преподаете, мистер Эйлер? — вежливо поинтересовалась Сати, прочитав фамилию у него на бейдже.

— Теоретическую физику, а если точнее — теорию струн, — глядя прямо перед собой ответит тот. — Решила походить на мои занятия?

— Вообще-то нет, — честно призналась Сати.

— Тогда для тебя я просто Шин, — лицо Эйлера вновь ожило и он улыбнулся, глядя на девушку. При этом его рука продолжала рисовать.

Сати заметила, что на Шине не было формы. Он был одет в джинсы с потертостями и свитер, почти скрывающий кончики пальцев. В ее голове практически одновременно возникло два вопроса: “А так можно?” и “Откуда он взял это?”, и на оба из них Томас ответил своим вкрадчивым мягким голосом, звучащим прямо в сознании:

“Шин не от мира сего гораздо больше, чем мы с тобой. Говорят, первое, что он сделал, прибыв сюда: выбил себе разрешение носить старую одежду. Я еще ни разу не видел его в чем-то другом”.

— А что это за теория такая — теория струн? — спросила Сати, с еще большим интересом рассматривая Шина.

— Теория всего, — с улыбкой ответил он и спрятал рисунок в папку, лежащую на столе. — Вам нужна моя помощь, верно?

Сати и Томас переглянулись.

— Роланд сказал, что на Острове есть копия поисковой системы протектория. Благодаря ней, можно отыскать чип любого человека на земном шаре…

— Копия? — брови Эйлера недовольно взлетели вверх. — Оригинал вообще-то. Это я ее создал.

— Вот как? — Сати адресовала удивленный взгляд Тому.

— Только она вам не поможет, — сказал Шин. — Чипа Ойтуша Эвери больше не существует.

Сати буквально задохнулась от услышанного. Слова “Ойтуш Эвери” и “не существует” отказывались помещаться в ее голову именно в том порядке, в котором их произнес Шин.

— Постой, ты уже искал его? — нахмурился Томас. Он с опаской покосился на Сати, чтобы в случае очередной истерики успеть обезоружить ее.

— Да, перед занятием, — ответил Шин, переводя взгляд с одного встревоженного лица на другое. — Я видел, что вы придете ко мне сегодня.

— Видел? — тупо переспросила Сати.

Вместо ответа, Шин залез в тумбочку, и через несколько секунд извлек из нее кипу папок.

— Моя одаренность — это автоматическое рисование, Сати. Интуиты не смогли в свое время объяснить то, что происходит со мной… Но это неважно, ведь теперь у меня есть своя теория.

Каждая из папок была подписана неразборчивым почерком, а внутри хранились сотни листов самой обычной бумаги, исписанной и разрисованной шариковой ручкой.

— Через мой мозг проходит огромный поток информации, — продолжал Шин. — Оперативная память не справляется с ней, и тогда на выручку приходит вот это, — Шин потряс в воздухе ручкой. — Я зарисовываю то, что не могу воспринять осознанно, и иногда на моих рисунках появляются варианты развития событий.

— То есть, будущее? — уточнила Сати. Сказать по-правде, новая информация поступала в ее мозг с огромной задержкой.

— Варианты будущего, а их бесчисленное множество.

— То есть ты не мог знать достоверно, придем мы или нет? — спросил Томас.

— Чем позднее я узнаю о событии, тем больше шансов, что оно произойдет, — заметил Шин. — Вот это я нарисовал примерно неделю назад.

Шин положил перед ними рисунок, и Сати пришлось сесть на ближайший стул, потому что ноги ее моментально сделались ватными. На листе был изображен поезд, грузовой, судя по всему, а в одном из вагонов лежал Ойтуш — Сати узнала его даже в каракулях Шина. Он лежал, а руки его были скрещены на груди, словно у покойника.

Едва заметно Томас положил руку на ее плечо, которую девушка моментально сбросила.

Вариантов трактовки рисунка было немного: Ойтуш умер в

тюрьме, и его тело, вместе с телами других заключенных вывозят на утилизацию. Глаза Сати моментально наполнились жгучими слезами, и она отвернулась, чтобы парни не увидели, как она плачет.

— Минутку, давай смотреть фактам в глаза, — сказал Томас Шину и отодвинул листок подальше. — Как работает глобальный поиск? Настраивается на частоту излучения микропроцессора конкретного человека, так?

— Так, — кивнул Шин, немного расстроившись тем, что его рисунки не стали для них неопровержимым доказательством.

— Если чип гражданина Второго класса отсутствует в базе данных глобального поиска, какова вероятность, что его больше нет в живых?

— Примерно девяносто процентов, — прикинул Шин.

— А остальные десять? — Томас победно усмехнулся. — Его просто могли удалить.

Сати незаметно утерла слезы и подняла на него глаза:

— Это возможно?

— Большинство чипов саморазрушаются при попытке удаления, — заметил Шин. — Мера безопасности протектория.

— Для хирурга с золотыми руками нет ничего невозможного, — сказал Томас, а мысленно добавил, вновь связываясь с сознанием Сати:

“Мы найдем другой способ отыскать его”.

Глава 11

— Почему не сказал, что это ты?

Они снова были в медицинской палатке, теперь уже втроем. Ойтуш сидел на койке, прижимая к затылку охлаждающий пакет.

— Не знаю, — ответил он. — А какое это имеет значения?

— Огромное, — сказал Айзек. — Я бы не стал убивать человека, которому отдал почти литр крови.

Ойтуш недоверчиво посмотрел вначале на него, потом на Тору.

— Как ты думаешь, кто лежал на соседней койке, пока ты приходил в себя? — улыбнувшись человеческой половиной лица, спросил Айзек.

— Но зачем? — удивился Ойтуш. — Я не представляю никакой ценности…

— Ты может быть и нет, но информация в твоей голове практически бесценна для нас, — сказал Айзек.

— Допустим, — Ойтуш решил пока что ничего не анализировать, — Тогда другой вопрос: если ты был моим донором, какого черта ты чуть меня не прикончил?

— Я тебя не узнал, — с легким сожалением пожал плечами Айзек. — Точнее, не думал, что моя кровь поможет тебе так быстро восстановиться. Ты ведь еще пару часов назад валялся под капельницами, слюни пускал…

— Надо было подольше поваляться, — сказал Ойтуш, касаясь головы, которая после удара звенела как колокол. — Не думал, что я похож на шпиона.

— Обычно таких и вербует протекторий, — деловито заметил Айзек. — Задохликов, вроде тебя…

«Ну спасибо, Айзек».

— …с не запоминающимися смазливыми физиономиями, тех, кому нечего терять, — продолжал киборг. Судя по тону, глава сопротивления вовсе не хотел никого обидеть. Просто констатировал факты.

“Нечего терять”, — повторил про себя Ойтуш. — “Если Сати все еще жива… пока Сати жива, мне есть что терять”.

Звуки на станции смолкли; пожар был потушен и старое метро вновь погрузилось в темноту.

— Поспи остаток ночи, — сказал Айзек, внимательно наблюдая за выражением его лица. — Скоро тебе понадобится много сил.

— Тора, — Айзек повернулся к медику, и тот вздрогнул от неожиданности. — Постели ему в вашей с Захри палатке. И не забудь, что у нас завтра планерка, на рассвете, сразу после физподготовки. Вам с братом отчитываться по проекту “Х”.

Поднявшись во весь свой почти двухметровый рост, киборг пружинистым шагом вышел из медбокса.

— Проект “Х”? — поинтересовался Ойтуш.

— Это секретная информация, — предупредил его Тора. — Не могу сказать.

— Не для задохликов? — ухмыльнулся Ойтуш и отложил в сторону совсем уже теплый пакет.

С секунду Тора непонимающе смотрел на него, а потом нервно улыбнулся одной половиной рта.

“Странный тип”, — в очередной раз решил Ойтуш. — “Хотя, при таком-то главнокомандующем…”

Палатка Торы и Захарии выглядела довольно вместительной, но из-за огромного количества электроники, а также всевозможного механического хлама в ней было очень мало места. В углу, прислонившись к безногому роботу-официанту, что были популярны лет двадцать назад, спал ребенок, укутанный в рваное одеяло. На его голове был визор с плотными линзами на оба глаза, подключенный к аккумулятору.

— Этой мой неугомонный брат Захария, — Тора с улыбкой взглянул на мальчишку. — Обучается даже во время сна.

— Он одаренный? — поинтересовался Ойтуш. Захария выглядел не так убого, как остальные жители подземки. Несмотря на прохудившиеся ботинки, которые торчали из под одеяла, его лицо было здорового румяного цвета, а волосы и руки ухоженными.

— Да; он учится в Метропольской школе экстерном, — ответил Тора с гордостью.

— И что, неужели протекторий никогда…

— Захария очень умен. Его несколько раз пытались завербовать в дознавательную группу, но он отказался. Якобы ради ухода за старшим братом-калекой, — грустно усмехнулся Тора. — Он играет так искусно, что служителям протектория никогда не прикопаться к нему. Брат всегда будет на шаг впереди.

Ойтуш еще раз взглянул на спящего ребенка. Он был таким маленьким и слабым… Должно быть, скотина Лидо Ройсс выглядит так же невинно, когда спит.

— Поспишь здесь, хорошо? — Тора кинул на пол спальный мешок с подогревом.

— Да, конечно, — сказал Ойтуш и, спохватившись, добавил. — Спасибо за гостеприимство.

— Не за что. Я бы мог тебя и в медблоке оставить, но у нас там проходной двор, — покачал головой Тора. — Некоторые повадились морфин таскать.

— Бывает, — не задумываясь ответил Ойтуш, с головой забираясь в мешок. Не хотелось ни думать, ни вспоминать, ни анализировать. Просто забыться и на время исчезнуть из мира.

***

Он проснулся среди этой нескончаемой ночи, в очередной раз забыв, где он и что происходит. Торы, а также его подпитываемого аккумуляторами одаренного брата в палатке не было, а значит, в подполье был уже день.

В первую очередь Ойтуш отыскал Айзека, надеясь, что на этот раз тот не попытается его прикончить.

— У меня много вопросов, — негромко, но требовательно сказал Ойтуш.

Айзек в это время сидел возле ангара и с увлечением затачивал свой тесак.

— Я знаю, — тот явно ждал его появления. — Начинай.

— Во-первых, что это за место? Какое-то полицейское государство под землей? Армия, готовящаяся атаковать протекторий? — последний вопрос Ойтуша потонул в шуме абразивного станка, от которого летели искры.

— Мы делаем все, чтобы выжить, — сказал Айзек. — У меня есть команда, а также примкнувшие слои населения, которые наверху называют балластными. Но здесь у каждого есть свое

дело, бездельников не держим.

Ойтуш проводил взглядом группу людей, выбежавших из ангара: поверх черной полицейской формы на них были экзоскелеты с нейроинтерфейсом.

— Откуда вся эта экипировка и оружие?

— Со старых складов, кое-что с довоенных лет, — Айзек придирчиво разглядывал тесак. — Я заядлый коллекционер.

Ойтуш понял, что он многое недоговаривает. Хотя, впрочем, зачем Айзеку делиться с ним информацией? Раз Захария учится в школе Метрополя, значит, здесь есть и другие, ведущие двойную игру. Видный чиновник, финансирующий сопротивление, а может быть даже сам служитель протектория… Ойтуш немного поразмыслил на эту тему и решил, что на самом деле ему интересно совсем другое.

— Это совпадение, что твоя кровь подошла мне? — спросил он.

Айзек оглянулся по сторонам, словно вопрос Ойтуша был не совсем приличным.

— Пойдем-ка прогуляемся, парень, — сказал он, вкладывая оружие в полутораметровые ножны на поясе.

Глава сопротивления повел Ойтуша прочь от станции, прямо в недра заброшенного туннеля, предварительно вновь запустив туда разведывательных дронов.

— Тебе хорошо известно, что переливание несовместимой крови приводит к смерти, — ответил Айзек. — Но в случае со мной, тебе не нужно опасаться. Моя кровь универсальна.

— Не существует универсальной крови, — возразил Ойтуш, вспоминая все то, что он успел узнать за годы своей учебы.

— Мои эритроциты уникальны; они способны изменять свои поверхностные антитела, подстраиваясь под кровь реципиента. К тому же, — продолжал Айзек, — Вещества в моей крови позволили приостановить активность дот-вируса. Дальше твой организм все сделал сам. Как итог: ты выжил и оказался здесь.

— Невероятно, — только и мог сказать Ойтуш. — Ты одаренный?

— Я называю себя человеком вне классов, — сказал киборг. — Моя одаренность — всего лишь гипертрофированный инстинкт

выживания. Никто и никогда не касался моей кожи, чтобы нанести штамп. А что касается будильника — так я его сам извлек. Вот этими вот руками.

— В смысле, чипа? — уточнил Ойтуш, разглядывая микросхемы в черепушке киборга.

— Чип, микропроцессор, мозговой клещ… суть одна, — сказал Айзек. — Звенящий коровий колокольчик, чтобы пастух всегда знал, где его скотина.

Шаги Айзек были поистине огромными, и Ойтушу приходилось почти бежать, чтобы успевать за ним.

— Но я начал поправляться задолго до того, как попал сюда, — вспомнил парень. — Меня ведь поместили в тюрьму живым трупом.

— О, а это заслуга Захарии и его брата, — Айзек оскалился в улыбке. — Они получили доступ к тюремного пищеблоку. В воде, которую ты получал, было противоядие.

— Но зачем все это? Я не понимаю.

Луч фонаря Айзека шарил по стенам подземки, распугивая пауков и других насекомых.

— В тюрьме ты был одни из многих, обреченных на мучительную смерть, — начал Айзек. — За некоторыми мы присматриваем, некоторых спасаем, если можем. После того, как ты начал разговаривать во сне, вопрос о твоем вызволении стал для меня приоритетным.

Айзек зашагал еще быстрее, и у Ойтуша не осталось воздуха в легких, чтобы спросить что-то еще. Они несколько раз сворачивали, поднимались вверх по узким трубам, а затем спускались вниз. Метро уже давно осталось позади, а судя по запаху, Айзек вел его по каким-то канализациям.

— Ты не помнишь об этом, но твой мозг хранит воспоминания об Острове, — глава сопротивления остановился около большого железного люка. — Ты жил там когда-то. Понимаешь теперь, насколько ты ценен нам?

— Жил? — тупо переспросил Ойтуш, но вместо ответа Айзек принялся откручивать ржавый вентиль.

Когда дело было сделано, он распахнул люк, и Ойтуш зажмурился от едкого запаха. Он выжигал глаза, проникал прямо под кожу, заставляя ее неистово чесаться.

— На, возьми, — Айзек протянул ему респиратор. — Не помешает.

По-очереди они спустились вниз.

— Говоришь, в морге работал? — спросил Айзек скользя лучом фонаря по поверхности какого-то озера. — Сейчас проверим твои нервишки.

Это было не просто озеро. Бескрайнее, черное, полное бледных полуразложившихся тел, которым не было конца и края. Они медленно покачивались в маслянистых, как нефть, водах, сталкиваясь и наплывая друг на друга с противным чавкающим звуком. Перед Ойтушем был кислотный утилизатор.

— Сюда ведут стоки со всех городских моргов и тюрем. Когда-то в прошлом веке людей хоронили на кладбищах, но сейчас пригодная земля стала слишком дорогой.

— Вы отсюда меня выловили? — еле слышно спросил Ойтуш, стараясь подавить сильнейший приступ рвоты.

— Да. Ребята думали, что ты погибнешь: слишком сильно наглотался этой дряни, — ответил Айзек, — Но я знал, что ты выживешь.

Ойтуш отвернулся, не в силах смотреть на омерзительные, разъеденные кислотой лица людей.

— Когда ты начал поправляться, тюремщики решили избавиться от тебя, — сказал Айзек. — Они пустили воду, чтобы ты утонул как слепой котенок. Нам пришлось действовать очень быстро.

Но Ойтуш уже не слушал. Дурнота взяла верх, и его желудок готов был опорожниться в любую секунду.

— Я знаю, о чем говорю, — продолжал Айзек. — Потому что сам когда-то был на твоем месте.

Ойтуш сжал кулаки и с изумлением посмотрел ему в лицо.

— Только меня в отличие от тебя никто не спасал. Поэтому и осталось немного.

Механические элементы были вживлены в тело Айзека весьма кустарно. Рука, обе ноги, половина черепа и лица, нижняя часть позвоночника. Интересно, каково это: очнуться в утилизаторе и осознать, что добрая половина твоего тела уничтожена,

превращена в хлюпающий кусок несвежего мяса?

К великому облегчению Ойтуша, Айзек начал подниматься наверх. Хотелось поскорее выбраться из этого дурманящего болота.

— Я бы и рад помочь, Айзек, — сказал Ойтуш, когда под ногами вновь появились рельсы. — Но я мало что помню. Какие-то обрывки, которые вряд ли помогут.

— Я знаю, — кивнул киборг. — Есть один способ вскрыть твои воспоминания.

— Неужели пытки? — с сомнением спросил Ойтуш, покосившись на тесак. Ну а что? Айзек вполне мог быть способен и на такое.

Айзек от души рассмеялся, услышав об этом.

— Нет, но процесс весьма болезненный, — сказал он.

— Иного я и не предполагал, — вздохнул Ойтуш.

Глава 12

На станции по-прежнему пахло гарью. Женщины и дети сворачивали палатки, мужчины ликвидировали остатки пожара.

— Мы что, куда-то уезжаем? — насторожился Ойтуш.

Айзек кивнул.

— Из-за пожара и сработавшей сирены, мы могли обнаружить свое местоположение. Нам надо убираться отсюда, и как можно скорее.

— Но куда?

— На другую станцию. Их много.

Киборг указал на людей в экзоскелетах, что загружали вещи в поезд. А потом, словно забыв о существовании Ойтуша, направился к ангарам.

— Постой! — кинулся к нему парень. — Что мне теперь делать?

“Что мне теперь делать со всем этим знанием?” — хотел было спросить он.

— Можешь помочь остальным, — предложил Айзек. — Ну или не мешайся под ногами.

Он уже почти ушел, волоча на поясе свой гротескный нож, как вдруг вернулся.

— Совсем забыл сказать, — голос Айзека звучал хрипло и низко. — Ты тут не раскисай, понял? Девушка твоя не одобрит.

И без того растревоженное сердце Ойтуша болезненно сжалось.

— Что ты знаешь… — начал было он.

— Она на Острове, — улыбнулся Айзек и добавил, — С вероятностью девяносто процентов.

Глаза Ойтуша полезли из орбит от удивления.

— Потом поговорим, — бросил Айзек. — Когда все будут в безопасности.

И он ушел, оставив Ойтуша с еще большим количеством вопросов, чем раньше. Пытаясь осознать услышанное, он присел на стоящие неподалеку контейнеры.

Как же это получается, что Сати на Острове? Ей что, каким-то образом удалось пробраться на глайдер? И самое главное — откуда Айзеку об этом известно? Так или иначе, хоть известие и

стало шоком, от мысли что Сати жива, Ойтуш будто заново родился.

— А ну-ка подвинься, парень! — пробасил кто-то над самым ухом. Это был тот самый мужчина, который говорил про Нейта. На нем был тонкий экзоскелет, напоминающий по строению соты, а в руках — с десяток тяжеленных контейнеров, которых обычному человеку ни в жизнь было не поднять.

Ойтуш без промедления вскочил с места, позволяя мужчине взвалить на руки еще два. В глаза ему бросились штаны защитной расцветки, что виднелись в отверстиях сот.

— Где вы раздобыли их? — поинтересовался Ойтуш, кивая на камуфляж. После войны протекторий пытался запретить одежду подобных цветов, как и любую другую военную атрибутику. Да и планета долгие годы была не такой уж зеленой, поэтому грязно-зеленые пятнистые штаны и куртки морально устарели.

— Знал бы ты, сколько полезного можно найти на старых свалках, — загадочно ответил тот. — Жаль, что здесь от камуфляжа нет никакого толку: вся зелень только в теплицах, и то бледная, как поганка.

— Вы совсем не выходите на поверхность? — спросил Ойтуш.

— Почему же, выходим, — сказал мужчина, наблюдая, как несколько людей в экзоскелетах демонтируют ангары. — Многие ведут двойную игру… Ты еще не знаком с Захарией?

“Похоже, все тут только о нем и говорят. Местная звезда”, — подумал Ойтуш.

— Видел его, — ответил он уклончиво.

— Побольше бы таких талантов в нашу команду, — бодро сказал мужчина в экзоскелете. Его лицо было здоровым и румяным, рот обрамляли задорные усы-щетки, а свою низкорослость он успешно компенсировал крепким телосложением.

Было очевидно, что “солдаты Айзека” выделялись из общей толпы. Большинство людей в подземке были хилыми, слабыми, больными и хромыми, за исключением тех, кто поставил себе механизированные конечности. А таких, надо сказать, было немало. Вот старик-киборг, чью правую руку заедает при каждом движении, а вот женщина с железной челюстью,

непропорционально большой для ее лица, из-за чего оно похоже на морду гиены. Даже у детей здесь было полно уродливых имплантатов.

— Я так понял, разделение на Первый и Второй класс здесь не действует? — спросил Ойтуш у все еще стоящего рядом солдата.

— Многие дети родились и выросли в метро, — отозвался тот, укладывая контейнеры в ровную стопку. — Почти все из них воспитываются биологическими родителями. Мы заметили, что без искусственного разделения на классы, дети быстрее адаптируются, уважают взрослых и охотно используют их жизненный опыт.

— Звучит нереалистично, — помотал головой Ойтуш, вспоминая все, что повидал в Метрополе.

— Когда-нибудь так будет везде, — мужчина улыбнулся из-под щетинистых усов, и исчез так же неожиданно как и появился, так и не успев представиться. Уже через минуту Ойтуш увидел, как он помогает старикам закидывать пожитки в вагоны.

Интересно, у кого больше шансов занять место под солнцем? У самостоятельных, выросших без родителей граждан Первого класса, успешных в учебе и спорте или же у этих оборванцев, слабых, как упомянутые поганки в теплицах? И те и другие были нашим будущим.

***

Через несколько часов люди начали рассаживаться по вагонам. Из туннеля вернулась целая стайка дронов-разведчиков, и среди солдат пополз тревожный шепоток. Даже Айзек, казалось, нахмурился еще сильнее, чем это было возможно.

Люди набивались в вагоны плотно, словно кирпичи, скрепленные цементом. Никто не толкался и не ворчал, наоборот, каждый стремился, чтобы всем хватило места. Народ сидел на своих баулах, на коленях друг у друга; некоторые из грузовых вагонов были загружены в десятки раз больше меры.

Ойтуш обратил внимание, что Айзек и его команда обосновались в двух последних вагонах, вместе с огромным пулеметом, что был направлен прямо в черноту туннеля. Ойтуш кинул было полный надежды взгляд на главнокомандующего, но его тут же затолкали вместе к женщинам и детям. А чего он еще хотел? Чем задохлик вроде него сможет помочь при внезапной

атаке?

Через несколько вагонов впереди он заметил Тору и Захарию, которые о чем-то переговаривались.

— Что-то страшное надвигается, — сказала та самая пожилая женщина с лицом гиены.

— Что именно? — нахмурился Ойтуш, оказавшийся рядом.

— В трубе много всяких тварей живет, — ответила та, — Да хоть те же беглые аниматусы.

Ойтушу сразу же вспомнился тот аниматус, который участвовал в их с Сати аресте. Казалось, что он не имеет своей воли, беспрекословно подчиняясь протекторию.

— Как действует на них нейронная пушка? — поинтересовался он. Мегафон тоже был тут: ехал в центральном крытом вагоне, под охраной десятка солдат.

— Оглушает, взрывает мозги и глазные яблоки.

“Получается, они похожи на людей”, — подумал Ойтуш, изо всех сил стараясь не представлять картину взорвавшихся глазных яблок. Потом повинуясь странному желанию, Ойтуш спросил у женщины:

— Можно я помогу вам, когда мы приедем?

Он указал на свернутую палатку, что лежала возле ее ног.

— Конечно, сынок, — женщина-киборг улыбнулась одними глазами. — Помощь всем пригодится.

Прозвучала последняя команда, и поезд тронулся. Они ехали очень медленно, все время петляя и останавливаясь, чтобы перевести стрелки. В современном городском метро давно ходили монорельсовые магнитопланы, и Ойтуш не мог вспомнить, чтобы когда-то ему приходилось передвигаться по обычным рельсам. Он чувствовал, как вибрирует потолок над ними: Метрополь продолжал жить своей привычной жизнью, совсем не подозревая, что где-то в недрах земли, горстка повстанцев движется через черноту в поисках нового дома. Или подозревает, но ничего не делает до поры до времени.

Все было тихо. Не звучало команд, не строчил пулемет, дети почти не плакали; лишь громыхали по рельсам колеса, и о чем-то тихо переговаривались люди. Погруженный в свои мысли, Ойтуш то засыпал, то снова просыпался. Периодически по вагону пускали флягу с водой и буханку хлеба, от которой Ойтуш отламывал неохотно, вовсе не чувствуя, что имеет здесь права на

еду.

“Надо будет потом как-то пристроить себя”, — сказать себе Ойтуш. Взгляд его вновь невольно обратился к мужчинам и женщинам в последнем, вооруженном вагоне. Они негромко смеялись над шуткой, которую только что отмочил главнокомандующий.

“Было бы круто быть сейчас там, с ними”.

***

Переезд длился уже около четырех часов с небольшими остановками. Поезд останавливали в расширенных частях метро, чтобы люди могли справить нужду и поразмять ноги.

В тоннеле было темно и тихо; судя по всему, опасность им пока что не грозила.

Прогуливаясь возле вагона во время одной из остановок, Ойтуш заметил сутулую спину Торы.

— Эй, — он окликнул парня. — Не в курсе, долго еще ехать?

— Уже скоро, — неопределенно ответил тот. Неяркий свет фонарей отражался в его больших очках, отчего Тора еще больше походил на глазастое насекомое вроде стрекозы. Ойтуш взглянул на его лицо и на этот раз отчетливо заметил, что мимические мускулы работают лишь на одной его половине.

— Я парализован, — сказал парень, уловив направление его взгляда. — Половина лица не двигается.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросил Ойтуш, чувствуя себя любопытным идиотом.

— Наверняка можно, — ответил тот. — Просто не хочу тратить на себя чье-то время.

— Захария не раз пытался вылечить тебя, верно? — вдруг сказал Ойтуш. — Но все безрезультатно.

— Он говорит, это больше психологическая травма. А, кстати, откуда ты знаешь? — удивился Тора.

— Говорю то, что пришло в голову, — признался Ойтуш. Он и сам не понял, зачем это ляпнул. Но угодил прямо в точку. — С тех пор как я здесь, у меня что-то вроде повышенной интуиции… Не знаю, как объяснить.

— Должно быть, это кровь Айзека, — предположил Тора. — Часть его одаренности передалась тебе вместе с ней.

— Не знал, что так бывает, — удивился Ойтуш.

— Это пройдет, не переживай, — улыбнулся Тора, и очки его вновь блеснули в свете фонарей.

— Придется сдавать свои билеты на Остров, — улыбнулся Ойтуш ему в ответ.

Неожиданно откуда-то из глубины метро донесся звук взрыва. Отдаленный, но ощутимый, отчего стены и пол мелко задрожали. Ойтуш и Тора интуитивно пригнулись, закрывая голову руками: черт знает, крепкие ли здесь потолки.

Вокруг поезда моментально поднялся шум и хаос: народ суетливо начал втискиваться в вагоны.

— А ну всем успокоиться! — донесся громогласный клич Айзека. — А не то я пристрелю нарушителей спокойствия!

Это подействовало: беженцы умолкли и выстроились в очередь.

— Что случилось? — спросил Ойтуш, заняв свое место одним из последних.

— Люди говорят, на станции обвал произошел, — беспокойно ответила старушка-киборг.

— На станции? На станции, с которой мы уехали? — Ойтуш не верил своим ушам. Похоже, смерть в очередной раз миновала его. А заодно и несколько сотен повстанцев.

— На той самой, — сказала женщина.

Поезд тронулся и медленно начал набирать скорость.

— В который раз Нейт всех нас выручил, — пробормотал дедуля в углу вагона и закурил.

А ведь и правда: они все погибли бы, если бы не тот горящий вагон, запущенный неким Нейтом. Вот только какой силой надо обладать, чтобы сделать такое?

“Надо будет узнать у Айзека, что это за добрый друг Нейт”, — подумал Ойтуш, рисуя в своем воображение диковинное существо, живущее в метропольских катакомбах.

***

— А потом протекторий арестовал его за нарушение закона о неприкосновенности, — рассказывала Сати. Она посчитала, что Томас должен знать их с Ойтушем историю, раз уж решил помочь.

— Ну это было неизбежно, — заметил Том, хмуро глядя куда-

то вдаль. После визита к Шину они неторопливо прогуливались вдоль пляжа.

— Это еще не самое плохое, — добавила Сати. — Когда его забрали, он был в терминальной стадии дота.

Томас остановился и посмотрел на нее так, словно засомневался в ее адекватности.

— И ты серьезно веришь, что он еще жив? — на лице Томаса появилась пренебрежительная улыбка. — Протекторианская тюрьма отнюдь не санаторий, Сати. Вряд ли он пошел на поправку.

— Да знаю я, — Сати уже потеряла счет всем разам, когда пыталась убедить себя, что Ойтуша больше нет в живых. — И все же, что-то мне подсказывает…

— Нет, я умываю руки, — присвистнул Томас. — Я думал, мы живого человека ищем.

— Тогда обойдусь без твоей помощи, — Сати ускорила шаг, чтобы оторваться от него.

Но Томас в три огромных скачка догнал ее.

— А здравый смысл тебе ничего не подсказывает? Здесь у тебя есть шанс обо всем забыть, и начать жизнь с нуля. А ты тратишь свою молодость на воспоминания о человеке, которого больше никогда не увидишь.

В чем-то Томас был прав, и Сати понимала это. Он знал, как обстоят дела, и при этом даже не лез в ее голову. Вот это-то и бесило больше всего: очевидный факт, который видят все, кроме тебя.

Невольно Сати вернулась в тот момент, когда их схватили. Ощутила резкую боль в ладони после взрыва инъектора, увидела обезумевшие от отчаяния глаза Ойтуша, перед тем, как ему на голову надели черный мешок, и окровавленную не то улыбку, не то гримасу боли Лидо Ройсса… Здесь, на пляже, с идеально уложенным песком и камнями, под крики чаек, тот день представлялся нелепым кошмаром, приснившимся сто лет назад.

Сати взглянула на лицо Томаса, и поняла, что он видит то же самое. “Ты слишком громко думаешь”, — вспомнилась Сати его фраза. И поделом ему. Пусть знает как все было на самом деле.

— Я возвращаюсь обратно, — сказала Сати, но парень не реагировал. Взгляд Томаса, сосредоточенный и вместе с тем ускользающий, был направлен куда-то вглубь ее лица. Все его

существо как никогда точно передавало сейчас смысл фразы: “Как громом пораженный”.

Так и не дождавшись его реакции, Сати поспешила к скале.

***

Во вторую половину дня уроков не было, поэтому, чтобы отвлечься и впустую не шляться по коридорам, Сати решила посетить спортивную арену.

Арена была открыта круглосуточно и напоминала мини-версию Острова. Здесь были скалы, адаптированные для занятий альпинизмом, несколько бассейнов, имитирующих природные резервуары, спарринг-симуляторы для борьбы и площадка для командных игр. Сати ностальгически вспомнила о своих занятиях кендо — здесь вряд ли найдется толковый инструктор. Да и зачем ей теперь учиться драться, раз, как сказал Томас, ей придется провести на Острове всю свою жизнь.

Людей на арене было немного. Над парой симуляторов горели красные лампочки, еще четверо гоняли мяч. Но внимание Сати привлекла стройная фигурка девушки, которая взбиралась по отвесным выступам скал. Приглядевшись, та узнала в ней Мегани: облаченная в серебристый купальник и шапочку, она ловко преодолевала метр за метром. Добравшись до уступа на высоте около десяти метров от бассейна, Мегани грациозно прыгнула в воду, скрутив в полете техничный винт.

“Ты тоже можешь так попробовать”, — шепнул Сати ее внутренний голос. — “По крайней мере, выживешь, даже если сломаешь шею”.

А Мегани уже плыла к ней, щелкая языком всякий раз, когда ее голова выставлялась из воды. Сати хотела было уйти, но девушка приветливо помахала ей рукой.

— Привет, присоединяйся! — сказала Мегани, оскалившись, словно акула.

— Но у меня нет… — начала было Сати.

— В раздевалке, — Мегани махнула в нужном направлении, — Выбирай любой.

“Почему бы и нет?” — подумала Сати. — “Хотя бы убью время”.

Сати неплохо плавала с детства, но по сравнению с Мегани, она барахталась как котенок, брошенный в воду. Мегани плавала

всевозможными стилями, периодически разгоняясь до огромной скорости, отчего ее тело напоминало дельфинье: блестящее из-за купальника, стремительное и грациозное.

Девушки почти не разговаривали; Мегани была увлечена тренировкой, а Сати пыталась не выглядеть в воде полной дурой. А еще гадала: какая же одаренность позволяет Меге так плавать? Перепонок между пальцами не было, жабр тоже — хотя эти аугментации довольно популярны у тех, кто занимается водными видами спорта, или живет вблизи моря.

Проплавав так почти три часа, они разошлись по своим отсекам.

На следующий день Сати пришла в то же время. Мегани была там, и они снова плавали вместе, молча, без лишних разговоров. Как ни странно, такое времяпрепровождение пришлось Сати по душе.

На третий день Сати, наконец, не выдержала:

— Где ты научилась так плавать? Жила на море?

— Это все дельфины, — туманно ответила Мегани и вновь прищелкнула языком. При этом ее несколько пугающие черные глаза смотрели в одну точку. — Пойдем, познакомлю.

Она повела Сати к другому водоему, что был поменьше. В нем и правда плавали два афалина — и как только раньше Сати их не замечала?

— Ого, какие симпатяги, — с улыбкой сказала Сати, подходя ближе.

Мегани сходила за своей поясной сумкой, в которой оказался ультразвуковой свисток. Затем она сделала несколько отрывистых жестов, сопровождая их командами свистка, и дельфины наперегонки помчались к ней.

— Это Феликс и Хиако, — назвала Мегани имена афалинов. Сати опустила руку в воду и они по очереди поздоровались с ней, тыкаясь мордами в ладонь. Прикосновение к дельфинам было очень приятным, отчего напряжение на лице Сати сменилось искренней улыбкой.

Мегани снова отдала команды, и дельфины устремились на противоположный конец резервуара.

— Я ни разу не видела тебя на занятиях, — заметила Сати, продолжая рассматривать гладкие плавники, что торчали из

воды.

— Да, я хожу на другие, — ответила та, наблюдая за тем, как Хиако тащит тарелку для фризби. — Хотя Исайя говорит, что со следующего года я смогу заниматься вместе со всеми.

— А кто такой Исайя?

— Мой лечащий врач, — ответила Мега. — Сейчас он разрабатывает новую модель глаз для меня. Эти, кстати, тоже он сделал.

Сати насторожилась и внимательно посмотрела на Мегани. Взгляд ее небольших глубоко посаженных черных глаз был пустым. Девушка щелкнула языком и спросила:

— Ты не знаешь? Я слепая.

Вот это и впрямь было неожиданно.

— С ума сойти, — только и могла сказать Сати, вспоминая все “спортивные достижения” Мегани. — Но как ты плаваешь? И ходишь, и вообще…

Собеседница не сдержала довольной улыбки.

— Это сонарное зрение, — сказала она. — Я вижу как дельфины или как летучие мыши. Наверное, поэтому мы с ними так похожи.

— Поэтому ты щелкаешь языком? — догадалась Сати.

— Совершенно верно. Я создаю звуковую волну, которая отражается от предметов и позволяет мне увидеть их.

— Круто, — сказала Сати.

— Я болела раком в раннем детстве, глаза пришлось удалить, чтобы спасти мне жизнь, — добавила Мегани, и восторг Сати вмиг поубавился. Она слышала много таких историй: когда одаренность становится жизненно важной необходимостью, дополняя исчезнувшие функции организма.

— Почему Исайя не поставит тебе имплантаты? — поинтересовалась Сати.

— Он говорит, что тогда я потеряю часть своих свойств, своей сути, — Мегани кинула фризби дельфинам. — Я могу только догадываться, как вы видите мир. Хочешь, покажу фокус?

— Давай.

— Благодаря сонарному зрению, дельфины могут видеть, что находится за стеной или внутри закрытого ящика…

Перегнувшись за борт водоема, девушка вытащила из воды два контейнера.

— Феликс, в котором из них мячик? — спросила Мегани, сопровождая слова отточенными жестами.

Описав небольшой круг, дельфин без колебаний выбрал правый контейнер.

— Они видят не так, как люди, но никогда не ошибаются, — сказала Мегани, пасуя дельфину блестящий надувной мяч.

— То есть ты можешь видеть сквозь стены? — восторженно спросила Сати.

— Я учусь, — уклончиво ответила та с обаятельной улыбкой. Теперь, когда Сати узнала, в чем дело, внешность Мегани больше не раздражала ее.

Во втором контейнере оказалась мелкая рыбешка, которую девушки раздали дельфинам.

— Говорят, сердце способно видеть так же, — заметила Мегани. — В обход преградам и расстоянию.

— В смысле, интуиция? — уточнила Сати.

— Неа, — протянула она с лукавой улыбкой. — Ты знаешь, о чем я.

Сати смутилась, и умыла щеки прохладной водой. Возможно, она и поняла, о чем идет речь, но рассказывать об Ойтуше ей не хотелось.

— Вы с Томасом подружились, да? — неожиданно спросила Мега.

— Вот еще! — Сати вспыхнула. — С чего ты взяла?!

— Он так на тебя смотрит, — неоднозначно ответила та, на что Сати громко фыркнула.

Они болтали еще долго, обсуждая других студентов, как самые обыкновенные, ничем не отличающиеся от остальных девчонки их возраста.

***

После бассейна Мегани отправилась на индивидуальные занятия, а Сати принялась бродить по коридорам. Пролетело уже три недели с момента ее прибытия на Остров, а она так и не составила о нем окончательного мнения. Ее сердце разрывалось между тоской по Ойтушу и жаждой новых впечатлений, которые дарил ей этот мир. “Если бы только Ойтуш был одаренным”, — озвучила Сати свою невозможную сокровенную мысль.

“Ты тратишь свою молодость на воспоминания о человеке, которого больше никогда не увидишь”, — прозвучал в ее голове голос Томаса. Нет, его не было рядом, просто эта фраза четко

отпечаталась на сердце.

Через пятнадцать минут Сати поняла, что забрела не туда. Коридоры были запущенными, кремовый пол местами потрескался, выпуская наружу толстые стебли какого-то растения, а на стенах была плесень и странные темные потеки, напоминающие смолу.

— Где это я? — вслух спросила Сати, оглядываясь по сторонам. Она вспомнила, что несколько раз спустилась по лестнице, а значит, была на несколько этажей ниже зоны, предназначенной для студентов.

Так и есть: подергав дверь в конце коридора, Сати обнаружила, что она защищена электромагнитным замком. Наверняка здесь неподалеку была какая-нибудь лаборатория. Вот было бы любопытно взглянуть на тайные исследования…

В этот момент замок запищал, и дверь резко распахнулась с другой стороны: темнокожая женщина с контейнером для образцов в руках, едва не сбила Сати с ног.

— Вы к профессору Намикаве? — поинтересовалась она, кидая на Сати беглый взгляд.

— Да, да, — на автомате произнесла та, понятия не имея, кто такой Намикава.

Женщина придержала дверь и тут же унеслась прочь. Было бы глупо не воспользоваться такой возможностью: как ни в чем не бывало, Сати просочилась внутрь.

Перед ней была оранжерея. Неухоженная, заросшая, с паутиной на старых оросителях и громоздких лампах. Здесь было влажно и пахло словно в болоте. Медленно Сати пошла вдоль рядов, рассматривая поникшие растения.

“Если это запретная зона, почему за ними никто не ухаживает?” — подумала она.

А вот подпольное растение здесь разгулялось на славу; его корневая система опутывала оранжерею, словно кровеносная система, а стебли по своей толщине были похожи на слоновьи хоботы.

В конце теплицы находилась еще одна дверь: она была плотно увита этой лианой, словно дверь в сказочное жилище какого-нибудь лесного духа. Без всякой надежды Сати приложила

к замку свой стандартный для всех студентов магнитный ключ. И тут, к ее великому изумлению, индикатор поменял цвет с красного на зеленый. Доступ был разрешен.

Глава 13

Дверь, увитая стеблями лианы, с мягким шипением распахнулась. Еще раз оглянувшись, не наблюдают ли за ней, Сати сделала осторожный шаг вперед… и обомлела. Почти все видимое пространство занимало огромное дерево: с извитыми стеблями, с толстыми корнями, произрастающими откуда-то из-под пола, с мелкими ланцетовидными листьями, края которых казались настолько острыми, что о них можно было порезаться. Растение занимало собой все пространство помещения, от пола до потолка. Сати даже захотелось снять обувь, чтобы не топтать живые корни.

“Доступ в архив запрещен для студентов! Приказ президента Грейси”, — деловито произнес голос “Ока” в ее голове. И тут же добавил: “Одно непрочитанное сообщение для Сати Лаллеман”.

— Значит, архив, — медленно повторила Сати, рассматривая стебли, которые ближе к центру дерева становились бледными и жесткими, словно сухожилия какого-то существа.

“Доступ запрещен президентом Грейси! Одно непрочитанное сообщение для…” — “Око” никак не могло определиться с приказом.

“Вот оно, стало быть, как”, — про себя ухмыльнулась девушка. — “Запрет есть, но в прерогативе архива доставить сообщение законному получателю”.

— Отключить “Око”, — велела она, и словно почувствовала, как микропроцессор в ее голове начал остывать, успокаиваясь от гнета непосильной для него задачи.

Честно говоря, растение все больше и больше пугало Сати. Точнее, все меньше и меньше напоминало растение. Упругие, пульсирующие сосуды, которые так и хотелось назвать щупальцами, были совершенно не похожи на те стебли, которые пробивались из-под пола в учебных коридорах. Здесь, в этом засекреченном месте, лиана наконец-то показала свою истинную сущность: не растение и не животное, а что-то среднее. Что-то определенно обладающее интеллектом.

Сати позволила любопытству пересилить страх, и коснулась одного из листочков. В сердце дерева они были маленькими и бледными, словно носили лишь декоративную функцию. В ту же

секунду сеть маленьких и проворных стебельков опутала руку Сати. Панический ужас обуял девушку, и она попыталась освободиться, вырывая пальцы из этой паутины. Некоторые стебли и впрямь оторвались, источая белесую жидкость из мест разрыва, но их место тут же занимали новые побеги. К счастью, чудовищная лиана довольствовалась лишь кистью Сати и не претендовала на все тело.

“Одно непрочитанное сообщение для Сати Лаллеман!” — настойчиво повторило “Око”, вновь включаясь в работу.

“Оно взломало его!” — подумала Сати. — “Значит, именно так это дерево и передает данные”.

Теперь, когда все стало ясно, сопротивляться было глупо. Растение архива подключилось напрямую к сознанию Сати, чтобы донести послание, оставленное для нее кем-то. Вот только кем?

В этот момент все вокруг изменилось. Сати больше не была в архиве; она была на пляже, в жаркий полуденный день, когда солнце достигает своего зенита. Ей даже показалось, что она чувствует тепло, идущее от нагретого песка, но это были всего лишь игры воображения. Вся эта картинка была всего фоном, проекцией, не имеющей ничего общего с реальностью.

— Здравствуй, Сати, — из ниоткуда навстречу ей вышла девушка, немногим старше самой Сати. Ее длинные волосы цвета слоновой кости развевались от несуществующего ветра, а голубые глаза смотрели торжественно и немного грустно. — Меня зовут Саша Лаллеман, и через семь месяцев я стану твоей биологической матерью.

Сати потрясла головой из стороны в сторону. Это был морок, просто морок, чья-то глупая шутка. А девушка между тем продолжала:

— Сейчас четвертое августа две тысячи сто девяносто третьего года. Провидцы предупредили, что мой уход будет несколько раньше, чем я ожидала, и посоветовали сделать запись именно сейчас…

Женщина по имени Саша говорила о своей смерти со спокойным лицом, но ее пальцы нервно теребили маленькую пуговку на платье. Должно быть, она долго готовилась к этой записи, но эмоции все же взяли свое.

— Подарив тебе жизнь, я оставлю этот мир, но будь уверена,

мы сделали все, что смогли.

Сознание Сати зацепилось за слово “мы”, и это ей очень не понравилось.

— Мы собирали твой генотип несколько долгих лет, чтобы в итоге создать совершенство, — губы Саши расползлись в натянутой улыбке. — Все, что есть в тебе, Сати, это квинтэссенция наших надежд и стремлений, плод наших интеллектуальных усилий…

— Отключить “Око”! — скомандовала Сати, не желая больше слушать этот бред. Но программа не подчинилась.

— Ты будешь красавицей, дочка, с сиреневыми волосами и ямочкой на подбородке…

— Запрашиваю экстренное отключение “Ока”! — голос Сати сделался жестким. Если бы она только могла ударить эту женщину…

Команда сработала. Сати перенеслась в архив и тут же обрушилась на колени, словно выдернутая из розетки.

Значит, послание от предков… Значит, Сати не просто одаренная по рождению, а специально созданный экземпляр, “плод интеллектуальных усилий”. Внутри Сати все бурлило от гнева. И зачем она только сунулась в этот архив?

Но этим дело не закончилось. Новый поток информации вновь перенес ее на плавящийся под полуденным солнцем пляж. Вот только Саша Лаллеман была уже другой.

Изможденная и осунувшаяся, она напоминала скелет, обтянутый кожей. Сильно беременный скелет. Ее некогда роскошные волосы заметно поредели, упругая кожа сморщилась, а под опустошенными глазами залегли темные круги.

— Он попытается запретить доступ к этой записи, но я сделаю все зависящее от меня… Ты должна узнать правду, дочка, — Сати вздрогнула от ее надтреснувшего сломленного ночными рыданиями голоса.

— До тебя было еще шесть, — продолжала Саша. — Шесть неудачных экземпляров, шесть детей, родившихся… родившихся со страшными патологиями. Ты седьмая, и ты моя последняя надежда.

Сати больше не пыталась уйти. Похоже, что на этот раз Саша Лаллеман говорила от чистого сердца.

— Здесь, на Острове проводятся страшные эксперименты… —

Саша затравленно огляделась по сторонам, словно была не пляже вовсе, а в маленькой комнате с тяжелыми стенами. — Они пытаются создать… я даже не знаю, как назвать это чудовище…

Неожиданно рядом с Сашей появился маленький ребенок.

— Мама! — крикнул он, и лицо женщины содрогнулась от ужаса.

— Ойтуш, пожалуйста, тише! — Саша взяла ребенка на руки, чтобы успокоить.

“Ойтуш?!” — сердце Сати стремительно выполнило тройное сальто.

— Ты, наверное, удивлена? — на губах Саши дрогнула улыбка. — Мама Ойтуша умерла при родах, оставив ему только имя. Четыре с лишним года мы не могли отправить его на большую землю, ведь для этого требуется разрешение родителей. Мне пришлось усыновить его для формальности, но, похоже, этот ребенок успел ко мне привязаться.

Мальчик посмотрел на Сати, и она поняла, что простого совпадения быть не может. Сильнейшее головокружение заставило ее вновь упасть на пол, да так, что коленки захрустели — наверное, сломались обе чашечки.

— Он улетает уже завтра, — Саша погладила мальчугана по темным вьющимся волосам. — Его память будет изменена, так что об Острове он никогда и не вспомнит. Как и обо мне.

Тошнота, вызванная острым отрицанием реальности, как острым пищевым отравлением, накатывала все сильнее. Сати изо всех сил боролась с ней, но это было бесполезно. Слишком много чудовищной, необработанной информации поступало в ее мозг с каждой новой секундой.

— Возможно, Ойтуш станет одаренным и вернется сюда, — сказала Саша, — Но его генотип не был запрограммирован, а значит, на все воля случая. Как известно, без вмешательства извне даже у одаренных родителей может родиться самый обыкновенный ребенок…

Вдруг лицо Саши вытянулось и побледнело, словно кто-то или что-то отвлекло ее от записи.

— Прощай, дочка, — сказала она, глядя прямо в глаза Сати. — Беги с этого Острова, если сможешь!

Запись окончилась. Пляж медленно растаял, уступив место комнате, заполненной доверху пульсирующими сосудами-стеблями. Сати почти что лежала на полу, но лиана больше не пыталась прикоснуться к ней.

“Надо уходить”, — твердо сказала она себе. — “Если кто-нибудь зайдет сюда…”

Сати решительно отскребла себя от пола и нетвердым шагом направилась вон. Крупные слезы капали ей прямо под ноги и застилали глаза пеленой.

Она должна была вернуться сюда. Это было записано в ее генотипе, словно в каких-нибудь небесных скрижалях. А Ойтуш? Он тоже был здесь, и, возможно, даже видел ее рождение. Как такое вообще может быть?!

Притащив свое обессиленное тело в личный отсек, Сати рухнула на кровать и моментально отключилась.

***

— Готово, — устало сказал Ойтуш, смахивая со лба мокрые волосы.

— Спасибо, Ойтуш, — искренне сказала Оливия, та самая женщина из поезда. — Черт знает сколько бы я провозилась тут одна.

Он только что закончил ставить палатку. Само по себе это дело было несложным: шипастые дуги сами вонзались в пол, изрешеченный следами обстрелов, но вот на то, чтобы выбрать подходящее место поближе к водоочистной системе, наладить вентиляцию и обогрев, несколько раз выпить растворимого кофе с сухарями, ушло около двух часов. Ойтуш понимал, что Оливии просто нужно общение, но он не готов был потратить на нее целый день.

Новая станция еще хранила следы прежней роскоши. Сводчатые потолки были украшены лепниной, а стены — барельефами с изображением славного единения разума человека и машины. Эскалаторы были подорваны, а те, что уцелели — завалены старой техникой и роботами, запечатывая выход наверх навсегда. Сколько еще таких замурованных станций было в глубинах Метрополя? Были ли они в других городах, и есть ли там повстанцы?

Ойтуш задавал себе эти вопросы, уныло дуя на кипяток в

кружке со ржавыми краями. Невдалеке послышался смех: это солдаты Айзека затеяли шуточную потасовку. Ему в глаза бросилась невысокая рыжеволосая девушка, которая умудрялась курить и смеяться одновременно.

— Хочу быть как Карен, когда вырасту, — сказала девочка с механической рукой, которая помогала Оливии мыть посуду.

— Карен? — переспросил Ойтуш.

— Личный состав Айзека — эта наша гордость, — пояснила Оливия, улыбаясь одними глазами. Роботизированная челюсть сильно портила ее лицо, но глаза остались невероятно живыми. — Все дети мечтают быть похожими на них.

— А можно как-то присоединиться к ним? — выпалил Ойтуш прежде, чем успел хорошенько подумать.

Вопреки его прогнозам, Оливия не стала смеяться.

— Если докажешь Айзеку, что ты нужен ему, — сказала она, а затем критически осмотрела Ойтуша с ног до головы. — И наберешь пару килограмм мышечной массы.

Ойтуш давно не видел себя в зеркало, и, наверное, к лучшему. Он чувствовал себя гораздо лучше, чем во время болезни, но все же был еще сильно истощен.

— Что делает личный состав Айзека? — спросил он.

— В основном занимается разведкой, — Оливия вытерла руки о передник, и парень заметил, что на ее кистях не хватает нескольких пальцев. — Ну и, конечно, охраняет нас, простых граждан.

— Тебе, наверное, пора идти? — Оливия невероятно точно угадала его мысли.

— Да, верно, — кивнул Ойтуш. — Спасибо вам.

— Тебе спасибо, — Оливия загадочно подмигнула, но Ойтуш был прав. Она вселила в него большую надежду.

“Доказать Айзеку, что нужен ему”, — повторил про себя Ойтуш. — “Я, может быть, и не нужен, но вот информация, что сокрыта в моей голове...”

Решив так, Ойтуш уверенно направился к ангарам.

С десяток человек в черной полицейской форме с аппетитом уминали пайки. С трудом протиснувшись между двух здоровых парней, Ойтуш оказался лицом к лицу с Айзеком.

— Можно поговорить с тобой? — не очень уверенно спросил он.

— Говори, — как ни в чем не бывало ответил киборг.

Ойтуш оглянулся по сторонам и заметил любопытные недружественные взгляды.

— Наедине, — уточнил он.

Со всех сторон послышалось саркастическое мычание.

— У главнокомандующего от нас нет секретов, — сказала та самая рыжеволосая девушка. — Валяй при всех, новичок.

Ойтуш внимательно посмотрел Айзеку в глаза, и тот, словно угадав цель его визита, сухо произнес.

— Все свободны.

Солдаты недовольно засобирались, а Ойтуш задней мыслью понял, что медленно, но верно наживает себе врагов.

— Я хотел сказать, что готов… — начал было он, но Айзек схватил его за шкирку своей могучей хромированной лапищей и поволок к медицинскому боксу.

— Никто не должен знать, что ты что-то знаешь, — Айзек почти что швырнул его на пол палатки. — До поры до времени.

При помощи ключа, висящего на шее среди всяких амулетов и побрякушек, Айзек открыл ударопрочный стеллаж и вынул оттуда пипетку.

— На, вдохни через нос, — сказал он, протянув ее Ойтушу. — Разбудим твои воспоминания.

Не раздумывая, Ойтуш сделал все, как он велел: зажал один носовой ход, а через другой с силой вдохнул содержимое пипетки. Первое ощущение было отвратительным, словно кто-то двинул тебе по носу твердым тупым предметом. Чувство горячего жжения заполнило носовые пазухи, проникая все выше и выше, пока, наконец, не исчезло, оставив после себя лишь легкую щекотку, как во время насморка.

— Это что, какой-то наркотик? — спросил Ойтуш, глядя на Айзека. Тот стоял рядом и внимательно наблюдал за его реакцией.

— Это насекомые, — наконец ответил главнокомандующий. — Микроскопические кибернезированные жучки, которые в течение нескольких дней должны активизировать дремлющие участки твоей долговременной памяти…

— Жучки?! — Ойтуш почувствовал, как ему становится плохо.

— Да, они теперь в твоем мозге.

— Вот дьявол! — Ойтуш схватился за голову.

— Должен тебе признаться, что этот препарат еще не тестировался на людях, — без всякого чувства вины сказал Айзек. — Но ты случай особенный, и я решил пойти на риск…

Ойтуш уже ничему не удивлялся. Ему казалось, что он чувствует, как внутри его черепной коробки начинают копошиться маленькие въедливые создания.

— Ты не должен их чувствовать… я так полагаю, — задумчиво ответил Айзек, запирая стеллаж на ключ.

Ойтуш был на грани панической атаки. Мало того что этот хрен запустил в него насекомых, так еще и не апробированных на людях.

Айзек заметил панику в его глазах и разочарованно причмокнул губами:

— Так, так. А ты слабоват оказался. Так я и думал, что задохлик.

Его слова больно задели Ойтуша, но он не подал вида.

— Ты ведь ко мне по другой причине пришел, верно? — продолжал Айзек. — Хотел заделаться в солдаты.

Он был прав, на все сто прав. Именно об этом думал Ойтуш с самого первого дня в подземке.

— Ну и, скажи на милость: зачем мне нужен такой сопляк вроде тебя? — пружинистыми шагами главнокомандующий прогуливался по палатке, едва не касаясь головой брезентового потолка. — Держись подальше от моей команды, а если действительно хочешь помочь сопротивлению, то найти старуху по имени Кайла, она научится тебя мастерски унавоживать грядки.

Ну уж нет. Вначале трупы разделывать, а теперь еще и грядки унавоживать? Обойдется.

— Я не отстану от тебя, пока не возьмешь меня в личный состав, — твердо сказал Ойтуш. Волнение в черепной коробке улеглось, и он вновь ощутил свою прежнюю решительность.

Айзек заржал так оглушительно, что стеллажи заходили ходуном.

— А это даже забавно, — наконец сказал он. В этот момент в палатку вошел Тора и, увидев происходящую картину, остановился как вкопанный.

— О, я придумал тебе задание, — Айзек в предвкушении потер ладони. — Поедешь с братьями навестить Нейта.

— Нейта? — такого поворота Ойтуш не ожидал.

— Его самого, — Айзек кивнул. — Тора и Захри знают, что делать, а ты просто составишь им компанию. Если не обделаешься от страха, возможно, я и передумаю.

— А кто этот Нейт? — спросил Ойтуш, изо всех сил стараясь, чтобы его вопрос прозвучал обыденно.

— Кто, кто… гробик на колесиках, вот кто, — отозвался Айзек, выходя из палатки. — В нем еще меньше человека, чем во мне.

***

Ойтуш остался ждать приговора в медицинской палатке. Он то и дело прислушивался к себе, пытаясь понять, вспомнил ли он что-то. Но смутные воспоминания о пляже и девушке были все такими же размытыми и обрывистыми.

Примерно через час в медблок вошли двое. Это были Захария и Тора, одетые в комплекты черной полицейской формы. В руках у них были штурмовые винтовки.

— Настоящая? — не удержался Ойтуш, кивнув на оружие в руках младшего из братьев.

Уж слишком комично он выглядел во всем этом прикиде, словно на маскарад собрался.

— Захария Матиас, — представился мальчик, проигнорировав замечание Ойтуша. На миг в его глазах мелькнуло что-то жесткое, остро напомнившее Лидо, но уже в следующую секунду одаренный искренне улыбнулся. — Рад наконец познакомиться с тобой, Ойтуш.

— И я, — Ойтуш крепко пожал протянутую ладонь.

— Стрелять умеешь? — спросил Тора, протягивая ему карабин.

— А придется? — нервно усмехнулся Ойтуш. Он все еще не верил, что Айзек отправил его в кишащий аниматусами и всякой нечистью туннель в компании двух детей.

— Не исключено, — расплывчато ответил Тора. — Нейт обычно околачивается на малиновой ветке; там сравнительно безопасно, но труба она и есть труба.

— Мы поедем втроем? — спросил Ойтуш.

— Да, под контролем дронов-разведчиков, — Захария легко коснулся визора на своей голове. — Они уже там, собирают информацию.

На путях их ожидало чудное транспортное средство: джип,

поставленный на рельсы.

— Автодрезина для небольших вылазок, — пояснил Тора.

Он надел экзоскелет и перенес в кузов несколько увесистых коробок, а также пулемет. Ойтуш обратил внимание на то, как уверенно Тора двигается в этом вспомогательном костюме, словно всю жизнь в нем ходил. Куда-то исчезла привычная неуверенная сутулость, а движения стали легкими и плавными.

“Вот бы и мне такой же”, — с завистью подумал Ойтуш.

Тора занял водительское сидение, Захария пассажирское, а Ойтушу было велено устроиться рядом с пулеметом, чему он был, в принципе, рад. Стрелять он умел лишь в теории, бегло полученной от Торы, но ему было спокойнее смотреть назад, в черноту бесконечного туннеля, чем сидеть, ощущая, как эта самая чернота дышит ему в затылок.

— Не волнуйся, Ойтуш, — с добродушной улыбкой сказал Захария, — Я увижу угрозу задолго до появления.

— Вся надежда на тебя, — невесело усмехнулся Ойтуш.

Какое-то время они ехали молча. Ойтуш не задавал вопросов ни о Нейте, ни о малиновой ветке. Каждый из троих был сосредоточен и погружен в свои мысли.

— Почему ты поехал с нами? — наконец нарушил тишину Захария.

— Айзек велел, — на автомате ответил Ойтуш.

— Но инициатива исходила от тебя, — Захария обернулся к нему, не снимая визора. — Ты хочешь помочь сопротивлению.

— А кто не хочет? — пожал плечами Ойтуш. Ему было неприятно, что этот тип вдруг заговорил о нем.

— Тогда начни доверять нам, — Захария улыбнулся. Улыбка его была настоящая обезоруживающая, на что Ойтуш ответил:

— Считай, что уже.

— Тише! — строго сказал Тора, замедляясь.

— Все спокойно, — тут же доложил его брат. — Всего лишь эхо Метрополя.

Джип снова принялся набирать скорость. Следующие минут двадцать они ехали молча, наблюдая, как появляется и исчезает очередной отрезок пути, освещенный светом фар.

Ойтуш уже начал засыпать, убаюканный гулом двигателя, когда сидящий неподвижно, словно статуя, Захария вдруг ожил.

— А вот и он, — сказал мальчик, поправляя очки на голове. — В двух километрах от нас.

Ойтуш встрепенулся, ощущая как прежняя тревога возвращается к нему с новой силой.

Тора начал тормозить. Остановившись полностью, он заглушил мотор. Все трое замерли на своих местах не шевелясь.

— Он начал двигаться, — доложил Захария. — Едет навстречу нам, полтора километра.

«Едет? Он тоже передвигается по рельсам?» — подумал Ойтуш.

Где-то в глубине подземки зародился ритмичный механический звук, который поспешил уловить мучительно обостренный слух Ойтуша.

— Один километр, — сказал Захария. Тора вышел из машины и вскинул винтовку. Ойтуш хотел последовать его примеру, но тот жестом велел ему оставаться на месте.

— Это может быть ловушкой, — произнес Тора, не опуская прицел.

— Пятьсот метров, — голос Захарии понизился до шепота.

Мороз пробежал по коже Ойтуша. Лязг железа был все ближе и ближе, и его руки сами собой сжались на лежащем на коленях оружии.

— Двести метров, — мальчик снял визор с головы и, затаив дыхание, принялся всматриваться туда, где кончался освещенный фарами участок.

Стук начал замедляться. Ойтуш догадался, что Нейт тоже передвигался на дрезине, судя по всему, с ручным приводом. Еще через минуту терпкий запах дыма ударил в нос, а позже на свет выкатился и он сам…

Глава 14

— Двести метров, — Захария снял с головы визор и, затаив дыхание, принялся всматриваться туда, где кончался освещенный фарами участок.

Стук начал замедляться. Ойтуш догадался, что Нейт тоже передвигался на дрезине, судя по всему, с ручным приводом. Еще через минуту терпкий запах дыма ударил в нос, а позже на свет выкатился и он сам.

При виде этого чудовища, Ойтуш едва не начал стрелять. Голова Нейта напоминала прошлогоднюю картофелину: она была землистого цвета, вся покрытая наростами и грубыми шрамами, на глазах были непроницаемые выпуклые очки, а в расщелине, служившей ртом — дымящаяся сигарета. Мускулистые руки лежали на рукоятке трехколесной дрезины, а вместо ног были две культи, закрепленные при помощи ремней на небольшой платформе.

— Рад видеть, малышня, — слова давались Нейту с трудом, должно быть, сказывалось хроническое заболевание легких, если, конечно, они были биологическими. — Как всегда ожидаете подставы?

— Есть разговор, Нейт, — сказал Тора, медленно опуская автомат.

— Конечно есть, — ответил тот. — Иначе зачем бы вам покидать свое новое уютное гнездышко?

— Откуда ты узнал про обвал на станции? — спросил Тора, но существо, именуемое Нейтом, больше не обращало на него внимание. Его больше заинтересовал Ойтуш, стремительно бледнеющий от всей сложившейся ситуации. «Хоть бы предупредили, что этот их Нейт — такая образина», — думал он, стараясь не рассматривать конвульсивно дергающиеся культи.

Рюкзак за спиной Нейта зашевелился, и из него выползли две длинные телескопические клешни. Извиваясь и клацая, они устремились к Ойтушу, изучая его своими глазками-видеокамерами.

— Почему не знакомите с новеньким? — хрипло спросил Нейт, дымя сигаретой.

— Это Ойтуш, — запоздало ответил Тора. — Он в команде

Айзека.

— Передавай привет главнокомандующему, — сказал Нейт, явно обращаясь к Ойтушу. — Мы с ним одного поля ягоды.

Спруты, тянущиеся из его спины, обвивали Ойтуша почти целиком, но в этот раз он раскисать не собирался.

— Вас что, на одном заводе собирали? — стиснув зубы, произнес он, приходя в изумление от собственной наглости

Тора посмотрел на него, как на умалишенного, однако Нейт вовсе не рассердился на колкое замечание Ойтуша. От души рассмеявшись, он убрал щупальца подальше.

— Можно и так сказать. Попали в руки одних и тех же пластических хирургов, — продолжал он, пуская изо рта кольца дыма. — Он еще не рассказывал тебе, каково это, когда живьем сдирают шкуру? Когда собственный мозг подают тебе на блюдечке?

— Нет, как-то не доводилось общаться на эту тему, — сказал Ойтуш, наблюдая, как одно из щупалец задержалось над самым большим контейнером в салоне джипа. Нейт усмехнулся и спрятал свои вспомогательные конечности обратно в рюкзак.

— Так что с обвалом, Нейт? — повторил Тора. — Я жду ответа.

— Вначале плата, потом разговоры, — неторопливо произнес Нейт, тоном человека, полностью контролирующего ситуацию. — Будет валюта — будут вам и слухи подземки.

На секунду Ойтушу показалось, что сейчас Тора отдаст его Нейту в качестве платы за информацию, но тот отложил оружие, и принялся выгружать увесистые коробки.

— Вот, — сказал он. — Все, что есть. Протеин, кофе и сигареты. Хватит на несколько месяцев.

— Маловато будет, — недовольно покачал Нейт своей головой-картофелиной.

— Так и скажи, что ничего не знаешь, — Тора начал сердится.

— Уж побольше вашего, — хрипло ответил тот. — Вы как кроты — хорошо умеете копать себе норы, но в упор не замечаете, что среди вас завелся шпион.

— Шпион? — недоверчиво переспросил Тора.

— Обвал не был случайностью. В несущих конструкциях станции были заложены взрывные устройства с таймером обратного отсчета. Если бы вы вовремя не снялись с места, вас завалило уже следующей ночью, — Нейт затушил сигарету и

сразу же полез в новую пачку за свежей.

— Ничего не понимаю, — Тора в надежде оглянулся на Захарию. — Кто мог провернуть это?

— Тот, у кого есть доступ к вашим экзоскелетам, — сказал Нейт. — Прошуршите весь ваш личный состав и вы найдете крысеныша.

— А откуда тебе было известно про взрывчатку? — подал голос Захария.

— Так уж и быть, признаюсь, что присматриваю иногда за вашим детским садом, — с выражением лица пойманного на месте преступления человека, развел руками Нейт.

Захария нахмурился и заерзал на сиденье.

— Мои волшебные глаза видят все. Хочешь посмотреть на них поближе? — оскалив зубы в кривой улыбке, Нейт слегка оттянул непроницаемые очки.

— Нет, — быстро ответил Захария. Ойтуш тоже не стал рассматривать, но то, что у Нейта не было век, не смогло укрыться от его внимания. Он и впрямь был очень и очень странным существом.

— К тому же мои друзья помогают мне видеть то, что обычно очень хорошо спрятано, — из рюкзака Нейта снова показались спруты, но на этот раз не два, а целых десять. Все до одного они устремились к самой крупной из коробок.

Ойтуш кинул недоумевающий взгляд на Тору, но тот был обескуражен не меньше его самого.

— Вы даже не подозреваете, что все это время с вами ехал безбилетник, — ухмыльнулся Нейт и постучал одним из щупалец по крышке. — Тук-тук.

Мир для Ойтуша перевернулся вверх ногами, когда из коробки, словно из праздничного торта, выскочила маленькая девочка. Нарушив давящую тишину подземки победным кличем, она залилась веселым смехом.

— Ты — Уна? Уна Ортега? — спросил побледневший Захария. На братьев было больно смотреть: а как иначе могли выглядеть элитные солдаты, прозевавшие зайца у себя под носом?

— Ага, — кивнула она, глазея по сторонам. На вид девочке было около шести: она была миниатюрная, что позволило ей легко и незаметно спрятаться в коробку. На голове Уны были пучки из волос, напоминающие локаторы, а на шее красовалось с десяток немыслимых украшений из металлолома.

— Какого черта ты здесь забыла? — голос Захарии моментально поменялся, сделавшись жестким и властным.

— Я очень-очень хотела увидеть Нейта, — сказала Уна, молитвенно складывая руки. — Ты ведь не убьешь меня, правда, Захри?

— Ну вообще я могу, — начал было мальчик, но Уна больше не обращала на него внимания.

— Ого, вот это да, — разинув рот, она во все глаза рассматривала киборга, отчего тот даже перестал дымить сигаретой.

Ойтуш не мог понять, кто забавляет его больше: источающий ледяную ненависть Захария, впавший в ступор Тора или же грозный информатор подземки, который с перекошенным лицом наблюдал за всем этим хаосом, вторгшимся в его мрачные владения.

— Ну что, посмотрела? — сказал Нейт, напустив на себя самый грозный вид. — Теперь мне придется тебя съесть.

Реакция Уны была ожидаемой: взвизгнув от восторга, девочка принялась нарезать круги вокруг Нейта, пытаясь ухватить его за щупальца.

— Садись в машину, Ортега. Мы уезжаем, — приказал Тора, на всякий случай тыкая ей в спину дулом автомата.

В голове Ойтуша мелькнула мысль, что за такое поведение в Метрополе его казнили бы на месте. Ни один гражданин Второго класса, за исключением служителей протектория, не имел права приказывать детям, а уж тем более — угрожать оружием. Какие бы безумства они ни творили.

Мигом погрустнев, Уна взгромоздилась на заднее сиденье рядом с Ойтушем. Он обратил внимание на лохмотья, в которые была одета девочка, и пришел к выводу о том, что она, как и большинство детей, родилась и выросла в старом метрополитене.

— А тебе не страшно было ехать неизвестно куда? — спросил Ойтуш. — Даже у меня поджилки тряслись.

— Все потому, что ты новичок, — тоном знатока ответила Уна. — А я уже второй год в трубе. Вот только на задания меня пока что не берут.

С самооценкой у нее явно было все в порядке.

— В пять лет эта шельма сбежала из Бруствера вместе с цыганами, — негромко пояснил Захария. — Несколько месяцев

пряталась от полиции в метропольских канализациях, питаясь отбросами. Потом ее занесло сюда, но и здесь она никак не уймется.

— Она одаренная? — спросил Ойтуш, украдкой разглядывая девочку, которая принялась разбирать и собирать какую-то ржавую головоломку.

— Живучая — да, насчет остального не знаю, — ответил Захария, глядя, как брат о чем-то тихо разговаривает с Нейтом. — Здесь это не так уж и важно.

— Как же твои дроны не заметили ее? — не без доли ехидства поинтересовался Ойтуш.

— Я был полностью поглощен туннелем, — Захария покачал головой, сделавшись сейчас очень похожим на своего старшего брата. — И пропустил то, что было у меня под носом.

— А что насчет шпиона? — продолжал Ойтуш. — Есть варианты?

— А это мы обсудим с Айзеком, — строго сказал Тора, садясь за руль. — Операция окончена, возвращаемся.

***

— Обратно поедем через кольцевую, — сказал Тора, набирая скорость, — Нейт сказал, что на малиновой опять миграция крыс.

— Да, у меня та же картинка, — отозвался Захария, поглощенный трехмерным наблюдением.

Вскоре Нейт в едких клубах дыма остался далеко позади, а Ойтуш сделал вывод о том, что не так страшен черт, как его малюют.

— Кольцевая — это круть крутейшая! — обрадовалась Уна и принялась болтать ногами в воздухе. Ей еще попкорна не хватало.

— Если кто-то сейчас же не заткнется — полезет обратно в коробку! — рассердился Захария.

— “Паалезет обраатно в каааробку”, — передразнила его девочка. — Хватит тут командовать, Захри! Ты не у себя в школе.

Щеки Захарии мигом вспыхнули, а в больших голубых глазах мелькнул ледяной огонек.

“Еще немного, и он ударит ее”, — подумал Ойтуш.

— Уна, пожалуйста, успокойся, — продолжая смотреть на дорогу, сказал Тора. — Туннель — небезопасное место, ты же знаешь.

— Хорошо, Тора, — на удивление быстро согласилась Уна, вновь принимаясь за свою головоломку. В следующие полчаса она сидела очень тихо.

Джип снова стремительно несся сквозь туннель, окутанный пучком света от фар.

— Почему ты послушалась Тору? — Ойтуш просто обязан был утолить свое любопытство.

— Мне не нравится Захария. Он слишком много о себе думает, — прошептала Уна ему на ухо. — И потом, Тора старше, а старших надо уважать.

— Ты серьезно? — удивился Ойтуш. — Кто сказал это тебе?

— Так Айзек говорит, — совершенно серьезно сказала девочка.

Уважать старших и более опытных — естественное стремление человека, которое тем не менее столетиями вытравливалось из умов граждан методами протектория. Главной ценностью в обществе всегда считалась одаренность, но одаренность не научит читать и писать, разводить огонь и строить жилище. Без опыта поколений, без его памяти путь человечества лежит в никуда. Айзек понимает это, поэтому и закладывает в молодые мозги правильные мысли, а не ложные идеалы, навязанные непонятно кем.

Обстановка на обратном пути была не столь напряженная, во многом благодаря появлению Уны. Вот только мысль о шпионе не покидала Захарию, Тору и Ойтуша. Наверняка братья уже выстроили свою иерархию кандидатов, и Ойтуш очень надеялся, что не был в их числе.

— Смотрите, мальчик! — вдруг крикнула Уна, указывая вперед. Встрепенулся начавший засыпать Ойтуш, Тора экстренно начал тормозить, а Захария вцепился в свой визор, словно в спасательный круг. Уна была права: по рельсам навстречу к ним сбивчивым шагом шла фигурка ребенка. Это было настолько нелепо и неуместно здесь, как если бы Нейт вдруг догнал их и предложил выпить по чашке кофе с кексом.

— Откуда он взялся здесь?! Захария, какого черта? — Тора был очень рассержен.

— Сам посмотри, брат. Я вижу только пустой туннель, — сдержанно ответил Захария. — Возможно, кто-то или что-то блокирует передачу…

Договорить он не успел. Дрезина остановилась в двух метрах от ребенка. В этот момент, непонятно почему, сердце Ойтуша вдруг начало колотиться с такой силой, словно перед ними неожиданно выросла толпа взбесившихся аниматусов.

— Кто ты? — крикнул Тора, наводя на мальчишку прицел автомата.

Ответа не было.

— Говори, иначе я буду стрелять!

— Тора, пожалуйста! — взмолилась Уна. — Это же просто ребенок.

Она попыталась вылезти из машины, но Ойтуш остановил ее.

— Я потерялся, — сквозь слезы сказал мальчик. — Пожалуйста, помогите мне!

«Стреляй! Стреляй!» — чуть было не завопил Ойтуш, когда фигурка двинулась в сторону джипа. В свете фар он выглядел совершенно обыкновенным местным ребенком, на которых Ойтуш уже успел насмотреться в подземке. Те же грязные лохмотья, та же бледная, не видевшая солнца кожа. Но почему тогда обострившееся чутье Ойтуша так неистово вопило об опасности?

— Как ты здесь оказался, да еще и без фонаря? — Тора подошел ближе, но винтовки не опустил. — Ты в трех станциях от нашей.

— Мы запускали светлячков, — всхлипнул тот. — Мой погас, и я пошел искать его. А потом стало так темно… я забыл в какую сторону идти.

— Вполне правдоподобно, — заметил Захария, и пояснил специально для Ойтуша. — Это сигнальные ракеты старого образца. Заряд держат из рук вон плохо, но дети их обожают.

— Ладно, садись в машину, — Тора опустил автомат, решив, что мальчик не представляет опасности.

Интуиция Ойтуша кричала во все горло, но, не найдя аргументов против, он лишь подвинулся, уступая место. Скорее всего, он просто был на грани нервного истощения.

— Еще один взявшийся ниоткуда ребенок, — со вздохом констатировал Тора и завел двигатель.

Вскоре очередная брошенная станция оказалась позади. Окончание первой вылазки было совсем не за горами.

— Как можно забыть, в какую сторону идешь? Тут всего два

варианта, — шепнул Ойтуш Захарии.

— Очень просто, — отозвался тот. — Тоннель на всех действует по-разному; темнота давит, сбивает с мысли. Случай с этим парнем далеко не первый.

Ойтуш решил, что совершенно не горит желанием проверить себя на прочность, и поклялся в первую же очередь раздобыть для себя личный фонарик.

— Ты Ойтуш, да? — неожиданно спросил мальчик.

— Откуда ты знаешь? — насторожился Ойтуш, внимательно глядя в его распухшие от слез глаза.

— Ну, новичков ведь всегда обсуждают, — сказал мальчишка, словно ему пришлось объяснять элементарный факт.

— Меня зовут Уна, — важно представилась Ортега, болтая ногами — А тебя?

— Джимми.

— Джимми, Джимми… — девочка, о чем-то задумалась. — Я тебя не помню.

Ойтуш насторожился. Уж кто-то, а такие проныры, как Уна обычно знают все обо всех.

— Что-то не так с разведывательными дронами, — вдруг сказал Захария. — Они словно летают по кругу, показывая мне одно и то же.

— Что? — удивился Тора. — Ладно, почти приехали уже. От тебя сегодня никакой пользы, Захри.

— А как твоих друзей зовут? — продолжала спрашивать мальчика Уна.

— Каких друзей?

— С которыми светляков запускал.

— Ааа… Кажется Золин и Трой, мы недавно познакомились, — без особой уверенности ответил пацан, а Ойтуш вознес хвалу их безбилетному следователю в юбке. Не только он что-то заподозрил.

— Первый раз о них слышу, Джимми, — сказала Уна. — Мы с тобой точно на одной планете живем?

Все. Нервы Ойтуша зазвенели словно струны.

— Останови машину, — жестко сказал он Торе. — Это шпион.

Без лишних слов Тора вдавил педаль в пол. Тормозной путь по рельсам занял еще метра три.

— Выходи, живо! — рявкнул Ойтуш насмерть перепуганному Джимми.

Захария пытался что-то сказать ему, но в голове Ойтуша пульсировала лишь одна мысль, заглушая все звуки вокруг: Джимми был не тем, за кого себя выдавал.

— Положи руки за голову и медленно выходи из машины, — уперев автомат в грудь ребенка, уже спокойнее произнес Ойтуш. Он не знал, что нужно делать, просто доверился внутреннему голосу, который хладнокровно отдавал ему приказы.

Спотыкаясь и глотая слёзы, мальчик вылез из джипа, продолжая держать руки на затылке.

— Ты ошибаешься, Ойтуш, — сказал Тора. — Это ребенок из поселения.

— Не думаю, — спокойно ответил тот, дулом автомата продолжая направлять Джимми.

— Мне придется обезоружить тебя! — сказал Тора, вскидывая винтовку.

— Как угодно, — согласился Ойтуш. — Но сначала дай мне обыскать его.

— Я н-ни в чем не виноват… мы просто баловались с друзьями, я больше никогда так н-не буду, — Джимми трясло от страха; его лицо было сырым от слез, а на штанах образовалось мокрое пятно.

Уна тихо заплакала, решив, что Ойтуш слетел с катушек.

Если Джимми был шпионом, нельзя было просто пристрелить его. Необходимо было вытрясти из него всю информацию, а затем отдать на суд Айзеку.

— Стой и не шевелись, — велел Ойтуш, обыскивая его.

— Безумие какое-то, — в сердцах сказал Тора, сплевывая на землю.

Ойтуш знал, что не может ошибаться. «Ищи, ищи, ищи», — велело чутье столь авторитарно, что руки сами скользили по одежде мальчика, ища хоть что-то необычное. И «необычное» действительно нашлось.

Тонкая бороздка на виске. Нет, не просто шрам. Такая отметина остается лишь после вживления чипа.

В ту же секунду Ойтуш почувствовал, что Джимми перестал дрожать.

В следующее мгновение рука мальчика вместе с коротким

лезвием ножа метнулась к кадыку Ойтуша. Тот отступил всего на полсантиметра и инстинктивно нажал на курок.

Раздался выстрел, и Джимми отшатнулся, прижимая руку к животу. На его грязно-серой рубашке стремительно увеличивалось багровое пятно.

Уна вскрикнула и потеряла сознание.

Тора продолжал стоять как вкопанный, а вот Захария не растерялся. Без колебаний он сделал еще один выстрел в голову мальчишки.

Взрыв микропроцессора разнес череп словно спелый арбуз.

— Протекторий всегда чипирует лазутчиков, сколько бы лет им ни было. Будем надеяться, что нас не успели отследить, — ледяным тоном сказал Захария, и добавил, косясь на Ойтуша, — А ты молодец. Совсем неплохо для первого задания.

Глава 15

Несколько дней подряд Сати не хотела ни с кем общаться. Послание от ее матери и известие об Ойтуше оказалось вынести труднее, чем она ожидала. Чтобы как-то отвлечься, она начала посещать уроки по самообороне, вместо надоевшего плавания. Здесь ее одаренности было где разгуляться, ведь не проходило и дня без того, чтобы Сати не сломала себе что-нибудь. Она уже научилась узнавать этот хруст, эту ослепляющую боль, которая длилась всего несколько секунд. А потом начиналась регенерация тканей.

Это тоже была боль, но другого рода. Тянущая, мучительно-долгая, но проходящая бесследно, как и все ее травмы.

Томас заметил, что Сати стала держаться особняком: в столовой она обедала одна, с занятий выходила самая последняя и со скучающим лицом. Она перестала задавать вопросов учителям: они ведь все равно не ответят, что за эксперименты проводят на Острове. Возможно, они и сами не знают.

— Что-то ты совсем скисла, — Томас догнал ее после занятия по физике. На нем был халат, который носили на кафедре генетики, аккуратно застегнутый на все пуговицы. — Пойдем-ка, прогуляемся.

Сати не стала сопротивляться, просто позволила утащить себя на пляж. Дело было после полудня, и они брели по песку и округлым камням, отбрасывающим длинные тени.

— Ты когда-нибудь бывал в архиве? — осторожно начала Сати. Она не могла, просто не могла не поделиться с кем-то хотя бы кусочком своей истории.

— Так. Все понятно, — Томас улыбнулся уголком рта, и от этого на одной его щеке появилась ямочка.

— Это было законно, если что, — Сати поняла, что он уже “прочитал” обо всех ее похождениях. — “Око” едва не крякнулось, когда узнало, что для меня там есть послание.

— Не таратoрь, пожалуйста, — Томас затряс головой, словно в преддверии нервного тика. — Просто дай мне увидеть все самому.

Сати на секунду представила себя на его месте. Как, должно

быть, интересно увидеть события глазами другого человека, словно пройтись след в след по отпечаткам ног на идеально ровной поверхности, не разрушая гармонии. И увидеть то, что другим недоступно.

— Что это за растение, там, в оранжерее? — спросила Сати, когда глаза Томаса наполнились пониманием.

— Это и есть архив. Лиана — это гигантский компьютер, масштабная сеть, которая опутывает все: учебные и жилые корпуса, обеденный зал… Все, что есть внутри скалы.

Томас и Сати давно миновали знакомый отрезок пляжа, и теперь брели к небольшой бухте, обособленной с одной из сторон отвесными скалистыми хребтами.

— Кто создал эту лиану? — спросила Сати.

— Никто, — Томас покачал головой. — Я не нашел информации об этом, стало быть, это она существовала здесь всегда, еще до первых поселенцев. Кстати, тебе известно, что внутри Острова находится естественный атомный реактор?

— Функционирующий? — удивилась Сати.

— Ага, — кивнул Том, — Многие считают, что растение здесь для того, чтобы нейтрализовать его воздействие на людей своего рода барьер.

— А ты как считаешь? — спросила Сати, и оглянулась. Они удалились уже очень и очень далеко от скалы.

— Я считаю, что при всех наших возможностях, мы тратим на изучение окружающего мира ничтожно мало сил, — Томас указал на гряду впереди. — Видишь эти скалы? Я, например, понятия не имею, что за ними.

— А там что-то есть? — спросила Сати. Скалы, поросшие зеленью и источенные водой, выглядели неприступными.

— Определенно, — с уверенностью ответил Том. — Иногда за ними виднеется свечение или вроде того.

Сати вновь вспомнились слова Саши про “чудовищные эксперименты”.

— Кто живет на Острове дольше всех? — вдруг спросила она.

— Роланд, Дана, — без особой уверенность ответил парень. — Эвридика, наверное, тоже.

— Предлагаю расспросить ее обо всем, — Сати оживилась, сходу отметая первых двух кандидатов.

Томас хмыкнул, словно вспомнил что-то забавное и добавил:

— Тогда придется запастись бутылкой коньяка.

***

Они гуляли уже больше двух часов, и солнце начало клониться к закату. Тени от камней стали длиннее, а на бухту опустилась дымка, покрывшая верхушку скалистой гряды. Небоскребы остались далеко позади и напоминали колья очень редкого забора, торчащего из воды.

— А зачем ты привел меня сюда? — спросила Сати, с тоской осознавая, каким долгим будет путь обратно.

Томас уже успел искупаться и теперь грелся под последними на сегодня лучиками солнца.

— Ну, во-первых, здесь красиво, — сказал он, оглядывая бухту, словно создал ее своими собственными руками.

Сати посмотрела на Томаса и заметила, как красиво блестят капли на его ресницах.

— Собственно, на этом можно остановиться. Разве нужны еще причины? — парень улыбнулся.

Сати улыбнулась в ответ. Она действительно ожила благодаря разговору с ним и этой прогулке, но вот признаваться в этом почему-то не хотелось. Путь домой прошел в молчании и занял меньше времени, чем казалось на первый взгляд.

— Том, — Сати впервые использовала короткий вариант его имени. — В кабинете у Шина ты сказал, что есть другой способ узнать о судьбе Ойтуша…

На лицо Томаса упала тень, и это было вовсе не зашедшее солнце.

— Он и правда существует? — закончила свой вопрос Сати.

— Существует, — холодно ответил Томас и отвел взгляд. — Теоретически я могу связываться с сознанием людей, находящихся на расстоянии от меня.

— Ты найдешь его? — глаза Сати загорелись надеждой. — Сделаешь это для меня?

— Я попробую, — сказал Томас. — Но вначале протестирую свою теорию на… кое на ком.

— На ком? — нахмурилась Сати. — На мне?

— На одной старой знакомой из Метрополя, — Томас взглянул ей в глаза.

Сати помолчала. Стало быть, не одна она оставила в Метрополе часть своей жизни. У Томаса тоже было прошлое, прошлое вне Острова, хоть он и впервые заикнулся о нем.

В жилых корпусах было тихо. Все разошлись на ужин, и Сати с Томасом тоже поспешили. Их путь лежал через пустынный зал с колоннами и бассейном, тот самый, в котором Сати несколько недель назад знакомилась со своими будущими коллегами.

Неожиданный звук пощечины и следующий за ним полувскрик заставил ребят замереть на месте.

“Сюда”, — мысленно шепнул Томас, увлекая Сати за одну из мраморных колонн. Краем глаза она успела заметить Роланда, Дану и Эвридику, стоящих возле бассейна. Хотя лица Эвридики не было видно, по ее позе было понятно, что она держится за щеку, а это значит кто-то из двоих только что ударил ее.

— Прошел уже месяц. Где результаты? — сквозь зубы процедил Роланд. Его лицо было хорошо видно Сати из укрытия: ноздри раздулись и побелели, желваки гневно играли на скулах, а пронзительные голубые глаза смотрели с презрением. Должно быть, это именно он влепил Эвридике затрещину. Дана молча стояла рядом с неизменной полуулыбкой на лице, как тогда, в квартире Вига Такера.

— С ней очень сложно наладить контакт, — Эвридика собралась с силами и начала докладывать. — Она отказывается принимать пищу…

— Забыла, в каком виде я велел тебе говорить со мной? — Роланд грубо перебил женщину. Лица Эвридики по-прежнему не было видно, но по реакции президента стало понятно, что она изменила что-то в своей внешности.

— Так-то лучше, — удовлетворенно сказал Роланд. — Решила за миловидной мордашкой скрыть свою истинную сущность? Не забывай, кому ты всем обязана, кто научил тебя всему. Продолжай.

— Объект не идет на контакт, — твердым голосом продолжала Эвридика. — Настроение варьируется от глубокой апатии до приступов бешенства, возможно, имеет смысл применить препараты…

— Никаких наркотиков, — отрезал Грейси. — Ее сознание

нужно мне неповрежденным. Отказывается есть — корми через иголку, и давай пожестче: это не человек, а животное, и поступать с ней надо как с животным.

— Но… — начала было Эвридика, но президент жестом велел ей заткнуться.

— У тебя две недели, Эвери, — сказал он. — Если к тому моменту объект откажется сотрудничать — будем применять силу.

Сказав это, Роланд вместе со своей помощницей направились в сторону лифта, а Эвридика так и осталась стоять на месте.

“Эвери? Почему он назвал ее фамилией Ойтуша?!” — пронеслось в голове у Сати так громко, что Томас не мог не услышать. В этот момент в зал вошла веселая компания студентов, и женщине пришлось уйти, чтобы не привлекать к себе внимания. Она стремительно прошагала мимо той самой колонны, за которой прятались Томас и Сати, но, как это часто бывает с людьми в состоянии шока, ничего не заметила.

Ничего не понимая, Сати медленно осела по стене вниз. Томасу, который был крупнее ее, наверное, раза в два, не составило труда подхватить ее на руки и отнести в ближайшее кресло.

— Говори мне, все, что ты знаешь, — не попросила, а потребовала Сати.

— Она его сестра, — Томас присел рядом, на самый краешек. — Биологическая, родилась здесь, как и он сам, если судить по сообщению от твоей матери. Это все, что я знаю.

“Так вот откуда взялось это сходство”, — болезненное осознание всего произошедшего мучительно накатывало на Сати, словно лавина. Больше всего ей хотелось поговорить с Эвридикой, но она понимала, что сейчас не время.

— Почему Роланд так ведет себя с ней? Что он позволяет себе?

— Она его прямая подчиненная, занимается каким-то важным правительственным проектом, — сказал Томас и тут же добавил. — Об этом я тоже знаю не больше твоего, Сати.

— Я знаю, о ком они говорили, — Сати хлопнула себя по лбу, и тут же понизила голос до шепота. — Вместе со мной в тот день

прибыл еще кое-кто. Бьюсь об заклад, это и есть тот самый “объект”, о котором они говорили.

— Грейси сказал, что она как животное, — задумчиво произнес Томас.

— Грейси. Чертов ублюдок! — Сати с ненавистью ударила кулаком по истрепавшейся от времени обивке кресла. — Вот он и показал свое истинное лицо!

Томас молчал: сейчас лучше было дать Сати выговориться. Благо, что компания студентов была слишком увлечена своей болтовней и не обращала на них внимания.

— Зачем он все время таскает с собой эту гарпию? — продолжала Сати, имея в виду уроженку Хаммацу.

— Не стоит недооценивать Хатт, — покачал головой Томас. — Говорят, именно за ней Роланд оставляет последнее слово. К тому же она весьма талантлива.

Сати вопросительно уставилась на него, и тот поспешил продолжить.

— Дана провидица, и очень сильная. По сравнению с ней, одаренность Шина просто детская игрушка. Если Шин видит лишь круги на воде, что возникают в результате наших действий, то она видит все, вплоть до самого дна.

Но Сати уже слушала вполуха. Провидица, не провидица — какая разница, ведь она только что узнала, что у Ойтуша есть старшая сестра, здесь, на Острове. И по вине президента Грейси ей сейчас приходится ой как несладко.

— Проводишь меня в отсек? — обессиленно попросила она Томаса. Тот лишь грустно улыбнулся и протянул ей руку, чтобы помочь встать. На миг Сати показалось, что он хотел сказать что-то, но уже в следующее мгновение лицо одаренного вновь стало непроницаемым.

***

На огромной скорости Ойтуш погрузился в ледяную воду. Удар был настолько сильным, что он едва не потерял сознание. Черная переливчатая жидкость, напоминающая нефть, хотела поглотить его, но благодаря воздуху, оставшемуся в легких, он всплыл на поверхность, словно поплавок.

Вокруг было темно, за исключением лучей прожекторов, что шарили туда-сюда по огромному бескрайнему озеру.

От холода мышцы Ойтуша свело судорогой, и вместо того, чтобы грести, он то и дело с головой уходил под воду. Чтобы не утонуть, он ухватился за что-то твердое и светлое, дрейфующее неподалеку.

Послышался еще один всплеск: бесформенная масса с протяжным криком вылетела из трубы и шумно погрузилась в черную жидкость. Вынырнув, существо продолжало кричать и барахтаться, пока снайперская пуля не угодила ему прямо в лоб. Ойтуш замер, догадавшись, что они ищут выживших, чтобы прикончить.

Еще какое-то время прожекторы блуждали по поверхности озера, а затем один за другим погасли.

Тьма медленно поглотила Ойтуша, оставляя его лишь догадываться, насколько огромными были размеры этого дьявольского кислотного озера.

На смену холоду быстро пришло мерзкое жжение, охватившее каждую клеточку тела. Нефтяная жидкость начала действовать, и кожа закипела, покрываясь волдырями. В глаза словно песка насыпали, поэтому Ойтуш просто зажмурил их. Все равно до конца оставалось немного.

Разумеется, он догадался, куда попал. Работая в морге, он лично отправлял сюда мертвые тела, а теперь и сам оказался среди них. Один из кислотных утилизаторов Метрополя — место, где трупы или почти трупы без следа разлагаются в кислоте.

Пальцы нащупали что-то мягкое и склизкое, но на счастье, глаза Ойтуша были зажмурены. Ему больше не было страшно: он знал, что умрет с минуты на минуту, когда кислота разъест сухожилия мышц, и он утонет. Или от перитонита, когда вещество, которым он наглотался, проест стенки желудка.

Внезапно луч света ударил ему в лицо. Ойтуш замер, приготовившись получить пулю в лоб, но вместо этого он почувствовал, как его опутывает какая-то сеть.

Невнятные голоса людей были все ближе и ближе, а совсем скоро он ощутил что лежит на чем-то твердом.

— Дело дрянь.
— Надо попытаться.
— У него ожоги четвертой степени. Он умирает.
— Тогда детоксикацию, немедленно.

Двое людей, взяв Ойтуша за ноги и за руки, осторожно перетащили его в ванну с проточной водой. Они открыли ему веки, чтобы промыть глаза, при помощи трубок промыли желудок и носовые ходы. Ойтуш чувствовал, что с каждой секундой все больше и больше утрачивает связь с реальностью.

— Он не выживет, парни. Пустая трата времени, — небрежно произнес третий незнакомый голос.

— Выживет. А если не выживет, я верну его с того света, — уверенный голос Айзека было трудно не узнать. — Мне нужна информация, которой он располагает, Катокин. Любой ценой.

Мощный адреналиновый укол прямо в сердце заставил тело Ойтуша содрогнуться, словно от дефибриллятора. Его личность будто разрезало пополам: одна осталась там, в прошлом, где люди сопротивления воскрешали его к жизни, а вторая вернулась в настоящее, где он только что выстрелил в живот ребенку-шпиону.

— Ойтуш, с тобой все в порядке?

«Катокин… Я не слышал этого имени раньше».

— Этот ублюдок не зацепил его?

— Вроде бы нет.

Ойтуш открыл глаза. Он сидел на рельсах, прямо на том месте, где был застрелен Джимми. Обезглавленное тело мальчишки лежало неподалеку, прикрытое тряпьем.

Рядом стоял Тора. Одна половина его лица выражала беспокойство и напряжение, вторая, как всегда, напоминала мертвую маску. Вместо оружия его руки были заняты спящей Уной Ортегой.

Захария сидел на корточках, устало прислонившись к джипу. Из его глаз ушла та холодная расчетливость, с которой он сделал свой контрольный выстрел. Теперь это был просто усталый и не по годам взрослый ребенок.

— Все в порядке, парни, — ответил Ойтуш. — Я просто… ненадолго выпал из реальности.

— Ты словно впал в транс, — сказал Тора тихо, чтобы не разбудить Уну. — Просто сел здесь и ни на что не реагировал минут пять.

— Вот как, — задумчиво сказал Ойтуш. Ему не хотелось

говорить о своем «видении», которое явно было частью утраченных воспоминаний. — Должно быть, это шок.

— Пора возвращаться, — сказал Тора и погрузил девочку в машину.

— Как с этим поступим? — спросил Ойтуш, кивая в сторону тела того, кто назвался Джимми.

— Здесь оставлять нельзя, — подал голос Захария. — Те, кто подослал его, будут искать тело, хоть без чипа это и займет гораздо больше времени.

— Кто мог подослать его? — спросил Тора.

— Тот же, кто на днях устроил взрыв. — Захария порылся в кармане и достал небольшое плоское устройство, напоминающее блин.

— Что это? — поинтересовался Ойтуш.

— Генератор помех, — Захария аккуратно повертел штуковину в руках. — Плохо ты нашего Джимми обыскивал.

— Просто нечасто приходится работать, когда ты на мушке у друга, а «ребенок из поселения» на тебя с ножом кидается, — саркастически заметил Ойтуш, глядя на Тору.

— Ты привыкнешь, это нормальная рабочая обстановка, — совершенно серьезно заметил Захария.

Ойтуш хмыкнул и подумал, что после этой операции его шансы влиться в личный состав Айзека несколько увеличились.

— Так из-за этого блинчика наши дроны с ума сошли? — спросил он, забираясь обратно в джип.

— Ага, — кивнул Захария. — Тот, кто стоит за всем этим, знал, что ты будешь в тоннеле сегодня.

— Я? — недоумевающе переспросил Ойтуш.

— Разве ты еще не понял? — спросил Тора. — Кто-то охотится за тобой, Ойтуш, и притом, живым ты им совершенно не нужен.

Глава 16

На станции метро их уже встречали. Народ молча уступал дорогу парням, что волокли обезглавленное тело ищейки. Темно-багровая дорожка вязкой жидкости тянулась следом, а затхлый воздух подземки, с которым не справлялись системы вентиляции, постепенно пропитывался ржавым запахом крови.

Ойтуш без труда заметил Айзека, что на добрых две головы возвышался над толпой. Он шел к ним навстречу своей пружинистой блошиной походкой, а взгляд его неодинаковых глаз не предвещал ничего хорошего. Конечно, Айзек уже знал, что произошло в тоннеле — Захария оповестил его обо всем; оставалось только догадываться, как глава подполья объяснит смерть ребенка гражданским.

— Экстренное совещание, — сухо сказал он, — В офицерскую палатку всем, быстро.

Ойтуш вопросительно посмотрел на него, на что Айзек добавил:

— Все четверо, включая Ортегу и Эвери.

Офицерская палатка, которая стояла возле ангаров с техникой и боеприпасами, была новой и очень вместительной. Внутри стояло несколько коек: должно быть, кто-то из личного состава жил прямо здесь, небольшая печка и длинный железный стол, на который Айзек тут же водрузил тело шпиона.

Ойтуш зашел внутрь самый последний, чувствуя, что не имеет права находиться среди всех этих людей. Если верить предположению Захарии, и на него действительно охотятся люди протектория, то он, Ойутуш, одним лишь своим существованием ставит под угрозу все сопротивление. Пока он жив, его не оставят в покое, и неважно сколько повстанцев погибнет вместе с ним, попав под раздачу.

Возле стола сгрудились солдаты Айзека; труп “Джимми”, казалось, совершенно не смущал их, вот только некоторые девушки зажали нос платком, чтобы не чувствовать мерзкого запаха.

Взгляд Ойтуша скользил с одного лица на другое. Все без исключения люди Айзека были в отличной физической форме. Модификации киборгов не были уродливыми, а, напротив, дополняли их человеческие характеристики. Среди офицеров

были и совсем юные, как, например, молодая девушка с тонкими жилистыми руками и волчьим взглядом. На вид ей было не больше семнадцати.

Ближе всех к столу стояли Тора, который подробно докладывал о произошедшем в тоннеле, Захария, Айзек, Уна, с сияющим от сдержанного восторга лицом, и несколько “бывалых”, как мысленно назвал их Ойтуш.

— Ты уверен, что Нейт больше ничего не сказал? — спросил Айзек старшего Матиаса.

— Да, это все, — кивнул тот. — Как всегда, всего лишь одна капля в море.

— Если взрывчатка была заложена давно, чего именно ожидал агент? — спросил темнокожий коренастый мужчина, стоящий напротив Айзека.

— Подходящего момента, конечно, — сказал глава сопротивления. — Предполагаю, что активировав часовой механизм, он намеревался сбежать. Но потом — бах! — и горящий вагон. Мы снимаемся с места, а взрыв гремит через несколько часов спустя.

— Представляю, как взбесился протекторий, — сказала рыжеволосая девушка в первых рядах. Насколько помнил Ойтуш, ее звали Карен. Даже сейчас она продолжала дымить сигаретой, которую, кажется, вообще не выпускала изо рта.

— Тогда они подослали его, — Айзек стащил тряпку с трупа. — Взгляните на руки: холеные, загорелые.

— Но ради чего все это, Айзек? — произнес мужчина с татуировкой на лице. — Откуда такая активность протектория?

На этот раз Айзек не спешил с ответом, и Ойтуш очень хорошо знал почему.

— Полагаю, что наши люди располагают информацией, которая может стать угрозой для протектория, — наконец сказал он, внимательно глядя в глаза всем присутствующим.

— О какой информации ты говоришь? — спросила Карен. — Кто-нибудь что-нибудь знает? Я вот ничегошеньки.

По палатке прошелся одобрительный шепот: солдаты были солидарны с ней.

— Если только ты не скрываешь от нас что-то, — мужчина с татуировкой исподлобья взглянул на Айзека.

Ойтуш понимал, что глава подрывает доверие к себе, но

своим людям Айзек верить больше не мог. Он знал, что предатель находится сейчас здесь, в штабе, и, вероятно, имел на примете несколько вариантов.

— Напомни, почему ты сейчас здесь Ман, — кибернетический глаз Айзека слабо отражал свет, тогда как человеческий горел ледяным огнем.

— Потому что однажды ты спас мой зад? — с косой усмешкой на лице предположил тот.

— Нет, потому что ты отличный солдат, — возразил Айзек. — Как и каждый в этой палатке.

Тяжелый взгляд главы сопротивления внимательно скользил по лицам офицеров.

— Протекторий отдает своих детей на мясо ради великой цели, — продолжал Айзек. — Я делаю то же самое. Вы примкнули ко мне по своему желанию, доверяете мне — по своему желанию, а я решаю, как долго проживет каждый из вас. Не нравится? Прошу прощения, но по-другому не получится.

Народ смолк, а Ойтуш и вовсе хотел провалиться под землю.

— Если кто-то не согласен со мной, давайте разберемся с этим здесь и сейчас, — предложил главнокомандующий, и взгляд многих из присутствующих невольно упал на его тесак, которым Айзек наверняка владел в совершенстве.

“Он провоцирует их”, — подумал Ойтуш.

— Уна Ортега, — вдруг сказал Айзек, и девочка вздрогнула от неожиданности. — Ты первая заметила как неизвестный мальчик идет по туннелю. Расскажи нам о том, что случилось дальше.

Уна набрала полную грудь воздуха, приготовившись к своему звездному часу.

— Он представился как Джимми. Сказал, что потерялся, когда запускал светляков.

— Вполне правдоподобно, — произнес кто-то из толпы.

— Тихо, — велел Айзек. — Продолжай.

— Так вот, — деловито продолжила девочка. — Я не поверила ему, потому что помню всех детей в поселении. Ойтуш тоже не поверил.

— Ойтуш? — раздались удивленные голоса. — Кто такой Ойтуш?

Солдаты начали озираться по сторонам, и Ойтушу на миг захотелось испариться отсюда.

— Подойди ближе, Эвери, — велел Айзек.

Стараясь не замечать направленные на него грозные взгляды, Ойтуш приблизился к эпицентру обсуждений.

— Он начал обыскивать его, и тогда Джимми напал. С ножом, — сказал Уна.

— Почему ты решил обыскать мальчишку? — спросил темнокожий мужчина. Он уже высказывался на сегодняшнем собрании, и Ойтуш решил, что его мнение весьма авторитетно.

— Шестое чувство, — ответил он и нервно улыбнулся. — Мальчик вел себя подозрительно.

— Позвольте спросить, давно вы в подземке, мистер Эвери? — пренебрежительно спросил тот, кого Айзек назвал Маном.

— Пару дней.

— За пару дней вы научились определять, кто здесь подозрительный, а кто нет? — вопрос был пронизан сарказмом, как и реакция на него. Личный состав начал перешептываться и посмеиваться. Новичков здесь определенно не любили.

С языка Ойтуша уже готов был слететь колкий ответ, но Айзек едва заметным знаком велел ему не нарываться.

— Так или иначе, его чутье не подвело, — сказал киборг, накидывая тряпку поверх трупа, лежащего на столе. — Шпион был обезврежен.

— Почему он напал на тебя, Ойтуш? — спросила Карен.

Ойтуш на секунду запнулся. Айзек не велел ему говорить о том, что он что-то знает. На счастье, глава сопротивления ответил вместо него:

— Протекторий считает, что Эвери располагает некой информацией. Но его память стерильна, вероятно, была повреждена при удалении чипа.

— То есть, ничего важного ты не помнишь? — уточнила Карен.

— Нет. Ничего.

— Бесполезный, — прокомментировала девушка и полезла в пачку за новой сигаретой.

Волна гнева окатила Ойтуша, но он знал, что не может подвести Айзека, который так старательно создавал ему алиби.

— Еще вопросы? — спросил киборг, вновь оглядев присутствующих.

— Да, последний, — донесся голос откуда-то с задних рядов. Он принадлежал тому самому солдату со щетинистыми усами, что говорил с Ойтушем после пожара на станции.

— Слушаю тебя, Катокин.

«Катокин?! Это и есть Катокин?» — Внутри Ойтуша будто бы зазвучала натянутая струна.

— Как мальчишка мог попасть в тоннель? Тора сказал, что его нашли возле Арсенальной, но эта станция хорошо охраняется. Подозрительное лицо сразу взяли бы под арест.

— Это значит только одно: на КПП его впустили, — сказал Ман.

— То есть круг подозреваемых сужается? — прищурился Катокин.

— Именно, — подвел итог Айзек.

Народ вновь зашептался. После случившегося в тоннеле, Ойтуш знал, что его волшебной интуиции, полученной из крови Айзека, пришел конец. Но это не мешало ему строить догадки по поводу засланного агента.

Наверняка Мана, темнокожего и девчонку Айзек знает слишком хорошо. А что насчет вот этого парня, огромного как шкаф? Или анорексичной девчушки с глазами волка? Однако в фавориты Ойтуша выбился никто иной, как человек из его воспоминаний.

— Кто такой этот Катокин? — шепотом спросил он у Торы, стоящего рядом.

— А? Катокин? Он уже пять лет в команде Айзека, — Тора выглядел потрепанным и усталым, как и его брат. — Считаешь подозрительным?

Ойтуш усмехнулся. Теперь для братьев он был кем-то вроде пророка.

— Да так… Общались с ним как-то, — неопределенно ответил он. — А по поводу интуиции. Закончилась она, Тора, как и все хорошее.

— Значит, кровь Айзека полностью вывелась из твоего организма, — сказал Тора. — Теперь ты снова сам по себе.

***

Собрание окончилось. Ойтуш дожидался пока все выйдут, чтобы лишний раз не мозолить глаза.

— Останься, — негромко сказал ему Айзек, когда Захария и Тора наконец увели Уну, задающую слишком много вопросов, в том числе и о том, когда ее официально зачислят в военные.

— Я надеюсь, ты все понял, парень? Я больше не могу

доверять им.

— Вся эта заваруха из-за меня, — виновато сказал Ойтуш, глядя себе под ноги.

— Заявив, что ты ничего не помнишь, я на какое-то время вывел тебя из игры, — сказал Айзек. — Но это ненадолго.

— Что мне теперь делать? — спросил Ойтуш. — Вряд ли мне будет везти всякий раз, когда на меня будет совершаться покушение.

— Это верно, — кивнул Айзек. — Я могу обучить тебя обороняться.

— Ага. Очень смешно, — сказал Ойтуш, рассматривая свои ботинки, которые были ему чуть велики.

— По-твоему я шучу? — Айзек сверкнул кибернетическим глазом.

— Не думаю, что из меня получится хороший ученик, — честно ответил Ойтуш. Он никогда не считал себя человеком, способным дать отпор более сильному.

— В трубе ты действовал смело, хоть и очень безрассудно, — продолжал киборг. — Еще немного, и ищейка достал бы тебя.

— Я не понимал, что делаю, меня вела интуиция, полученная из твоей крови, — заметил Ойтуш.

— То есть, ты хочешь сказать, что я зря трачу на тебя время? Что ты безнадежен, не так ли? — сказал Айзек, как-то странно улыбнувшись.

Ойтуш ничего не ответил, просто продолжал стоять и рассматривать пол под своими ботинками. Да, он хотел примкнуть к элите сопротивления, но события в метро пошатнули его уверенность. Убить ребенка, пусть даже шпиона — такое не так-то просто забыть.

— Как хочешь, — развел руками Айзек. — Пойдем, я провожу тебя до палатки.

В поселении готовились ко сну. Свет прожекторов приглушили, и в каждой из палаток зажглась старая, дающая желто-оранжевый свет, лампа накаливания. Подумав о том, что придется опять набиваться на ночлег к братьям Матиас, Ойтуш слегка приуныл.

— А на складе случайно не завалялось ненужной палатки? — без особой надежды поинтересовался он.

Айзек молчал, все так же странно улыбаясь. Они удалились от лагеря довольно далеко, и теперь брели между теплиц и хлевов. Ойтуш хотел было спросить, куда они идут, но было

слишком поздно.

Совершенно неожиданно киборг схватил его за шею и пригвоздил к стене, подняв метра на два над землей. Подача кислорода резко прекратилась, и Ойтуш вцепился в его руки, безуспешно пытаясь разжать хромированные пальцы.

— Плохой ученик, говоришь? — оскалившись, прорычал Айзек. — Да ты просто мусор, бесполезный мусор, от которого давно пора избавиться.

Айзек протащил Ойтуша вверх еще на несколько сантиметров, и тот почувствовал, как его кожа, скользя по стене, сдирается вместе со свитером.

— Ты трусливый ублюдок, поставивший под угрозу все, что я создавал в течение долгих лет, — продолжал Айзек, и Ойтуш понял, что это не игра. Он убьет его голыми руками. Прямо здесь и прямой сейчас.

В мгновение ока перед его глазами пронеслась фигурка Сати, точно так же поднятая вверх аниматусом. Неужели он так и не стал сильнее за те несколько месяцев, что прошли с того момента? Неужели даст так просто убить себя?

Но у Айзека не было слабых мест. Он был воплощением боевой мощи, идеальным синтезом машины и человека. А он? Он был лишь человеком из плоти и крови, болтающимся между жизнью и смертью в руках киборга.

— Ну что, готов умереть? — сказал Айзек, сжимая пальцы до хруста в позвоночнике.

— Да… пошел… ты, — сквозь зубы прорычал Ойтуш, лягая его по лицу. — К чертовой… матери!

Он целился в человеческие части тела, снова и снова пиная Айзека по лицу и тому, до чего мог достать. Человеческая рука киборга на секунду разжалась, и, воспользовавшись моментом, Ойтуш изо всех сил впился в нее зубами.

Зарычав, Айзек выпустил его из рук. Упав на землю, Ойтуш ждал, что сейчас этот монстр вынет свой тесак и прикончит его, но тот лишь оглушительно заржал.

— Ты не собирался убивать меня? — прохрипел Ойтуш, ощупывая свою шею. Удивительно, как он не потерял сознание от такой сильной хватки.

— Нет. Но я заставил тебя поверить в это, — сказал Айзек отсмеявшись.

— Я поверил. Было очень убедительно, — Ойтуш хотел было прислониться к стене, но тут же отшатнулся от боли: содранная кожа дала о себе знать.

Он чувствовал, что в его крови продолжает бушевать адреналиновая буря, но сил подняться не было. Айзек сидел на земле чуть поодаль, небрежно вытирая кровь, текущую из носа. Ойтуш оставил на его лице много кровоподтеков, но это, казалось, лишь поднимает настроение главе сопротивления.

— Люди, загнанные в угол на многое способны, не так ли? — усмехнулся он.

— Можно мне твое фото на память? Буду смотреть на твою разбитую рожу каждый раз, когда мне будет паршиво.

— Урок номер один, — проигнорировав его сарказм, сказал Айзек. — Если твой противник больше и сильнее, используй хитрость. К каждому человеку есть свой подход.

— Зубной пасты не найдется? — спросил Ойтуш, сплевывая на землю. — А то рука твоя уж больно мерзкая.

— Урок номер два, — продолжал киборг, пропуская замечание мимо ушей. — Улыбайся. Никто не должен знать, что у тебя на уме.

Фыркнув, Ойтуш нервно рассмеялся, глядя куда-то в потолок. Злость кипела в нем: чертов ублюдок вначале чуть не задушил его, а теперь дает дурацкие советы. Ну-ну.

— Завтра ты будешь здесь в четыре утра, — сказал Айзек, поднимаясь с земли и помогая Ойтушу подняться. — Советую выспаться: тренировка будет тяжелой.

— Я не сказал, что согласен, — заметил парень.

— А я не сказал, что оставлю тебя в живых в следующий раз, — ответил Айзек, выдерживая тяжелый, почти что ненавидящий взгляд Ойтуша. — И да, на складе совершенно случайно завалялась ненужная палатка.

***

Томас Кэлвин-Смит всегда любил кукурузу. И не столько из-за вкуса, сколько из-за теплых воспоминаний, связанных с ней. Лето, жара, ошалелые мухи, что с размаху бьются в стекла, и спелые початки, потрескивающие на солнце. После шестнадцати он готов был многое отдать, чтоб еще хоть раз вернуться в их с отцом дом на кукурузной ферме. Но вероятнее всего после их с Мэгги отъезда, отцовский дом и плантации сожгли, возведя на их месте какой-нибудь завод.

Учеба с трудом давалась Томасу, за исключением разве что физкультуры: помогая отцу по хозяйству, он был в неплохой физической форме. Одним из его любимых развлечений были прыжки с сарая на стог сена, за что он частенько отхватывал от отца. Когда ему было одиннадцать, одна из старых досок не выдержала выросшего за лето подростка, и Томас провалился вниз, заработав сотрясение мозга.

С того момента жизнь его круто изменилась. Отлежав две недели в больнице и нахватавшись таких слов, как «шизофрения» и «биполярное расстройство», Томас пришел к выводу, что сошел с ума. Еще бы, ведь после той самой прогнившей доски, он понял, что может подключаться к сознанию людей, слышать их мысли, видеть образы в их голове, считывать воспоминания. Однако совсем скоро Томас понял, что это была вовсе не болезнь, а ни что иное, как одаренность.

Поначалу он не мог ее контролировать, неосознанно подключаясь к каждому человеку, которого встречал. Это было ужасно. Томас не хотел всех этих знаний, не хотел видеть секреты, что прятали его одноклассники, и детские воспоминания учителей. Он больше не мог нормально учиться, общаться с друзьями, и с каждым днем все больше и больше замыкался в себе. Лишь с отцом Томасу было комфортно — его мысли по большей части были позитивными и вращались вокруг одних и тех же объектов: дом, ферма и сын.

Долгое время Томас не мог принять те изменения, что происходили с ним. Чем только он не пытался заглушить эти навязчивые образы, даже еще раз падал с сарая, правда, предварительно подстелив сена. В итоге такой способ действительно нашелся. Напряженная умственная деятельность, будь то чтение книг, решение задач или вычисление, помогала на время блокировать этот канал связи. Очень быстро Томас стал лучшим учеником вначале в своем классе, а затем и в школе. Отец гордился им, бывшие друзья окончательно отдалились, а учителя в голос говорили, что всего можно достичь, если взяться за ум.

Томас ото всех скрывал то, что он одарен, ведь его могли отнять у отца. Подростка не особо влекла новизна, и он был не прочь провести свою жизнь среди кукурузных початков, но судьба распорядилась иначе. Некоторые из учителей стали

присматриваться к нему, к бывшему троечнику, что за полгода выбился в лидеры школы. Через месяц после его двенадцатилетия, Томасу было решено устроить собеседование с интуитом.

Это была маленькая ясноглазая девочка по имени Сони Тао, успешно блокирующая все попытки вторгнуться в ее сознание. Она расспрашивала Томаса о его жизни на ферме, отце, увлечениях, а также с удовольствием позволяла спрашивать себя. Часть вопросов Сони задавала мысленно, посылая их в голову Томаса, отчего создавалось впечатление, что он разговаривает сам с собой. Возможно, именно поэтому ответы Томаса были искренними. В конце разговора Сони сказала Томасу, что пытаться усыпить свою одаренность, все равно что добровольно носить повязку на глазах.

— Я стал одаренным, потому что упал с крыши?

— Ты был одаренным, когда родился, — ответила Тао. — Твое падение лишь запустило механизм реакций, позволивших одаренности проснуться.

— А что такое одаренность?

— Свойство твоей души. Способность воспринимать мир иначе.

— Я не понимаю, — сказал Томас, убирая со лба светлую прядь.

— Все просто. Давай представим, что все люди на свете — дальтоники, — начала Сони с улыбкой. — И только ты один видишь все цвета.

— Я бы чувствовал себя психом, — усмехнулся Томас.

— Но мир оставался бы цветным. Точно так же и с твоими способностями. Ты видишь немного больше, чем все остальные, понимаешь?

Томас понимал, но не хотел, чтобы что-то менялось. После того как в протектории ему нанесли татуировку лаврового венка, Томас ждал своего шестнадцатилетия с ужасом. Он знал, что протекторий крепко вцепился в него и через несколько лет выдернет из привычной колеи, как овощ из грядки.

Однако проблемы начались намного раньше. Вначале Томаса попытались завербовать в дознавательную группу, чтобы он помогал властям в поимке преступников, но тот отказался, вежливо послав рекрутеров подальше. Затем на ферме начались бесконечные проверки: участок перевернули вверх дном, пытаясь

обнаружить зараженную воду, очаги бактериальной инфекции и несоблюдение санитарно-гигиенических норм. Нормана Кэлвина-Смита, отца Тома, даже пытались лишить родительских прав, а все для того, чтобы увезти парня из этого «неблагополучного, первобытного места».

Томас знал, насколько сильно его способности были нужны протекторию. Еще бы, парень, который за секунду может взломать мозг любого преступника. И все же, заставить гражданина Первого класса протекторий не мог, чем и воспользовался Томас, с удовольствием заявив, что до шестнадцати лет намерен прожить на ферме вместе со своим отцом.

Все изменилось, когда Томасу стукнуло четырнадцать. Тогда он впервые встретил аниматуса.

В одном из торгово-развлекательных центров Метрополя между этажами застряла кабина лифта. Охранники центра больше часа пытались вызволить застрявших там детей, но все попытки были безуспешны. Томас уже и не помнил, за каким чертом его занесло туда в тот день, но он видел все своими глазами.

Мысленно пообщавшись с одной из девочек в лифте, он узнал, что ей срочно требуется принять лекарство, иначе ее жизнь окажется под угрозой. На вызволение детей человеческими усилиями ушло бы слишком много времени, поэтому было решено прибегнуть к силе одного из аниматусов.

Толпа сочувствующих зевак расступилась при виде этого монстра: он был метра три в высоту, с кулаками больше собственной головы, и омерзительной пастью, растянутой в застывшей улыбке. Глаз его не было видно из-за соломенных волос, что падали на лицо, как у какой-нибудь болонки, но Томас не сомневался, что тот видит все.

Он не мог оторвать глаз от этого существа и знал, что если не попробует подключиться к его сознанию, будет жалеть об этом до конца дней. Аниматус среагировал мгновенно, за секунду находя Томаса среди огромной толпы. Повернув голову почти на сто восемьдесят градусов, он смотрел на мальчишку из-под своей копны сена, из-за чего тот едва штаны не намочил. В отличие от Сони Тао, что блокировала попытки Томаса прочитать ее мысли, аниматус был открыт нараспашку. Все его немыслимое существо вопило только одну фразу: «Убейте меня».

У заблокированных дверей лифта все еще копошился старик охранник, видимо, не заметивший столь внушительных размеров подоспевшую помощь. Взяв место для разгона, аниматус стремительно двинулся к лифту, на ходу пробивая своим кулаком огромную дыру в его кабине. А заодно и в груди человека, вставшего у него на пути.

Истекая кровью, старик повис у него на кулаке, словно бумажный человечек, нанизанный на спицу. Толпа взвыла от ужаса, разбегаясь кто куда, и только Томас не мог сдвинуться с места. На глазах у всех аниматус только что убил невинного человека, ради спасения детей. Прихлопнул, словно назойливую муху.

Этот инцидент СМИ осветили, как «спасение граждан Первого класса при незначительных потерях», но Томас знал, что он видел на самом деле. Так, в четырнадцать лет он впервые столкнулся с подобной нечеловеческой жестокостью, и это изменило его мир навсегда.

***

Томас мог окончательно замкнуться в себе, если бы не его ровесница, Мэгги Томпсон, переехавшая вместе с семьей в дом по соседству. Несколько месяцев он был уверен на все сто, что подросток, которого он изредка видел из-за забора, был парнем. Но дело было не столько в плохом зрении Томаса, сколько в самой Мэгги. Коротко подстриженная, в мальчишеской одежде, худощавая и нескладная, как и все подростки, которые быстро растут, она то играла с собакой, то с утра до вечера возилась в гараже.

Они познакомились благодаря ливню, что застал их врасплох по пути из школы. Дом Кэлвин-Смитов находился ближе к дороге, и чтобы «сосед» не промок до нитки, Томас предложил ему укрыться на их веранде. Увидев Мэгги поближе, он сразу понял, что это девушка, и притом не совсем обычная. Ее левая нога была укреплена гибридной конечностью — экзоскелетом, частично повторяющим форму ноги, а правая рука была целиком бионической.

«Что же с тобой случилось?» — содрогнулся Томас, изо всех сил стараясь не подать виду, что протезы смущают его.

— Как дела, сосед? — широко улыбаясь, Мэгги, протянула ему руку.

— Лучше всех, — ответил парень, едва заметно морщась от крепкого рукопожатия. Кибернетические протезы уже давно не были редкостью, но в отличие от них, рука Мэгги не была покрыта полимерной кожей.

— Офигенная, — восхитился Томас, глядя на ее конечность. Он знал, что за широкой улыбкой эта девушка скрывает многолетний страх быть отвергнутой обществом. Так же, как и он.

— Врешь, — не веря ни разу, ответила Мэгги, едва сдержавшись, чтоб не использовать другое слово.

— А вот и нет. Спорим, что эта рука умнее, чем мои мозговые имплантаты?

От неожиданного ответа, девушка рассмеялась.

— Вообще-то, — сказала она, — Я сама ее собрала. Сейчас работаю над следующей версией.

— Врешь, — изумился Томас. За свою короткую жизнь он не собрал ни одного простейшего робозверя, а тут девочка сама себе руку сделала.

— Хоть сейчас могу отвести в гараж и показать, — сказала Мэгги, глядя на косую стену дождя.

— Я тебе верю, — ответил Томас. — Просто это… нереально круто!

Мэгги смущенно улыбнулась, и, в свою очередь, спросила:

— А про мозговые имплантаты ты серьезно?

— Конечно. Высокотехнологичный сплав из опилок и навоза.

Ребята быстро подружились, и уже через пару месяцев Мэгги стала для Томаса первой любовью. Он поклялся не подключаться к ее сознанию, чтобы их теплая дружба походила на отношения самых обычных людей.

Мэгги рассказала, что в четыре года она упала в кислотный контейнер для разжижения трупов. Хоть ее и спасли, девочка лишилась руки и почти потеряла ногу, но Томас подозревал, что ее повреждения были более обширными. Порой, когда в жаркую погоду Мэгги расстегивала верхние пуговицы рубашки, Томас замечал электроды, вживленные прямо в ее позвоночник.

Возможно, она никогда не смогла бы ходить, если бы не все эти устройства в ее теле.

Сама Мэгги была одержима технической кибернетикой. После школы она мечтала попасть в Прато-Гамму — город на юге своего рода мекку для «железячников», где также проводились исследования искусственного интеллекта. Туда распределяли

лишь тех, кто с отличием сдал невероятно сложные экзамены, но Томас знал, что у нее получится. Он еще никогда не встречал человека, настолько одержимого своей мечтой, но при этом сохранившего жизнелюбие и чувство юмора.

Каково же было его удивление, когда после выпускного в школе, Мэгги сказала ему, что не набрала нужных баллов. Тогда Томас впервые нарушил свою клятву и заглянул в ее голову. Боль от того, что он узнал, ядом разлилась по его телу: Мэгги не просто прошла, она попала в десятку лучших студентов, сдав экзамены на «отлично с отличием». Но, несмотря на это, она готова была остаться в Метрополе ради него.

Томас всегда ненавидел свою чертову телепатию.

— Я не люблю тебя, Мэгги, — выпалил парень, осознавая, что совершает главную ошибку в своей жизни. Он любил, и еще как. Но татуировка лаврового венца под левой лопаткой, давала понять, что совместного будущего у них нет и быть не может. Томас не мог позволить Мэгги спустить свою мечту в унитаз, ради такого идиота, как он.

Девушка стояла перед ним — здесь Томас не верил своим глазам — в платье, которое надела на выпускной, с красиво уложенными волосами и даже следами неумело нанесенного макияжа. Вот только на ногах были извечные кеды — здесь Мэгги осталась верна самой себе.

Такой он видел ее впервые и, наверное, в последний раз. Он думал, что Мэгги отвесит ему пощечину, и с радостью воспринял бы даже перелом челюсти, но девушка дала ему лишь легкий подзатыльник и назвала трусом. К несчастью, тотальное презрение в ее глазах цвета горького шоколада было больнее сломанной челюсти. Наверное, раз в пятьсот.

Через месяц Томас отправился на Остров, не успев попрощаться ни с ней, ни даже с отцом. Освоившись на новом месте, он какое-то время отслеживал местоположение Мэгги через систему глобального поиска, но удостоверившись, что девушка окончательно переехала в Прато-Гамму, приостановил слежку. Для них обоих началась новая жизнь, и вероятность того, что они еще когда-нибудь встретятся, с каждым новым днем все больше и больше стремилась к нулю.

Раньше Томас все время спрашивал себя: если Третий класс настолько всемогущ, почему он не может сам выбирать свою

судьбу? Кто сказал, что ему нельзя остаться с близкими людьми? Считается, что одаренным быть круто, и стремиться попасть на Остров — естественная мечта каждого ребенка. Чушь. Скажите тому, кого разлучили с семьей, что он должен быть счастливым, и он начистит вам физиономию.

Сати не была похожа на Мэгги, и все же, с момента ее появления на Острове, Томас стал все чаще и чаще вспоминать о железячнице из своего детства. Парень больше не скрывал от себя, что его тянет к Сати, и на этот раз у него действительно были шансы. Прошел еще год, и она забыла бы о своем Ойтуше, открывшись ему, своему другу, который всегда рядом. Так ведь нет. Томас сам предложил ей найти его, дал надежду, подкинул дров в огонь. Каждый раз, смотря на себя в зеркало, он готов был плюнуть в лицо тому придурку, который в очередной раз упускал свой шанс. И все-таки Томас знал: он в силах помочь Сати, и если он не сделает этого, то до конца жизни будет считать себя последней сволочью.

Пять лет. Именно столько Томас не общался с Мэгги, он даже не был уверен, что она еще жива. Но чтобы проверить свою гипотезу о подключении к человеку на расстоянии, он должен был связаться с ней. Разворошить старые раны.

Уединившись в своем кабинете, Томас достал старую фотографию — единственное вещественное доказательство того, что Мэгги действительно была в его жизни. Пора было узнать, насколько сильна его одаренность.

Глава 17

Томас никогда не задумывался о механизме своей одаренности. Обычно ему хватало зрительного контакта или же просто взгляда на человека, чтобы тот открылся ему. Но глядя на фотоснимок с изображением смуглого улыбающегося подростка, какой была Мэгги много лет назад, он понимал, что здесь данная техника не сработает.

Парень наморщил лоб, потер виски и представил, какой Мэгги Томпсон может быть сейчас. Наверняка в свои двадцать с небольшим она носит длинные волосы, умело пользуется косметикой и занимает должность одного из ведущих разработчиков в Прато-Гамме. У нее есть муж, дети и обязательно собака, ведь она всегда любила собак.

Томас закрыл глаза и представил как от его сознания отделяется частица энергии. Нервный импульс, из разряда тех, что побуждает мышцы сокращаться, поисковый дрон, которого ведет система “Око”, или же луч света, который отделяется от ментальной оболочки, чтобы пуститься в путь сквозь тысячи и тысячи километров.

Том направил свое сознание туда, где предположительно должна обитать Мэгги: в жаркий город Прато-Гамму, что южнее Метрополя, где прямо в городе растут пальмы, а асфальт плавится от раскаленного солнца. И о чудо! Стоило ему немного поиграть в визуализацию, и Томас почувствовал, что часть его сознания действительно отправилась в путь!

Нет, оно не летело по воздуху, как глайдер, а словно плыло наверх, к свету, сквозь километры воды. Так поднимаются со дна пузырьки воздуха: легкие, превращенные силой поверхностного натяжения в шар. Вскоре Томас почувствовал эхо других голосов. Отголоски сознания людей, что жили на большой земле. Каналы в их разум были открыты, но Томас старательно обтекал их, боясь погрязнуть в этом вареве человеческих мыслей.

Все дальше, дальше и дальше. Мимо метропольских ферм на окраинах города, кукурузных початков, зреющих под солнцем, сквозь тот самый вакуумный тоннель для магнитопланов, по которому когда-то Мэгги уехала из родного дома.

Томас почувствовал, что она где-то рядом, и его мысленный фотон начал замедляться. Как же трудно сейчас было

контролировать его!

— Мэгги, — вслух произнес он и тотчас ощутил, что девушка стоит рядом с ним. Он почувствовал ее легкий парфюм и запах крепкого кофе, который она пила. Увидел свое отражение в ее темно-карих встревоженных глазах, как если бы он был призраком, что решил потревожить мир живых. Странно, но на большом расстоянии было проще сконцентрироваться не на мыслях, а на чувствах человека. Каким-то образом Томас узнал, что Мэгги была обеспокоена текущим проектом, плохо спала по ночам и волновалась за свою мать, больную дот-вирусом. Мужа и детей у нее не было, но определенно среди ее окружения был близкий человек, с которым девушка имела тесную связь. Последнее Томас воспринял не без укола в сердце.

А где-то там, за тысячи километров от Острова, Мэгги Томпсон выронила кружку из рук. Что за странное наваждение среди рабочего дня? Словно старый друг из прошлого стоит сейчас у нее за спиной и зовет по имени.

— Том? — нерешительно, вполголоса переспросила девушка, и на всякий случай обернулась. Она так и не узнала, что Томас одарен, он просто не успел сказать ей об этом.

Услышав ее голос, Томас почувствовал, как трудно стало нормально дышать, а сердце застучало в груди со скоростью несущегося сквозь вакуумный туннель магнитоплана, отсчитывающего километры, словно секунды.

Остаться или же нет? Продолжить общение, рассказать как у него дела. Томас предпочел поступить иначе. Он уже узнал более, чем достаточно. У Мэгги Томпсон была вполне приемлемая для гражданина Второго класса жизнь, а воспоминания о нем, теплые по-большому счету, но смешанные с первым разочарованием, были запрятаны далеко в тайник ее воспоминаний, и использовались далеко не так часто, как Томасу втайне хотелось бы.

— Томас? — повторила Мэгги уже более настойчиво. — Это ты?

В этот момент он разорвал связь. Довольно. Пусть спишет все это на хронический недосып и переутомление.

Томас откинулся на спинку скрипучего деревянного стула и расстегнул ворот рубашки. Его мысленный фотон растаял, растворился, добросовестно выполнив свою функцию. Но черт возьми, как же это было тяжело!

Дрожащими пальцами Томас взял стакан воды и залпом выпил. Силы потихоньку возвращались к нему, чего не скажешь о душевном равновесии, которое было бессовестно нарушено. Повертев в руках пустой стакан, он с силой разбил его вдребезги.

***

Утро было свежим. Точнее, свежим его делали кондиционеры, работающие в отсеке Сати. Опираясь на сведения о ее метаболизме, они поддерживали комфортную температуру во время сна и бодрствования. И тем не менее сегодня Сати проснулась от холода, еще немного и пар изо рта пойдет. Неужели ночью у нее была температура? Или же это очередные игры ее одаренности?

Прежде всего ей хотелось найти Эвридику. Поздороваться, узнать, как у нее дела. Расспрашивать об Ойтуше было бессмысленно — вряд ли она помнила его.

Сати вытащила из шкафа свежий спортивный костюм. На серой толстовке с капюшоном красовался лавровый венок почти во всю спину.

“Ну супер”, — подумала она. — “Неудивительно, почему Шин так настаивал на старой одежде”.

Вдруг взгляд Сати упал на книгу, оставленную на кровати. Книга была бумажная, один из редчайших экземпляров, с крупными цифрами на обложке: “1984”. Рядом лежали очки, что было еще страннее. Неужели это Томас оставил, после того, как проводил ее вчера? Она так быстро уснула, словно он опять подсыпал ей снотворного, так неужто он оставался здесь и читал?

Сати повертела в руках крупные очки в прямоугольной оправе. Томас никогда не надевал их при ней, но, судя по всему, частенько носил их с собой. Вздохнув, Сати начала переодеваться: разговор с Эвридикой подождет, сперва надо было вернуть очки своему владельцу.

Если бы у Томаса было “Око”, Сати без труда отыскала бы его, просто назвав имя. Но он не был подключен к локальной сети, а значит Сати предстояло искать его своими силами.

Без десяти семь. Вряд ли Том уже на работе. Наверняка отсыпается в своем личном небоскребе или уже завтракает. Взяв очки, Сати направилась к лифтам: “Если не застану его дома, так, может, по пути пересечемся”, — подумала она.

Утренний пляж не был идеален. В любой другой день

создавалось ощущение, что после захода солнца некий человек с лопатой выравнивает каждую шероховатость на его гладкой, словно лед, поверхности, укладывает песчинку к песчинке, камешек к камешку. Но сегодня на песке были отчетливые следы пары ног. Сати взглянула в сторону океана, и увидела двух братьев, которые лежали на досках для серфинга. Волн не было, поэтому они просто качались на воде и о чем-то разговаривали.

Сати подумала, что они могли видеть Томаса, и направилась в их сторону.

— Привет, Сати! — Камал первый заметил ее и помахал рукой. Иногда Сати путала, кто из них кто, хотя братья и не были близнецами. Тогда на помощь девушке приходили “опознавательные знаки”, которые она сама для себя отметила. У Рамы над бровью был старый шрам от резаной раны, а у Камала слегка косили глаза, разбегаясь в разные стороны, когда он о чем-то задумывался. И все же, оба брата были весьма симпатичными.

— Привет. Вы Томаса не видели? — спросила Сати, подходя ближе.

— Неа, — беспечно ответил Рама. — Давай с нами.

— Так досок-то всего две, — заметила Сати.

— Так и волн нет, — улыбнулся Камал. — Пока что. После обеда по-любому будут.

Сати никогда не занималась серфингом, а вот братьев, бороздящих океан в цветастых неопреновых костюмах, она частенько видела на пляже.

— Мне нужно отдать ему вот это, — Сати достала из кармана толстовки очки Томаса.

— Можно взглянуть? — попросил Рама.

Он молча взял очки, подержал в руках с минуту, а затем так же молча передал их брату. Сати внимательно разглядывала их лица, выражающие неподдельный интерес и даже восторг, и когда вещица наконец вернулась к ней, девушка была уверена: братья изучили очки через призму своей одаренности.

— Он любит читать. Поэтому не мог пройти мимо твоей книжки, — сказал Камал.

— Ему было приятно держать ее в руках, зная, что ты хоть раз касалась ее, — добавил Рама, словно говорил о чем-то обыденном.

Сати почувствовала, как ее щеки покрылись легким румянцем. Одаренность братьев встречалась довольно часто, но

была очень полезной: они могли считывать информацию, которую хранили неодушевленные предметы. Таких, как они, протекторий любил вербовать на должность ищеек.

— Какой временной промежуток вы можете увидеть? — спросила она, чтобы скрыть свое смущение.

— Я до двух суток, — сказал Рама, — А вот Камал до трех.

— Просто я старший брат, — заметил Камал. — Вот и вижу дальше.

“Маловато”, — подумала Сати. — “Даже если бы у меня была вещь Ойтуша, они не смогли бы помочь мне”.

— Неплохо, — вместо этого сказала она.

— Ой да брось, — отмахнулся Камал. — Мы и не набиваемся в великие нюхачи. Так, середнячки из середнячков.

Одаренных, способных видеть судьбу вещей, часто называли “нюхачами” или “псами”.

— Хотя в Дивали мы неплохо зарабатывали, — напомнил брату Рама.

— Так вы из Дивали? — с сочувствием произнесла Сати, и в ее голове мелькнуло слово “Бедняги”.

Около пяти лет назад весь мир заговорил об этом городе, что был почти стерт с лица земли землетрясением магнитудой девять баллов. Катастрофа повлекла за собой радиационную аварию, что надолго обеспечило крайне тяжелое положение целого региона.

— Мы уехали как раз в тот год, когда все произошло, — Рама уселся на доску. — А вот семеро братьев и сестер остались там.

Ходили слухи, что катастрофа в Дивали имела политический характер. Землетрясение произошло именно тогда, когда Дивали достиг пика своего процветания и решил отделиться от Метрополя. Десятки тысяч людей тогда погибли, дети начали рождаться с ужасными уродствами.

Сати не знала, что сказать. Наверняка Раме и Камалу приходилось нелегко, зная, что их родных и близких больше нет в живых, а дом и вовсе стерт с лица земли.

— Только не переживай из-за нас, Сати, — сказал Камал, наблюдая за тем, как изменилось лицо девушки. — Тебе и так досталось.

— Кста, приходи сегодня на вечеринку, — Рама плюхнулся животом на доску, завидев небольшую волну.

— Вечеринку? — без энтузиазма переспросила Сати. Она не слишком жаловала подобные мероприятия.

— Сегодня новички прилетают, — ответил Камал, и поспешил за братом. — Все, волна пошла! Давай до вечера.

И они умчались ловить волны, оставив Сати восседать на отточенном океаном булыжнике.

“Хотя почему бы и нет”, — подумала она и вновь достала очки из кармана. Что-то подсказывало ей, что ребята увидели гораздо больше, чем посчитали сказать ей. Сати чувствовала, что нравится Томасу, и это льстило ей, вот только об ответной симпатии не могло быть и речи. Иногда ей казалось, что чувства к Ойтушу так сильно и так безвозвратно отравили ее душу, что больше никто и никогда не сможет занять его место. Но у Томаса все еще оставалась надежда, и Сати не хотелось, чтобы он отказывался от нее.

***

Они пересеклись за завтраком. Сати молча положила перед ним очки. Потом немного подумала и сказала “Спасибо”. За то, что не бросил вчера, что был рядом, пока она засыпала, за то, что уделяет внимание и дает почувствовать себя особенной. Объяснять Сати не стала, захочет — сам прочтет в ее сознании.

Томас лишь нервно улыбнулся и быстро спрятал очки во внутренний карман халата. Перемен в его поведении Сати так и не заметила, а ведь он не спал всю ночь, безуспешно борясь с нахлынувшими воспоминаниями о прошлом.

После обеда Сати робко постучала в дверь кабинета Эвридики.

— Входи, дорогая, — любезно сказала та. Эвридика была изящной и свежей, как и всегда, без малейшего намека на прессинг, которому она подвергалась милостью Роланда Грейси и Даны Хатт. И все же Сати напомнила себе, что это не настоящая ее внешность. Было что-то такое, что Эвридика предпочитала скрывать ото всех.

Сати хотела сказать что-нибудь обыденное, но вместо этого начала плакать.

— Боже мой, что случилось? — испугалась Эвридика, но Сати лишь помотала головой.

Сейчас перед ней была не просто приятная в общении женщина и хороший друг, перед ней была сестра Ойтуша. Сати казалось, что в чертах Эвридики она видит его: тот же разрез карих глаз и изгиб бровей, ту же мимику и красивые руки с

проступающими венами. Как бы Эвридика ни перемещала слои пространства, в ней всегда сохранялось это сходство, этот почерк, образ кровного брата, которого она никогда не знала.

Сати пришлось рассказать Эвридике о том разговоре, который они с Томасом случайно подслушали и о той пощечине, что навсегда изменила впечатление о президенте Грейси. Все это Эвридика Эвери выслушала без единого слова.

— Я не хочу, чтобы он делал это с тобой, — наконец сказала Сати.

Как Томас и предполагал, Эвридика полезла в мини-бар за бутылкой.

— Это моя работа, а он мой непосредственный начальник, — холодно отозвалась она.

— Но это ужасно.

Эвридика не ответила, лишь плеснула в стакан темной янтарной жидкости.

— А это что за существо, о котором вы говорили? — спросила Сати.

— А вот это тебе точно знать не обязательно, — тон Эвридики посуровел.

— Но…

— Я не скажу тебе больше ни слова, — категорически ответила женщина и осушила стакан одним глотком.

“Как она пьет!” — подумала Сати. — “Сколько же алкоголя надо, чтобы развязать ей язык?”

Они посидели еще немного — Сати не хотелось, чтобы разговор оканчивался на такой ноте — а потом разошлись по делам. Перед уходом Сати краем глаза удалось увидеть содержимое мини-бара. Вот те на! У Ойтуша она не замечала проблем с алкоголем, тогда как у его сестры они определенно имелись. И не последнюю роль в их становлении наверняка играл тиран Роланд.

***

После ужина Сати хотела было завалиться спать, но вовремя вспомнила о приглашении на вечеринку. Она сказала себе, что пойдет только ради того, чтобы посмотреть на новичков, прибывших на Остров, тогда как сердце ее робко надеялось, что Томас тоже будет там.

Сати надела единственное платье, которое отыскала в шкафу своего отсека, уложила начавшие отрастать сиреневые волосы и,

сама не зная зачем, взяла ту самую книгу, которую обнаружила утром на своей кровати.

“На случай если беседа не заладится”, — сказала она самой себе.

Студенты оккупировали небольшую гостиную на двадцать четвертом этаже. В целом атмосфера была довольно приятной: Шин Эйлер крутился возле микшера, создавая ненавязчивую мелодию, на стенах мерцали огни, то напоминая оживленную автостраду, то стихая до ленивых мотыльков, которые порхают от одного источника света к другому, незнакомая Сати девушка смешивала коктейли у импровизированного бара, а все остальные общались, развалившись на мягких креслах и пуфах.

Томаса среди них не было, из-за чего Сати ощутила легкую досаду.

— Сати, привет! — крикнула Мегани из дальнего угла, где она расположилась вместе с братьями из Дивали и незнакомым рыжеволосым парнем.

“Должно быть, новенький”, — подумала Сати, и направилась к ним.

— Знакомься, это Юкка, — Камал представил слегка смущенного парня.

— Сати, — сказала девушка, подмечая, что Юкка уже успел распробовать ни один коктейль.

Минут пятнадцать они бесцельно чесали языками, пока Сати не начала замечать, что все вокруг чего-то ждут. Чего именно — стало понятно, когда в гостиную просочился худощавый парень с большим бумажным пакетом. Его появление студенты встретили чуть ли не овациями, а спустя еще несколько минут, комната наполнилась густым сладковатым запахом.

— А если кто-нибудь узнает об этом? — спросила Сати, рассматривая косяк, который пустили по кругу.

— Всем пофигу, — заявила Мегани затягиваясь. — Это легкая штука.

— Не выше класса М, — добавил Шин. — В Метрополе такой даже при простуде выписывают.

— Давно ты не был в Метрополе, — заметила Сати, вспоминая тот самый А2С2, которым ее пичкал Виг Такер. — Значит, просто лекарство, да?

— Ага. Помогает от насморка и чувства собственной важности, — широко улыбнулся Рама.

Спустя всего пару затяжек, Сати почувствовала, как неудержимо ей хочется танцевать, петь и исполнять акробатические трюки, но остатки здравого рассудка говорили ей, что это всего лишь действие травы. Другие же не были столь требовательны к себе: заиграла веселая музыка, огни на стенах заискрились канонадой салютов, а многие из студентов повскакивали со своих мест и принялись танцевать.

— Как ощущения? — спросил ее Шин, присаживаясь рядом.

— Я ничего не чувствую, — помотала головой Сати. — Точнее, чувствую, что могу контролировать его.

— Это и есть главный эффект досмина, — Шин подмигнул ей. — Ты ощущаешь себя всемогущим.

— Вот, например, я, — продолжал парень, откидываясь в кресле. — Как ты видишь, я сегодня без бумаги и чернил. Досмин говорит мне, что я могу заткнуть этот чертов канал связи со вселенной, что я могу управлять им. Быть всемогущим, Сати, значит управлять собой и своей силой.

— Но это не по-настоящему, — возразила чувствуя, как поток музыки и шума уносит ее.

— Да какая разница, — отмахнулся Шин, а затем добавил куда-то в пустоту, — Лишь бы в тысячный раз не видеть свою смерть.

— Что? — переспросила Сати, чувствуя неприятный холодок от его слов.

— Сотни и тысячи раз под всевозможными углами, — произнес Шин. — Вселенная не дает мне забыть, когда и как я умру.

Все аргументы против досмина застряли у Сати в горле. Да уж, видеть рисунки своей кончины, нарисованные собственной рукой — такого и врагу не пожелаешь. Она огляделась по сторонам. Многие из студентов веселились так, словно делают это в последний раз в жизни. Возможно ли, что уходя в отрыв, они пытаются забыть о своей боли, причиненной одаренностью, о своем одиночестве и комплексе изгоя?

По сравнению со многими, например, с тем же Шином или братьями из Дивали, одаренность Сати по-настоящему была даром. Восставать из пепла — отличное свойство, особенно если имеешь привычку сжигать себя дотла.

— А давайте петь караоке! — предложила Мегани, которая смешно танцевала на большом пуфе под аплодисменты и свист парней. Большинство, включая Сати поддержало ее.

Через полчаса (или пару часов?) в дверном проеме появилась фигура Томаса. Он был мокрым с ног до головы — должно быть, на берегу опять начался шторм — а еще мрачным как туча.

Вечеринка в этот момент как раз достигла своего апофеоза. Стало жарко, и многие из ребят без стеснения поснимали верхнюю одежду. Рама и Оби, тот самый парень, который принес досмин, достали откуда-то арбуз и теперь вырезали из него шлем, руководствуясь размерами головы Юкки, который спал в кресле. Мегани и Синра устроили караоке-баттл, уже давно перестав беспокоиться от том, что не попадают в ноты.

— Пойдем отсюда, — сказал Томас, без труда находя Сати среди всей этой толпы.

— Куда? Мне и тут неплохо, — ответила девушка, пытаясь вырвать свое запястье из его рук. Ей было немного обидно, что Томас, пропустивший все веселье, теперь пытается забрать ее отсюда. Да еще и таким ультимативным тоном.

— Сати, не веди себя как маленькая, — с укоризной сказал парень, посмотрев ей в глаза.

— Какая же я маленькая? — возмутилась Сати. Наркотик вперемешку с алкоголем все же сделали свое дело. — Мне шестнадцать, Том. Если хочешь, можешь поцеловать меня, это законно.

— Ты накурилась дури, — Томас покачал головой, критически осматривая ее с головы до ног. — А у меня для тебя, между прочим, важные новости.

— О том, что ты любишь меня? — ляпнула Сати, окончательно утратив связь между языком и мозгом. — Да это все знают, не удивишь.

Взгляд Томаса вмиг сделался ледяным: слова Сати попали точно в цель. Еще раз исподлобья оглядев гостиную, парень решительным шагом направился к выходу.

Поняв, что она только что сделала, Сати вмиг протрезвела.

— Постой! — почти крикнул она, хватая его за манжету рубашки. — Я действительно накурилась. И мне что-то совсем не хорошо…

— Идем, — велел Томас.

Уже в коридоре он сделал ей маленький укол в плечо.

— Что это за хрень?! — возмутилась Сати.

— Детокс. Очистит твой организм о всякой гадости минут через пять, — спокойно ответил Томас, ожидая подобной

реакции.

— Аааа, — протянула Сати и добавила, — Так что ты хотел рассказать мне?

Глаза Томаса заблестели мрачным самовлюбленным огоньком:

— Не уверен, что тебе это все еще интересно…

— Давай рассказывай! — потребовала девушка, ощутимо стукнув его кулаком в спину.

— Я знаю, как найти твоего друга, — сказал Томас, морщась от боли.

— Какого еще друга?

Томас взглянул на нее, словно видел в первый раз.

— Ойтуша Эвери. Если это имя, конечно, тебе все еще о чем-то говорит.

***

— В первую очередь займемся твоей физподготовкой, — сказал Айзек. — Ты слишком слаб, чтобы тренироваться в основном составе, и пяти минут не продержишься.

— Рад слышать, — угрюмо хмыкнул Ойтуш. Его сон был бессовестно коротким; казалось, и двух минут не прошло, как дружеский оскал Айзека показался в дверном проеме жилого модуля, который Ойтуш раздобыл на складе.

— Я наблюдал за тем, как ты двигаешься, — продолжал глава подземки. — Из тебя не состряпать бугая, разящего одним ударом, но вполне можно сделать быстрого и юркого солдата.

— Не будь у меня с детства обе ноги левые, — грустно усмехнулся Ойтуш, закатывая рукава свитера.

— Если будешь ныть, мне придется снова душить тебя, а я не хочу, — сказал Айзек, коснувшись все еще распухшего носа. — Попробуй-ка повторить за мной это движение.

Несмотря на сложную конструкцию его тела, киборг двигался легко и плавно. Перемещения, которые он показал Ойтушу, больше всего походили на танцевальные па, хоть и выглядели вполне воинственно.

— Этой технике много сотен лет, и я уверен, что она подойдет тебе.

— Почему? — спросил Ойтуш, пытаясь повторять за Айзеком, не теряя темпа.

— Овладев ей, даже слабый воин может одолеть более сильного.

Человеческое тело Айзека было отлично натренировано: мышцы играли на оголенном торсе, покрытом шрамами, а роботизированные части блестели в свете прожектора, напоминая доспехи. Неужели когда-то его можно было назвать слабым?

— У тебя неплохо получается, — сказал он, глядя, как Ойтуш неуклюже шаркает по земле, пытаясь повторять за ним. — Но ты можешь лучше.

Айзек сделал едва заметную подсечку, и тот споткнулся, падая носом вниз.

— Забавно, — усмехнулся Ойтуш, от неожиданности даже не разозлившись. — Научишь меня?

— Конечно. Для этого мы здесь, — улыбнулся Айзек, роняя его во второй раз.

Ойтуш поднялся, потирая пятую точку, и тут же получил ощутимый удар по шее.

— Не отвлекайся по мелочам, пока твой противник в игре, — сказал Айзек, и его нога взметнулась для нового удара.

К концу второго часа, тело Ойтуша было равномерно покрыто синяками и ссадинами, а сам он был взмокшим от пота. Но несмотря на это, его настроение было не меньше, чем превосходным. Айзек бил и ронял его всеми возможными способами, но всякий раз делал это беззлобно, не для того, чтобы унизить, а для того, чтобы научить.

Настоящим прорывов для Ойтуша стал момент, когда вместо того, чтобы упасть от очередной подсечки, он устоял на ногах и, изловчившись, толкнул Айзека пяткой в живот.

— Отлично, — прохрипел тот, сгибаясь пополам. — Ты быстро учишься.

— Чуть не забыл, Айзек, — сказал Ойтуш, пока тот не убил его. — Твои жуки действительно работают. Я кое-что вспомнил.

— Да? И что же?

— То, как упал в кислотный утилизатор. И то, что было потом. Мое спасение.

— Что-нибудь показалось тебе важным? — спросил Айзек, останавливаясь и отхлебывая из фляги.

— Там был один человек… Он не хотел, чтобы вы спасали меня.

Киборг смотрел на него, ожидая продолжения.

— Его имя Катокин.

— Да уж, Катокин не переносит времени, потраченного впустую, — хмыкнул Айзек, но заметив взгляд Ойтуша, тут же

добавил:

— Катокин вне подозрений, и это не обсуждается.

— Нейт уверен, что шпион — кто-то из личного состава, — сказал Ойтуш, беря протянутую фляжку.

— Стопроцентного алиби нет ни у кого, но Катокин стоит последним в моем списке. Когда-то я своими руками вытащил его из цепких лап протектория. Как и тебя, — Айзек прицепил флягу обратно на пояс. — Что-то еще или продолжим тренировку?

Он хотел спросить еще кое о чем, но никак не мог решиться.

— Ты никогда не рассказывал, но именно об этом я хотел узнать с момента нашей самой первой встречи, — начал Ойтуш, встречаясь взглядом с переливающимся в темноте демоническим глазом. — Кем был тот человек, который привел в подземку?

— Этим человеком был я сам, — ответил Айзек. — Я, как и многие из нас, долгое время провел в теплой компании тюремщиков и садистов протектория. И так же как и ты был отправлен на утилизацию по причине истекшего срока годности.

— Вот только меня никто не спасал, — продолжал он. — Когда я увидел, что осталось от моего тела после купания в кислоте, я хотел прострелить себе череп. Но вместо этого, я нашел парочку старых-добрых роботов и на скорую руку склепал себе новый, вполне функциональный организм.

— Его теперь не узнать, — сказал Айзек, рассматривая свои бионические конечности. — Слишком много модификаций претерпел. А вот начинка все та же.

— Нейт сказал, что вы с ним похожи, — припомнил Ойтуш. — Что это значит?

— Нейт сказал, Нейт сказал, — передразнил его Айзек. — Не стоит верить наслово каждой твари. Нейт — бывший полицейский, сделавший карьеру на продаже чужих органов. Жизнь не слабо потрепала его, и теперь все, что он может — это продавать информацию и покупать себе еще более уродливые части тела.

— И сигареты с кофе, — мрачно усмехнулся Ойтуш. — То есть, это ты привел в заброшенное метро первых людей?

— Я был первым, кто объединил их, — ответил Айзек, устремляя взгляд поверх головы Ойтуша. — Закончим беседу позже, идет? Мои головорезы подоспели.

Ойтуш обернулся и заметил, как к ангарам подтягиваются сонные офицеры. Некоторые из них с интересом рассматривали

Ойтуша, другим же было откровенно наплевать.

— Что, Айзек, новичка мучаешь с утра пораньше? — ехидно улыбаясь, спросила Карен, как всегда с сигаретой в зубах. Невысокая, стройная и огненноволосая она заметно выделялась на фоне остальных.

— Ага, готовлю его к тому, чтобы надрать тебе задницу, Гравано, — любезно оскалился Айзек. — Не самому же грязную работу делать.

— Да брось, я ему не по зубам, — сказала девушка, осматривая Ойтуша с головы до ног, отчего тому стало не по себе.

— Только сосчитай до трех, Айзек, и я разорву ее на части, — небрежно сказал Ойтуш. — Эту мерзкую сигарету. Девушка не должна курить.

Карен Гравано звонко рассмеялась, а вместе с ней и пара других только что подошедших солдат.

— Уйди с глаз моих, Эвери, — смертельно уставшим тоном сказал киборг. — Для нашего сборища прожженных психопатов, ты просто тошнотворно милый. Завтра в то же время, не забудь.

Но Ойтуш не стал далеко уходить. Спрятавшись за складами, так, чтобы его не было видно, он, несмотря на жуткую боль во всем теле, досмотрел офицерскую тренировку до конца.

Глава 18

— Тебе не кажется, что это… как бы сказать… немного бесчеловечно?

— Что именно?

— Подвергать Эвери реальной смертельной опасности?

— Не кажется. Препарат “Колония” совсем скоро элиминируется из его организма, а он так ничего и не вспомнил.

— Ты о жуках? — Тору передернуло от отвращения. — И как только он согласился принять его?

— Согласился, как миленький, — Айзек добродушно оскалился. — Жуки работают лишь на пике его эмоций, вкупе с адреналиновым выбросом.

— И все равно я не понимаю, — Тора снял очки и протер их полой халата. — Ведь ты же недавно пытался убить его, так?

— Я пытался задушить его, — сказал Айзек. — Ну, не серьезно, конечно, так, в качестве мотивации. Я был уверен, что он отрубится, и канал памяти выведет его воспоминания.

— Но?

— Но этого не произошло. Кровь не поступала в мозг, или что-то в этом духе. Ты же у нас медик, вот и объясняй сам.

— Значит, чтобы воспоминания Эвери об Острове вернулись, ты будешь посылать его с нами в самое пекло событий? — подытожил Тора.

— Да, все верно, — кивнул глава сопротивления. — А ты будешь присматривать за ним. К тому же я дам Эвери парочку бонусов.

— Научишь его своему боевому танцу и стрельбе? По-твоему этого достаточно, чтобы он уцелел?

— Не надо недооценивать Ойтуша. Физически он слабоват, но у него огромная воля к жизни.

Тора помолчал, осмысливая сказанное. Он чувствовал, что отнюдь не воспоминания так ценны для Айзека, точнее, не только они. В Ойтуше Айзек видел себя из прошлого, поэтому невольно взял его под свое крыло. Раньше никому из офицеров такой чести не выпадало.

— Как скажешь, Айзек, — наконец сказал Тора. — Я тебе верю.

***

Несколько недель пролетели для Ойтуша словно один день. Рано утром он тренировался с Айзеком, после — украдкой смотрел тренировку личного состава, а остальное время проводил в безуспешных попытках узнать хоть какие-то новости о внешнем мире. Заметив его интерес, Айзек разрешил Ойтушу посещать “пункт слежения”, которым заведовал Захария.

Чтобы следить за обстановкой в мире, мальчишка использовал шпионские программы, собирающих данные с наиболее значимых поисковиков, социальных сетей и личных аккаунтов представителей власти. Признаться, Ойтуш был немало удивлен, когда узнал, какими возможностями располагает сопротивление.

— Как же вы до сих пор не вычислили координаты Острова?

— Это скрывают не только от нас, — вздохнул усталый Захри, у которого как раз сейчас были переводные экзамены в школе Метрополя. — Дурят голову всему миру. Вот смотри.

— Что это? — спросил Ойтуш, без всякого понимания уставившись на документ, который Захария предоставил ему.

— Это передвижения глайдеров за последний месяц, — пояснил тот. — Есть подставные глайдеры, есть настоящие, с этим мы уже разобрались.

— Но взгляни на конечную точку, — продолжал Захария, — Координаты каждый раз разные.

Он потыкал указкой на десяток островов в мировом океане.

— За последний месяц ни один глайдер не садился в одном и том же месте. Некоторые и вовсе возвращались в ангар, описав круг над водным пространством.

— Получается, Острова не существует? — нервно улыбнулся Ойтуш.

— Нет никаких официальных данных, — развел руками Захри.

— Но… — заикнулся было Ойтуш, но тут же осекся: Айзек не велел рассказывать о том, что он что-то знает.

— Можешь ни о чем не говорить мне, — сказал Захария, поняв его с полуслова. — Глава ввел нас в курс дела. Меня и Тору.

“Так вот, значит, как”, — подумал Ойтуш. — “А я тут старательно разыгрываю невинного идиота”.

— Сейчас я действительно ничем не могу помочь, — он с сожалением покачал головой, продолжая разглядывать хаотичные

линии полета глайдеров. Остров существует, и это Ойтуш знал точно. Вот только где?

Утренние тренировки давали свои плоды. Новые синяки появлялись на месте старых, а свежие мозоли на порвавшихся мозолях. Ранние подъемы буквально насиловали организм Ойтуша, а годовая программа подготовки солдата, которую Айзек умудрился впихнуть в один месяц, давалась потом и кровью.

Глава подполья не ограничивался только боем, он учил Ойтуша стрелять и использовать в драке любые подручные предметы, учил двигаться в экзоскелете устраивал изнурительные пробежки по туннелю. И как бы Ойтушу ни было трудно, он чувствовал, что совершает стремительный полет от безвольного тюфяка до человека, который может постоять за себя.

Засыпая после долгого дня в своей палатке, Ойтуш снова и снова прокручивал в голове тот ужасный момент из прошлого, когда аниматус схватил Сати по приказу протектория. Как бы он поступил сейчас? В своих мечтах Ойтуш ловко сворачивал шею этой твари, но здравым умом он понимал, что любой из этих выродков за минуту уничтожит весь личный состав Айзека во главе с ним самим. Сила аниматусов была запредельной и недосягаемой для человека.

— Я вижу, твоя одежда совсем прохудилась, — покачал головой Айзек, когда подошва ботинка Ойтуша навсегда распрощалась со своим местоположением. Его штаны напоминали лохмотья, а свитер износился настолько, что парень едва ли не выпадал из него. — Есть у меня для тебя подарок. Держи.

Взглянув на то, что Айзек протягивал ему, Ойтуш с трудом удержался от победного танца. Это был аккуратно сложенный комплект черной полицейской формы.

— Теперь ты официально в моей команде, солдат Эвери, — сказал Айзек и крепко пожал ему руку своей человеческой конечностью. — Прими мои поздравления, офицер.

Ойтуш долго не знал, что сказать. Он мечтал об этой форме с самого первого дня в подземке, но только сейчас чувствовал, что по-настоящему заслужил ее.

“Теперь ты можешь гордиться мной”, — подумал он, представляя себе улыбку на лице Сати.

С этого дня индивидуальные тренировки с Айзеком

закончились, и уже завтра Ойтуш должен был начать заниматься вместе со всеми. С одной стороны, он радовался, что сможет спать на два часа дольше, но с другой стороны его бросало в дрожь при мысли о том, что он станет посмешищем. Многие солдаты недолюбливали его, выскочку, что так нагло пробился в элиту, другие в открытую насмехались. Например, эта рыжеволосая, Карен Гравано, вечно дымящая сигаретой, как паровоз. Ойтуш не знал, что бесит его больше: ее неуместный громкий смех или же постоянное щелканье зажигалкой.

Оказалось, что она всего на год младше Ойтуша. Карен сбежала из дома, когда ей стукнуло шестнадцать, и сразу же примкнула к сопротивлению, о котором так много слышала. Айзек говорил, что она одна из лучших в его команде, хоть у нее и язык без костей.

Ее друзьями были Томб Ситис по прозвищу Протон — здоровенный парень с железными зубами и Эвелин

Кертис — та самая анорексичная брюнетка с собрания, с глазами, напоминающими глаза голодного хищника. Протон нравился Ойтушу: он был незатейливым, но честным парнем, а вот Кертис, должно быть, отсидела срок за сбыт сильных наркотиков. Ойтуш был почти уверен, что именно она таскает морфин из медблока, но, так или иначе, теперь они были в одной команде, а это значит, что надо было заткнуться и привыкать.

На следующее утро Ойтуш проспал. Когда он добежал до окраины лагеря, весь личный офицерский состав уже выстроился перед Айзеком. Незаметно встав в конец шеренги, Ойтуш многократно проклял Захарию и его чертов неисправный будильник. Айзек сделал вид, что ничего не заметил, а вот Гравано не упустила случая напомнить о себе:

— Каким надо быть болваном, чтобы опоздать на службу в первый же день? — негромко сказала она, высовывая вперед свою рыжую патлатую голову.

Ойтуш никогда не лез за словом в карман, но сейчас ему не хотелось огорчать Айзека, который так много на него поставил. Он промолчал, глядя себе под ноги, решив, что еще успеет одолеть Гравано в языковых баталиях.

Ойтуш подсматривал за тренировками личного состава и знал, что после пробежки, стрельбы и физподготовки, будет спарринг. Вначале солдаты, разбившись по парам, по очереди отрабатывали нападение и защиту, затем — практиковали

свободный стиль.

Он заметил, что большинство использовало совершенно иную технику, отличную от той, что ему давал Айзек. Протон предпочитал сражаться на короткой дистанции; его удары были хорошо поставлены, а гигантские кулаки били точно в цель. Того же стиля придерживался Катокин и темнокожий мужчина по имени Рейли. Большинство женщин использовало ножи, в том числе и Карен. Ман, тот самый “бывалый” с татуировкой вокруг правого глаза, боролся со своим партнером, используя нечто напоминающее джиу-джитсу, а Кертис почти не наносила ударов, изматывая соперницу и уворачиваясь от ее ударов, словно поток воды.

Ойтуша немного смутило, что все дерутся кто на что горазд, но взглянув на совершенно довольного Айзека, он понял, что в этом и заключается его задумка. Подобрать к каждому свой стиль ведения боя — гениальная идея для такого разношерстного войска.

— Ты, должно быть, с женщиной был, раз проспал? — раздался из-за спины Ойтуша насмешливый голос Гравано.

— Что?! — он буквально задохнулся от ее наглости.

— Или твоя палатка слишком мала, чтобы спать там вдвоем? — продолжала Карен, вертя в руках свой нож.

— Моя палатка стоит слишком далеко от твоей, чему я несказанно рад, — проворчал Ойтуш, испепеляя девушку взглядом.

— Да, тебе повезло. Иначе я бы перерезала тебе горло, пока ты спишь, — заметила Гравано с милой улыбкой.

— Айзек, я кажется чего-то недопонимаю, — шепнул Ойтуш главе сопротивления, когда девушка встала в пару с другим партнером. — Это нормально, что все меня ненавидят?

— Это стая волков. Пока ты не покажешь на что способен, тебя не станут воспринимать всерьез, как одного из своих, — ответил киборг.

— Тогда дай мне шанс.

— Выбирай, — развел руками Айзек.

Ойтуш заприметил парня среднего роста, довольно крепкого, но и не напоминающего гору мышц, как Протон.

— Вон тот, — сказал он Айзеку. — Моей комплекции.

— А ты высокого мнения о себе, — усмехнулся Айзек. —

Ривал, подойди!

Пожав руку своему сопернику, парень подбежал к ним.

— Только не убивай новичка. Пригодится еще, — сказал Айзек и подтолкнул Ойтуша в крепкие объятия Ривала.

Пожав руки, двое солдат встали друг напротив друга. Ривал сразу же занял боевую стойку, а Ойтуш, чувствуя себя полным идиотом, начал делать те самые перемещения, которым его научил киборг. Улыбка промелькнула на лице Ривала, а в следующую секунду он пробил Ойтушу в челюсть. Точнее, в то самое место, где только что была его челюсть.

Не останавливаясь, Ойтуш двигался вокруг парня, словно по орбите. Раздосадованный своей оплошностью, Ривал сделал еще несколько ударов, но каждый раз Ойтуш успевал уворачиваться от них.

«А тебя не так-то просто раскачать», — подумал Ойтуш. — «Ну же, сделай всего один шаг». И Ривал сделал.

Ойтуш уронил его, не успев понять, что происходит. Разговоры быстро смолкли, и парень почувствовал, что с этого момента все взгляды были прикованы только к ним.

Дальше все продолжалось по очень простой схеме: Ривал поднимался, пытался достать Ойтуша, тот уворачивался и подсекал его. Послышались смешки и выкрики типа «Хватит танцевать» и «Ривал, втащи ему», но факт оставался фактом: Ойтуш был проворнее, и Ривалу нечем было ему ответить.

Парень начал терять терпение, а еще больше — сцепление с земной поверхностью. Он и сам стал танцевать, шатаясь и путаясь в ногах. Выждав удачный момент, Ойтуш сделал вид, что сейчас врежет ему по лицу, и когда Ривал закрылся от гипотетического удара, сильно толкнул его ногой прямо в грудь.

Ривала подхватили товарищи, не дав в очередной раз приложиться об землю. Его взгляд не предвещал ничего хорошего, и Ойтуш решил, что сейчас волчья стая разорвет его на части. Выскочку, что посмел бросить вызов одному из них.

Но вместо этого он услышал недружные хлопки, что гулко разносились по подземке. Взглянув на лица офицеров, он увидел, что многие из них одобряюще улыбаются.

— Это было круто, — выдавил из себя Ривал, поднимаясь и протягивая Ойтушу руку. Крепко сжав его ладонь, Ойтуш запоздало сообразил, что ему удалось произвести впечатление на

команду, и что эти хлопки звучат сейчас в его честь.

В конце тренировки Протон и еще несколько солдат подошли, чтобы также пожать ему руку. Ойтуш бросил взгляд на Айзека, но тот лишь едва заметно подмигнул и пожал плечами, мол, ты сам справился, я тут ни при чем. И лишь Карен окинула его все тем же презрительным взглядом.

— Если бы при виде врага, каждый из нас начинал танцевать, сопротивление давно вымерло бы, — бросила она, щелкая зажигалкой.

— Она просто завидует тебе, — сказал Протон, подходя ближе.

— Чему завидовать? Ясно же, что она опытнее.

— Ты слишком быстро делаешь успехи, — ответил парень. — А еще, по-моему, ты ей нравишься.

— Она так сказала? — изумился Ойтуш.

— Нет, просто я давно ее знаю, — Протон усмехнулся. — А она ничего, правда?

Ойтуш украдкой глянул на Карен. Длинные волосы, тонкая талия и роскошная грудь делали ее очень привлекательной, даже несмотря на манеры и привычку курить.

— Ничего. Но у меня уже есть девушка, — ответил Ойтуш, поворачиваясь к Гравано спиной.

— Да ладно. И где она? — поинтересовался Томб.

— Лучше тебе не знать, приятель, — вздохнул Ойтуш, хлопая его по плечу.

***

Во второй половине дня состоялось собрание, на которое Ойтуш был приглашен уже в качестве полноправного участника. На этот раз он явился без опозданий. Уже по привычке Ойтуш начал искать глазами Катокина, но его здесь не было, должно быть, был в охране на контрольно-пропускном пункте.

— В одной метропольской психлечебнице пропали люди, — доложил Захария, переходя сразу к делу.

— Люди? В смысле, персонал? — уточнил Рейли.

— Люди, в смысле пациенты. Психбольные, — сказал Захария.

— Какое нам дело до тамошних психов? — спросил Соторн, словоохотливый и острый на язык солдат, частенько

доставляющий неудобства Айзеку, резко высказываясь на собраниях. Однако глава все равно терпел Соторна по причине его непревзойденных лидерских качеств.

— Все, что происходит в Метрополе, так или иначе отражается на нас, — спокойно заметил Айзек, скрещивая руки на груди, — Продолжай Матиас, мы слушаем тебя.

— Я тоже не придал этому значения месяц назад, — Захария присел на краешек стола, — Если бы вчера один из них не вернулся домой. И не попытался зверски убить свою семью.

В палатке наступила тишина, лишь огонь потрескивал в небольшой переносной печке.

— По словам очевидцев, он мало напоминал человека, — продолжил Захария, — И действовал словно животное, движимое инстинктами.

— А что с другими? — спросил Айзек.

— Судьба остальных четверых неизвестна.

— Между этими больными было что-то общее? Кем они были? — поинтересовалась Карен.

— Обычные граждане Второго класса, в особых списках протектория не числились, диагнозы разные… хотя, постойте, — мальчик вдруг вспомнил кое о чем, — Им всем была сделана лоботомия.

— Куда могли деться пять пациентов с лоботомией? Устроили побег? Ведь они же, как овощи, — сказала Карен.

— Их похитили, ясное дело, — сказал Рейли. — Вот только кому это нужно?

— Тем, кому нужны люди, беспрекословно выполняющие приказы, — ответил Айзек нахмурившись. — Что ты думаешь по этому поводу, Матиас?

“Айзек высоко ценит Захарию”, — мелькнуло в голове у Ойтуша. — “И это несмотря на то, что ему всего одиннадцать”.

— Я согласен, — кивнул мальчик. — У больных с лоботомией отсутствует мотивация, они не способны принимать сложные решения. И все же, этот тип из больницы всех удивил. Пока его семейство было на работе, он пробрался в дом, дождался их возвращения, а затем пытался прирезать их одного за другим. Ясно одно: над ним неплохо поработали.

— Поработали кто? — уточнил Соторн.

— Те, кто сделал с ним это, — Захария кинул на стол пачку снимков, сделанных в морге.

— Твою мать, — выругался Соторн, глядя на то, что было запечатлено на них.

Ойтуш взял одну из фотографий, и тут же пожалел об этом: изуродованное тело не было человеческим. Над ним словно поработал сумасшедший хирург-экспериментатор, дорвавшийся до бензопилы. Мышцы верхних конечностей несчастного парня были неестественно раздуты, словно их чем-то накачали изнутри, а голова, напротив, была маленькая с выемкой вместо отсутствующих лобных долей. В довершение всего, было хорошо заметно, что тело было разрено на куски, а затем заново сшито, а вместо правой кисти и вовсе было нечто, напоминающее кусок фарша.

— Видок тот еще, но семейство Бергер утверждает, что это определенно был их расчудесный Мониш, — сказал Захария.

— Почему? — спросил Рейли.

— Он помнил каждого по именам, знал факты известные только их семье.

— Как он погиб? — спросил Ойтуш, не в состоянии оторваться от изображений.

— Старший брат застрелил из ружья, — ответил Захария. И правда: в груди у Мониша Бергера было черно-багровое отверстие с запекшейся кровью.

— А с рукой что? — спросила Карен, внимательно глядя на фото.

— Его пятилетняя дочь засунула ее в измельчитель, когда он попытался перерезать ей горло, — мрачно ответил Захария.

— Ну и дела…

— Он действовал продуманно, но ему явно не хватило… прыти, что ли, — нашел нужные слова Захария. — Словно его создатели не до конца завершили свою работу, и образец получился бракованным.

— Поступим так, — Айзек внимательно оглядел присутствующих. — Я отправлю три отряда. Рейли и Ман, вы пойдете в морг, пока тело парня еще не утилизировали, Гравано и Ситис — к родственникам, а Тора и Эвери — в психушку, пообщаться с местными завсегдатаями. Наверняка они что-то видели.

Ребята переглянулись, а Ойтуш почувствовал, что сердце его забилось с бешеной скоростью. Снова в Метрополь? Ведь это реальная возможность разузнать хотя бы что-то о Сати. Сможет

ли он выполнить приказ, или искушение провести личное расследование захватит его целиком?

— Захария подготовит вам пиратские чипы, действующие ровно сутки, — продолжал киборг. — На это время у вас будут имена и судьбы счастливых обитателей Метрополя, однако, по истечении двадцати четырех часов, вы либо снова будете частью сопротивления, либо погибните. Это рискованная операция, но если в Метрополе происходит подобная чертовщина, мы обязаны выяснить, кто за ней стоит. Есть те, кто хочет отказаться?

Желающих не нашлось, и Айзек отпустил их готовиться к вылазке.

***

Сати кляла себя на чем свет стоит. После “вечеринки”, даже несмотря на укол антидота, щедро полученный от Томаса, она еще целые сутки провалялась в кровати в ужасном состоянии. Сати ненавидела себя за болтливый язык, но больше всего за то, что упустила шанс пообщаться с Ойтушем. А ведь именно этого она ждала несколько месяцев!

После того как Томас велел ей сконцентрироваться на Ойтуше, чтобы через ее сознание подключиться к нему, в голове Сати началось невиданное светопреставление, закончившееся позорным опорожнением желудка. Томас лишь горько усмехнулся, напоил ее сладким чаем и проводил до отсека. Вот тебе и пообщались.

— Больше никогда не буду пить, — сказала она, морщась от вкуса крепкого черного кофе.

— Не зарекайся, — улыбнулся Томас, завтракающий рядом.

К великому облегчению Сати, он даже не вспомнил позавчерашний разговор, словно его и не было. Жизнь продолжалась, а о некоторых вещах лучше было просто забыть.

— Мы сможем попробовать еще раз? — робко спросила Сати, имея в виду “сеанс телепатии”.

— Ну не знаааю, — протянул Том, рассматривая кусочек яблока, нанизанный на вилку. — А стоит ли?

— Ну перестань, — девушка скорчила недовольную гримасу. — Ты же знаешь, что мне…

В эту секунду за соседний столик с шумом приземлился Юкка, тот самый новичок.

Его бледное веснушчатое лицо выглядело усталым и

изможденным, а под глазами виднелись темные круги от недосыпа.

— Я тут скоро с ума сойду, — проворчал он и зажал уши обеими руками.

Томас и Сати переглянулись.

— Что-то ты неважно выглядишь, — сказал Том, касаясь его плеча. — Все в порядке?

— Девочка все время кричит, — парень потер усталые глаза.

— Какая девочка?

— Не знаю, — ответил Юкка. — Я понятия не имею, что с ней делают, но она кричит уже больше суток.

— Ты слышала что-нибудь? — спросил Томас у Сати, но та отрицательно покачала головой.

— Это нормально, что вы не слышите, — сказал Юкка. — Мой слух гораздо острее, чем у обычных людей.

— Одаренность? — уточнила Сати.

— Да, вот только я не умею ей управлять, — рыжеволосый виновато пожал плечами. — Я узнал о том, что одарен всего месяц назад.

Ну надо же. Вот “повезло” парню: узнать о том, что ты одарен за месяц до шестнадцатилетия. Некоторые полжизни не могут с этим свыкнуться.

— И что же именно ты слышишь? — скептически поинтересовался Томас.

— Она кричит словно от боли, да так, что голова раскалывается на части, — ответил парень нахмурившись. — Но слов я не могу разобрать, словно это не человек орет, а животное.

“Это она”, — твердый голос Томаса прозвучал в голове Сати. — “Причина спора Эвридики и Роланда”. Девушка едва заметно кивнула, соглашаясь с ним.

— Юкка, ты можешь определить, где находится источник звука? — спросила она.

— Теоретически да, — на секунду задумавшись, ответил тот.

— Нужно отыскать ее, — уверенно сказала Сати.

— Не объяснишь, зачем тебе это? — как бы между делом спросил Томас, откидываясь на спинку стула.

— Ее пытают, Том. Помнишь, Роланд говорил, что ее нужно принудить к сотрудничеству?

Юкка с интересом смотрел то на одного, то на другого, и Сати поняла, что вновь сказала лишнего.

— Так вы знаете, кто это? — наконец спросил он. — Кто-то из студентов?

“Ну молодец, Сати”, — безмолвно произнес Томас.

— Хочешь поучаствовать в расследовании, Юкка? — заговорщическим тоном предложила Сати. — Поможешь нам отыскать ее.

— Я бы с радостью, но звук такой интенсивности может убить меня, — покачал головой рыжеволосый парень. — По моим ощущениям, она находится где-то на нижних этажах, но я слышу ее, словно в соседней комнате. Если я подойду ближе, мои барабанные перепонки попросту взорвутся.

— Наденешь специальные наушники, — ответила Сати. — В тире есть несколько.

— Так, детишки, постойте, — Томас почувствовал, что пахнет неуместной авантюрой. — Кем бы ни была эта девочка, она наверняка находится под охраной. Вас не пустят дальше разрешенных для прогулок мест.

— Нас, — поправила Сати. — Ты тоже пойдешь, и откроешь все двери магнитным ключом.

— А вот и нет, — фыркнул Томас.

— Только не говори, что тебе не интересно, — прищурилась Сати.

— Это злоупотребление служебным положением, — покачал головой Томас. — Меня могут отстранить от работы.

— Ладно, сами справимся, — сказала Сати, вставая из-за стола. — Пойдем, Юкка.

Томас глубоко вздохнул. Не то чтобы он не хотел помогать им, скорее, просто догадывался, что они могут увидеть. Томас на многое закрывал глаза, но отголоски жестоких экспериментов, оседающих в сознании научных сотрудников, частенько не давали ему покоя. Он знал, что никак не сможет помешать этому, и просто закрывал глаза. Но Сати хотелось докопаться до истины. Что ж, это можно устроить. Вот только пацана жалко — свихнется еще.

— Окей, я иду с вами, — вдруг сказал Томас.

“Но только при одном условии”, — добавил он, мысленно обратившись к Сати.

“При каком?”

“Ты исполнишь мое желание”, — он самодовольно взглянул в глаза Сати, и та покраснела.

“Идет”.

Глава 19

— Если мы хотим идти, надо поторопиться, — сказал Юкка. — Завтрак заканчивается, сейчас все разбредутся по аудиториям. На нас никто не обратит внимания.

Парень, похоже, и сам загорелся этой смелой идеей. Ему хотелось испытать свою одаренность в деле, принести хоть какую-то пользу. Наверняка в своей прошлой жизни этот конопатый, застенчивый тип не пользовался популярностью у сверстников, но здесь, на Острове, он мог все начать с нуля. Опрокинув стакан с соком, словно стопку, Юкка взволнованно потер вспотевшие руки.

— Совсем забыл сказать, — куда-то в пустоту сказал Томас, легонько стукнув по столу ладонью. — Если наш новый друг проболтается кому-то об этой авантюре, он будет слышать в своей голове не только крики, но и мой чарующий голос. Я буду напоминать ему о том, как он был неправ. Днем и ночью, семь дней в неделю.

— Я-я никому не скажу, клянусь, — жалобно выдавил из себя Юкка. Энтузиазм его вмиг погас.

— Не сомневаюсь, — губы Томаса на секунду растянулись в холодной улыбке. — Идемте.

Путь вперед не занял много времени. Троица быстро миновала знакомые коридоры, где им навстречу попадались редкие, спешащие на занятия студенты. В научном секторе народу тоже было немного: Томас сухо поздоровался с группой профессоров, обсуждающих что-то по работе. На Юкку и Сати внимания они не обратили.

Дальше начались бесконечные коридоры с налетом разрухи и нечистот, хорошо знакомые Сати по вылазке в архив. Вот только здесь, на нижних этажах было холодно, отталкивающе пахло медикаментами и канализацией.

Юкка показывал путь очень уверенно, и лишь иногда на развилке замирал на несколько секунд.

— Она все еще кричит? — тихо спросила Сати.

— Нет, — ответил парень. — Но я настроился на ее тональность и теперь могу улавливать даже незначительные звуки, которые она издает.

Должно быть, это как слышать чей-то голос в большой толпе:

слух выдергивает его из общего гула, концентрируется на одном из нескольких сотен голосов.

Спустя еще несколько поворотов, Юкка наконец остановился.

— Она там, — уверенно сказал он. — За этой дверью.

— Ты уверен?

— Да, я слышу, как бьется ее сердце.

Сати пристально посмотрела на Томаса, и тот послушно приложил к замку пластиковую карточку пропуска.

Однако за дверью их ждал сюрприз. “Бившееся сердце” принадлежало вовсе не маленькой девочке, а большому охраннику, что сидел за монитором.

— Кто вы такие, мать вашу?! — без церемоний рявкнул он, поднимаясь со стула. Ясно было, что посторонним здесь не место.

— Сядь и занимайся своим делом! — выпалил Томас с побелевшим лицом.

Сати и Юкка в ужасе посмотрели на охранника, ожидая, что сейчас он размажет Томаса по стенке, но тот как ни в чем не бывало опустился на свое место.

— Как ты это сделал? — Сати изумленно взглянула на одаренного.

— Без понятия, — Томас осторожно подошел к охраннику и пощелкал пальцами перед его носом. Но тот смотрел в монитор сквозь его руку, словно секунду назад никто и не заходил в комнату.

— Он словно под гипнозом, — сказала Сати. — Ты раньше так делал?

— Даже не пробовал, — ответил Томас. — Должно быть, я воздействовал на него на психическом уровне. Он воспринял мои слова, как приказ.

Юкка все еще стоял у дверей, не решаясь пройти дальше.

— Для нас же лучше. Смотрите, — Сати подошла к прямоугольному окну во всю стену. За ним виднелась белая комната овальной формы, по центру которой стояло что-то вроде небольшого ящика.

Вдруг дверь с той стороны открылась, и в овальную комнату вошла пожилая женщина с подносом в руках. Сати, Юкка и Томас разом присели: окно, за которым они стояли, находилось как раз напротив нее.

— Сарасти, милая, ты должна немножко поесть, — слышимость была очень плохая, но различить теплые заботливые нотки в голосе женщины было нетрудно.

Сати высунула макушку, и чуть не закричала от ужаса. Дама стояла прямо напротив нее! Их разделяли какие-то жалкие сантиметры, но секунды шли и, ничего не происходило.

— Одностороннее зеркало, — шепнула Сати. — Она не увидит нас.

Томас и Юкка медленно показались из своего укрытия.

Женщина несколько раз улыбнулась, словно примеряя улыбку на свое лицо. У нее были седые волосы, забранные в пучок и элегантное темно-синее платье ниже колен.

— Это Эвридика, — уверенно сказал Томас.

Да уж, его невозможно было перехитрить даже кардинальной сменой образа.

Тем временем женщина присела рядом с ящиком и поставила поднос на пол.

— Сарасти, — ласково позвала она. Тут из ящика показалась худая, бледная рука с длинными грязными ногтями. Схватив яблоко, конечность утащила ее в свою конуру.

— Вот молодец, хорошая девочка, — похвалила Эвридика, не переставая улыбаться. Вместо ответа из укрытия послышались утробные звуки и громкое чавканье.

— Жуть какая, — прокомментировал Юкка, во все глаза следя за происходящим.

Рука потянулась было за новой порцией, но Эвридика осторожно отодвинула поднос чуть дальше.

— Может быть, ты выйдешь, и мы поговорим?

Послышался недовольный рык.

— У меня есть десерт для тебя, — продолжала Эвридика, следя за тем, чтобы ее тон был максимально дружелюбным — Ты ведь любишь пирожные?

Ответа не было.

— Сарасти, мне очень нужно, чтобы ты вышла, — в голосе женщины послышались умоляющие нотки.

Очень медленно, шаг за шагом, существо показалось из ящика. На вид это была девочка лет одиннадцати-двенадцати, светловолосая, бледнокожая. Ее волосы были когда-то подстрижены в аккуратное каре, но торчали во все стороны

грязными и спутанными патлами.

Стройное тельце девочки выглядело изможденным: должно быть, она долгое время провела в неволе. Из одежды на Сарасти были только светлые трусы, такие же грязные и неопрятные, как и все тело, а на глазах — темная, непроницаемая повязка.

Да, она выглядела как человек, но ее жесты и движения были пугающими. Она двигалась, как обезьянка, опираясь на все четыре конечности. Замирала в жутких и неудобных позах, то пытаясь почесать пяткой себе за ухом, то укусить себя за локоть. И все это время ее лицо жило своей жизнью: рот то скалился, то растягивался в безмолвном крике, нос все время морщился, принюхиваясь, а язык то вываливался изо рта, то пытался достать до носа.

— Она безумна, — заключил Томас.

— Ты можешь прочесть ее мысли? — Сати не могла оторвать взгляда от девочки.

— Слишком хаотичные, — Томас нахмурился и потряс головой. — Даже пытаться не буду лезть в ее больную голову.

А Сарасти тем временем уже полностью вылезла из ящика и теперь остервенело вгрызалась в шоколадный кекс.

— Ты ведь поможешь нам, дорогая? — осторожно продолжала Эвридика, гладя ее по голове. — Ты очень нужна нам. Мне, Роланду…

Услышав имя “Роланд”, Сарасти отреагировала незамедлительно. Молниеносным движением она запустила кекс в лицо Эвридики. Та зажмурилась, смахивая крошки, а девчонка, воспользовавшись моментом, лягнула ее пяткой прямо в нос.

В этот момент в овальную комнату вошли еще двое. Троица вновь инстинктивно пригнулась, забыв, что их невозможно увидеть.

Это были Роланд Грейси и Дана Хатт, неразлучная парочка.

— Жалкое зрелище, — прокомментировал Роланд, — Моя лучшая сотрудница не может справиться с девчонкой.

Эвридика с трудом поднялась с пола, держась за стену. Из носа у нее шла кровь, а в глазах блестели слезы.

— Иди приведи себя в порядок, — велел Грейси. — И забери это отсюда.

Эвридика поспешно собрала остатки еды на поднос ушла.

— И почему ты такая строптивая? — Роланд обращался уже к

Сарасти. Та нахмурилась и зашипела, словно затравленный зверек. Повнимательнее посмотрев на ее тело, Сати заметила следы побоев: должно быть, встречи с Роландом были далеко не такими дружелюбными, как с Эвридикой.

— Может расскажешь, — президент взял деревянную палку, которую ему протянула Дана. — Как слепая девочка может быть такой шустрой?

Сарасти попятилась было обратно к ящику, но Роланд коротко ударил ее по спине.

— Ты вырезала целую бригаду санитаров, пока тебя везли в психушку, — снова резкий удар, на этот раз ниже, по почкам. — Прирожденная убийца, наделенная звериным чутьем. Представляешь, какую силу ты получишь, если будешь работать со мной?

Не так приглашают на работу, ох не так. Сати, Юкка и Томас замерли перед стеклом, не в силах пошевелиться. Вдруг Том резко прижал ладони к вискам, словно голова его взорвалась от боли.

— Что с тобой?

— Он делал с ней столько ужасного, — прошептал Томас, отворачиваясь от окна. Неизвестно что он прочел в мыслях Сарасти, но Сати была готова поверить ему на слово.

— Все, что тебе нужно — добровольно отдать свою душу, — продолжал Роланд, пресекая все попытки Сарасти залезть обратно в свое убежище. — Тогда больше никто и никогда не посмеет тебя обидеть.

Но у девочки была своя правда. Человек с палкой угрожал ей, бил ее, и она ждала лишь того самого момента, когда сможет атаковать. И такой момент нашелся.

Стоило Роланду на миг отвлечься, как Сарасти вцепилась в его ногу мертвой хваткой, словно какой-нибудь питбуль.

— Ах ты, мелкая сучка! — заорал он, отбиваясь палкой.

Под его натиском Сарасти быстро сдалась, но президент и не думал останавливаться. Он бил ее с расчетливостью профессионального палача, целясь в самые уязвимые части тела. Дана Хатт стояла рядом с холодной полуулыбкой, а ее рука небрежно лежала на рукояти электрошокера.

Сарасти визжала и рычала от боли и ненависти, словно волчонок. Белая комната перепачкалась ее кровью, а багровое лицо Роланда уже взмокло от усердия.

— Она больше не может защищаться, — прошептала Сати, не отрывая глаз от маленькой фигурки, что обессиленно корчилась на полу.

А рядом Юкка упал в обморок: наушники не спасли его на таком близком расстоянии от источника звука.

— Сати, не смотри, пожалуйста, не смотри, — взмолился Томас, пытаясь закрыть ее глаза своими руками.

— Он заплатит за это, — прошептала она сквозь зубы.

В этот момент Сарасти повернула голову к окну. Повязка съехала с ее глаз, обнажая красные прорези, лишенные глазных яблок, но Сати могла поклясться, что она смотрит прямо на нее.

Это длилось всего секунду, прежде чем Роланд не вырубил ее точным ударом в затылок. Бросив дубинку, он мрачно посмотрел на свое отражение в стекле.

— Не люблю обижать маленьких девочек, — он вытер свое вспотевшее лицо шарфом.

— Просто обожаешь, — с акцентом ответила Дана, рассматривая лежащее на полу тельце. — Ты выбил ей зубы.

— Я бы еще и ногти ей выдрал, — бросил он. — Пойдем отсюда.

Они ушли, а двое санитаров поспешно утащили Сарасти, даже не удосужившись положить на носилки.

— Нам пора уходить, — сказал Томас.

***

Обратно они почти бежали. Томас взвалил отключившегося Юкку к себе на плечи, словно рюкзак.

— Надеюсь, его слух не сильно пострадал, — сказал он.

Сати ничего не ответила. Ее лицо было белым, словно мел, а губы плотно сжаты. И лишь глаза выражали смесь ненависти и отвращения.

— Лучше всего нам сейчас вернуться к своим делам, — Томас выгрузил тело Юкки на одно из кресел в главном холле. — А его я к врачам отнесу, вот только подкорректирую немного

воспоминания.

Сати молча села рядом.

— Ты как? — Томас внимательно взглянул ей в глаза. — Если хочешь все забыть, я могу это устроить…

— Не смей, — тряхнула головой девушка и добавила, — Я хочу убить его.

— Ну-ну-ну, — Томас оглянулся по сторонам. — Видела, что бывает с теми, кто говорит Роланду “нет”?

— Тебе проще смириться? — часть гнева Сати перебросилась и на Томаса.

— А что ты предлагаешь? — уже громче произнес парень. — Ты предложила отыскать эту Сарасти, и посмотри, что теперь? Пацан в отключке, и непонятно теперь, сможет он слышать или нет.

Сати промолчала: Томас был прав.

— Нам нужно поговорить с Эвридикой, — наконец сказала она.

***

— Расслабься, но глаза не закрывай, — велел Захария Ойтушу, а затем кивнул медсестре. — Давай, Зои.

Молодая девушка в белом халате воткнула длинную толстую иглу куда-то в область левого уха Ойтуша. Точнее он сказать не мог — заморозка работала на славу.

— Чуть глубже, — направил Захария, сверяясь с изображением на мониторе. — Так хорошо. Все, теперь извлекай зонд.

Пиратский микропроцессор был успешно установлен. После того как Захария проверил его рефлексы, Ойтушу было разрешено присесть на кровати.

— Запоминай, потому что от этого зависит твоя жизнь, — вкрадчиво произнес мальчик. — Зои установила в тебя генератор альфа-волн. У каждого человека они уникальны, и все же эти были сгенерированы искусственно.

— Тобой? — уточнил Ойтуш.

— Не перебивай, пожалуйста, — Захария был собран как никогда.

— При встрече со сканирующим дроном в Метрополе, он в первую очередь проверит, нет ли тебя в черном списке, куда

попадают преступники и враги государства, — продолжал он. — И только потом отправит запрос на подтверждение личности в главный архив протектория. Ответ поступит в течение суток.

— То есть на все про все у меня будут сутки? — уточнил Ойтуш, ощупывая место прокола, аккуратно заклеенное пластырем.

— У всех вас будут только сутки, — поправил Захария. — Как только информация по запросу дрона не будет обнаружена, все двери закроются за тобой, словно капкан.

— Но не все так просто, верно? — Ойтуш знал, что без подвоха не обойдется.

— Разумеется, — сказал мальчик. — Ровно через двадцать четыре часа после активации, чип самоуничтожится. Это наша подстраховка, на случай если вас поймают.

— Взорвется?

— Нет. В нем заложена химическая начинка. Она разъест устройство, а вместе с ним и твой мозг. Это будет быстрая смерть.

— Класс, спасибо, — нервно усмехнулся Ойтуш. — И как же меня теперь зовут?

— По легенде, теперь ты Терри Сэнков, вместе с семьей идешь навещать коллегу, который угодил в психушку.

— Как мило. А что за семья? Вроде бы я иду с Торой?

— Карен попросилась с вами, — сказал Захария. — По легенде она твоя жена, а Тора племянник того типа, которого вы якобы идете навещать.

Ойтуш едва не начал плеваться. Вот еще! Эта выскочка напросилась в его команду! Да еще и в качестве подставной жены.

Он встал и начал одеваться в специально подготовленную для него одежду типичного офисного работника Метрополя. Рядом лежали часы с таймером обратного отсчета. Их он пока активировать не стал.

— А были те, кто не успевал вернуться? — спросил Ойтуш, но вместо Захри ему ответил раскатистый голос Айзека.

— Да. Был один ловкач, что напился в хлам и снял проститутку. Скончался прямо в постели.

Ойтуша невольно передернуло, но не от поучительной истории, а от тона, с которым она была преподнесена. Айзек чувствовал, что он что-то затевает.

— Захария, проверь еще раз чипы Гравано и Ситиса, — велел

киборг.

Айзек и Ойтуш остались вдвоем в медбоксе.

— Водички не желаешь? — с любезной улыбкой сказал киборг и протянул ему фляжку.

Едва Ойтуш потянулся к ней, как Айзек с силой сжал свою механическую конечность, уничтожая флягу, словно кусок фольги.

— Я сделаю это с твоей головой, если отлучишься куда-то помимо психушки, — лязгнув механической челюстью, произнес он.

— Отличное шоу, я все уяснил, — сказал Ойтуш, на всякий случай делая шаг в сторону.

— Никаких самоволок, понятно? Это приказ. Операция и так опасная, не хватало мне еще и волноваться за всяких желторотых птенцов.

— Тогда зачем отправляешь меня туда? — огрызнулся Ойтуш, испепеляя Айзека взглядом.

— Затем, что быстрее научишься, солдат, — сквозь зубы прошипел главнокомандующий, хлопая его по плечу чуть сильнее, чем обычно.

Сказав это, он ушел, а Ойтуш сжал кулаки от злости. Разумеется, он запланировал поиски Сати, и сделает это даже под угрозой исключения из офицерского состава. Да, Айзек сказал, что она на Острове, но где доказательства? Он ничегошеньки не знает, ведь если бы знал, то давно рассказал бы ему.

Послышались чьи-то быстрые шаги, а затем брезентовая дверь палатки снова распахнулась. Ойтуш решил, что убьет очередного посетителя, но при виде счастливой Карен, он просто остолбенел.

— Я иду с вами, — светясь от счастья, сказала она. — Ты рад?

— Уже знаю. Нет, не рад.

— С Протоном идет Эвелин, так будет лучше, — проигнорировав его ответ, продолжала она.

— Айзек послал тебя присматривать за мной? — мрачно спросил Ойтуш.

— Не знала, что за тобой надо присматривать, — усмехнулась Карен. — В любом случае быть в вашей команде — полностью моя инициатива, и Айзек ее поддержал.

— А быть по легенде моей женой — тоже твоя инициатива? — едко поинтересовался Ойтуш.

— Ну, на родственников мы не похожи, — сказала Карен и добавила, — Только не вздумай приставать ко мне!

Ойтуш фыркнул и горестно покачал головой.

— Не беспокойся, — наконец выдавил он из себя.

Через пятнадцать минут они уже сидели в джипе, а Айзек давал последние указания.

— Вы уезжаете последними. Команды Рейли и Ситиса уже на месте, — сказал киборг и взглянул на Карен. — Тебя я назначаю ответственной. Следите за таймерами, и все будет хорошо.

— Окей, Айзек, — кивнула девушка и взяла передатчик из его рук.

“Теперь она еще и ответственная”, — горько подумал Ойтуш.

Айзек на секунду замолк, а потом произнес:

— Матиас только что активировал ваши чипы. Запускайте таймеры.

Все трое практически одновременно нажали на кнопки наручных часов.

“23:59:49”. Времени было еще предостаточно.

— Ну все, увидимся завтра! — Айзек махнул своей огромной лапищей и скрылся в темноте. Ойтуш подумал, каково это — отпускать семерых своих офицеров в Метрополь под угрозой смерти. Нервничает, должно быть.

А джип между тем уже катил по рельсам, оставляя станцию все дальше и дальше.

Глава 20

На выходе со станции Партийная их ждали трое. В одном из офицеров Ойтуш без удовольствия узнал Катокина. Его экзоскелет на этот раз был неисправен: поддержка левой ноги вышла из строя, но энтузиазм солдата от этого ничуть не поубавился.

— Первая вылазка, верно, Ойтуш? — Катокин приподнял забрало экзоскелета и по-дружески улыбнулся, отчего его усы-щетки заходили ходуном.

— Меня зовут Терри, — вяло откликнулся Ойтуш.

— О, конечно, конечно, — Катокин хитро подмигнул ему. — Тебя не проведешь.

Пожелав удачи, охранники на КПП запустили единственный из исправных эскалаторов. Путь наверх начался.

Окраины Метрополя встретили их предрассветной прохладой. Снаружи станция была почти разрушена: из земли торчали руины, исписанные граффити и поросшие мхом. Наверняка трое людей, одетых весьма прилично, странно смотрелись сейчас в этом безлюдном забытом всеми месте.

Дорога в центр была неблизкой, а до открытия метро оставалось еще полчаса, поэтому Ойтуш, Карен и Тора решили выпить кофе в ближайшей круглосуточной забегаловке.

Заведение под названием «Борода Тако» встретило их грязным с разводами полом, пластиковой мебелью и засыпающей официанткой, которая лениво протирала посуду. Сделав заказ, троица уселась за столиком у окна. Здесь, в нулевых районах можно было не опасаться ока протектория. В подобных забегаловках собирался всякий сброд, и даже если Айзек когда-нибудь решит сделать в «Бороде Тако» корпоратив, пригласив Нейта и весь личный состав, никто и глазом не моргнет.

— Отличная рубашка, дорогой, — неожиданно сказала Карен, рассматривая светло-синюю рубашку Ойтуша. Такую обычно носили офисные клерки, вкалывающие с семи до шести.

— Но твои волосы слишком растрепаны. — продолжала она, извлекая расческу из маленькой сумочки. — Иди намочи их и расчешись.

— И тогда ты купишь мне десерт, мамочка? — Ойтуш опешил

от такой наглости.

— Не забывай, что я отвечаю за нашу группу, — грозным шепотом добавила Карен. — Поэтому сделай милость: веди себя хорошо.

— А тебе никто не говорил, что порядочная жена должна во всем слушаться мужа? — съязвил Ойтуш.

Тора с тревожным лицом смотрел на их перепалку.

— Кстати, а тебя как зовут? — Ойтуш повернулся к нему.

— Натан Сидней, — представился Тора.

В этот момент сердитая официантка с грохотом поставила на стол их заказ.

— Кстати, про волосы я серьезно, — шепнула Карен. — Ты похож на мятежника из городских канализаций.

— Как скажешь, любимая, — оскалился Ойтуш, стараясь вложить в слово «любимая» как можно больше яда. Схватив расческу со стола, он отправился в уборную.

Успевшие порядком отрасти волосы действительно выглядели неподобающим для клерка образом. Умывшись холодной водой и зачесав их назад, Ойтуш заметил несколько седых прядей. «Вот ведь зараза», — мысленно выругался парень, припоминая сколько же ему лет. Должно быть, уже двадцать один. Пожалуй, с точки зрения биологии, еще рановато для седины, но в самый раз для того, что он пережил. Не зря граждане Второго класса стареют очень быстро.

Двадцать один, а еще ни разу не был с девушкой. Он не был уродом, более того, многие дамы из Второго класса считали его симпатичным. Но Ойтуша всегда интересовала лишь Сати, однако ее, по этическим соображениям он считал слишком юной. «Ну не дурак ли? Ведь она всегда любила меня», — подумал он, глядя на себя, словно на последнего идиота.

Вернувшись в обеденный зал, Ойтуш застал чудесную картину: Карен, облокотившись на спинку стула, мило ворковала с одним из посетителей кафе, а Тора со скучающим видом листал меню под прицелом сонных глаз официантки, что стояла рядом.

— Дорогая, нам пора уходить, метро уже открылось, — громко объявил Ойтуш, глядя на часы.

— Как скажешь, Терри, — как-то очень естественно ответила

Карен, кинув на него нежный взгляд. В простом, но элегантном платье, без сигареты и ножей, она выглядела совсем не так, как в подземке. Попрощавшись со своим собеседником, она взяла сумочку и направилась к выходу.

— То… Натан, поднимай свою задницу, — сказал Ойтуш, выхватывая меню из его рук и отдавая обратно официантке.

У метро стояло несколько сонных людей, которые дожидались открытия. Не успел Ойтуш и глазом моргнуть, как Карен уже выпытывала что-то у сухонького мужчины лет сорока.

— Что она делает? — упаднического голосом спросил Ойтуш у Торы.

— Собирает информацию. Ее стиль, — ответил тот, улыбнувшись одной половиной лица.

— Айзек сказал не привлекать к себе внимания, — напомнил Ойтуш.

— Я-то знаю. А ты попробуй ее переубеди.

— Да что вы говорите? Казнили двух мятежников в Хаммацу? — обрывки разговора долетели до их ушей.

— Да, и очень жестоко. По всем каналам показывали прямую трансляцию, — ответил мужчина, не отрывая глаз от груди Карен. — Разве вы не видели?

— Вы знаете, не смотрю новости, — деловито объяснила она. — Со своей бы жизнью разобраться.

Метро открылось, и люди заспешили внутрь, торопливо схватив под мышку свои портфели. Глазок сканирующего дрона мелькнул синим цветом — запрос на установление личности был отправлен в протекторий

— Какого черта ты болтаешь с кем попало? — проворчал Ойтуш, когда узкие плечи мужчины растворились в толпе.

— Я многое узнала, — спокойной ответила Карен.

— О чем? О чем ты могла узнать?

— О том, что лекарство от дот-вируса больше не поставляют в Метрополь, о том, что во многих районах объявлен комендантский час в связи с угрозой терактов и еще о том, что на любого, кто хоть как-то причастен к сопротивлению, объявления самая настоящая охота! — выпалила Карен остановившись. — Кстати, о последнем я узнала, пока ты ходил поссать.

— Какого… я ходил мочить волосы, дура! — вспыхнул Ойтуш, краснея от того, насколько глупо это прозвучало.

— Хватит цапаться, эй! — недовольно проворчал Тора, обгоняя их. — Мы здесь по делу, не забыли?

Исторический центр Метрополя встретил их пылью и смогом, сквозь который безуспешно пыталось пробиться солнце. Здесь, в самом сердце города было много старых построек, переживших войну, а также больше деревьев, чем где-либо еще. Сотни людей спешили на работу, а в дымном метропольским небе парили с десяток сканирующих дронов. Жизнь под наблюдением, как жизнь насекомого в стеклянной банке, может быть довольно сносной, пока ты ведешь себя послушно. Соблюдаешь закон, делаешь то, что тебе велят. Но как только у тебя появляются секреты, существование моментально превращается в ад.

Психиатрическая клиника «Максимиллиан» была старым зданием из серого камня, располагающемся в окружении высокого забора из зеленых деревьев. Как это ни странно, внутри было довольно приятно. Ойтуш никогда не бывал в заведениях подобного рода и ожидал увидеть сумасшедший дом с сотней орущих психов. Или мрачный склеп с именами сатаны на стенах, написанными кровью и фекалиями. Однако здесь было весьма современно и комфортно: много цветов в больших горшках, приятная ненавязчивая музыка, в холле — диваны с мягкой обивкой, а за стойкой регистратуры — милейшая девушка, которая любезно предложила проводить их.

В коридорах было тихо, чисто и неброско. На фоне всеобщих спокойных тонов, ярко-рыжие волосы Карен выглядели словно пожар. «Максимиллиан» вполне можно было принять за недорогой отель или хостел, если бы не кое-какие странности. Например, старик, что стоял лицом в угол и покачивался наподобие маятника. Или ребенок с длинными спутанными волосами, выглядывающий из-за тумбочки. А вот залаяла собака, или не собака вовсе, а человек, решивший, что он собака.

— Давайте поскорей разберемся со всем этим, — нахмурившись, прошептал Тора. С ним трудно было не согласиться.

— Пожалуйста, подождите здесь. Я приглашу мистера Монтанари, — сказала медсестра, оставляя их в комнате отдыха для пациентов.

Первое что бросилось в глаза Ойтушу, это поразительное сходство с детской комнатой. Пространство для досуга больных было отделано мягкими стенами, вся мебель была без углов, словно кукольная, не было ни книг, ни настольных игр — лишь

примитивные конструкторы и карандаши с бумагой. На одной из стен транслировали какой-то сериал с перерывами на выпуски новостей. Но наиболее удручающе выглядели сами больные: с десяток мужчин и женщин разного возраста были одеты в одинаковые пижамы тошнотворно-пастельных тонов; они то слонялись туда-сюда, то были заняты примитивным досугом.

— В этом местечке любой отупеет, — сказал Тора, мрачно озираясь по сторонам. Судя по всему, на него больше всего действовало здешнее уныние и безысходность, спрятанное под маской доброжелательности и любви к пациентам.

— Спорим, что у каждого второго здесь лоботомия, — шепнула Карен, рассматривая женщину, что пыталась укусить себя за локоть.

— Разрушить мозг проще, чем его лечить, — сказал Ойтуш. — Давайте разделимся и поспрашиваем их.

Карен кивнула и с энтузиазмом направилась к огромному бородачу, что пытался своими толстыми пальцами нанизать бублики пирамидки на ось. Ойтуш какое-то время просто глазел по сторонам, а затем его внимание привлек сутулый мужчина с залысинами, который увлеченно рисовал что-то в дальнем углу комнаты.

Незаметно зайдя за его спину, Ойтуш бросил взгляд на рисунок. На нем была изображена маленькая девочка с короткими белоснежно-пепельными волосами. Вместо ее глаз были пустые черные провалы, которые мужчина старательно закрашивал черным карандашом.

Рисунок был настолько живым, что Ойтушу стало не по себе, словно эта девочка действительно смотрела на него своими пустыми глазницами.

— Кто это? — спросил Ойтуш, без особой надежды на то, что мужчина его услышит.

— Это Сарасти. Наша маленькая королева, — старичок с залысинами выглядел вполне адекватно, и даже фраза «маленькая королева» звучала как бы между делом.

— Пациентка?

— Бывшая. Теперь она в другом месте.

— Ее выписали? — удивился Ойтуш.

— Молодой человек, — мужчина грустно улыбнулся. — Это место похоже на то, из которого выписывают?

— Не очень, — честно признался Ойтуш, глядя, как одна из

женщин размазывает слюни по стенам.

— Сарасти увезли люди с берега, — сказал мужчина, вытирая вспотевший лоб салфеткой.

Ойтуш почувствовал, как сердце его на миг остановилось.

— Вы имеете в виду с Острова? — спросил он, чувствуя, что нащупал нечто важное.

— Да, оттуда. Куда увозят одаренных. А Сарасти была одаренной и еще какой, — с улыбкой сказал старик.

— И в чем заключалась ее одаренность? — спросил Ойтуш, наклоняясь ближе к своему собеседнику.

— Она могла видеть без глаз. Правда, бушевала иногда, за что ее частенько сажали в ящик…

— В ящик? — переспросил Ойтуш.

— Да. У нас в подвале стоит несколько. Особо буйных заковывают в кандалы и сажают туда на сутки или двое.

— Ого, — только и мог сказать Ойтуш. — А кого-нибудь еще люди с берега забирали?

— Они частенько забирают кого-нибудь из нас, — тут мужчина приблизился к самому уху Ойтуша и прошептал: — По мне, так самых отъявленных психов.

«А ты, конечно, здесь самый нормальный», — подумал Ойтуш.

— Ну или таких, как она. Особенных.

— Но зачем?

— Дэнни, ты опять пристаешь к посетителям? — проворковала медсестра, появляясь в самый неподходящий момент. — Мистер Сэнков, ваш коллега, мистер Монтанари здесь.

«Черт бы его побрал», — выругался Ойтуш, но справился с собой и, придав лицу максимально скорбный вид, направился к человеку в кресле-каталке.

— Здравствуй, дружище, как ты? — спросил Ойтуш, с надеждой, что Монтанари не доставит их команде лишних хлопот.

— Впервые вас вижу, — ответил полный мужчина лет тридцати, с трудом помещающийся в инвалидное кресло, — Откуда вы знаете меня?

— Дорогой, он совсем нас не помнит, — едва не плача, сказала Карен, ухватившись за локоть Ойтуша.

— А вы кто такая? — продолжал Монтанари, демонстрируя чудеса здравого рассудка.

— Как это кто?! — воскликнула Карен. — Жена твоего лучшего друга! Может, ты и племянника своего не помнишь? Натан, подойди!

— Привет, дядя, — мрачно выдавил Тора, опуская руки на спинку кресла.

— Может мне хоть кто-нибудь объяснить: кто все эти люди? — сказал Монтанари, возмущенно уставившись на медсестру.

— Должно быть, какой-то вторичный синдром после травмы, — пробормотала та, переводя взгляд с одного лица на другое. — Я схожу за его карточкой.

Медсестра убежала, а толстяк открыл было рот, чтобы снова выразить свое недовольство, но тут уже Карен вышла из себя. Незаметным движением она выхватила нож из своей дамской сумочки и воткнула его в складки дряблого тела мистера Монтанари.

— Еще одно слово, жирдяй, и ты лишишься пары своих драгоценных килограммов, — с очаровательной улыбкой сказала она ему на ухо.

Монтанари побелел, а его нижняя губа затряслась, словно у плаксивого ребенка.

— Кто вы? — спросил он, стараясь максимально отдалиться от лезвия ножа Карен.

— Я — Мила Сэнкова, он — Терри Сэнков, а это, — девушка мотнула головой в сторону Торы, — Твой чертов любящий племянник Натан Сидней. Все запомнил?

— Да, я все запомнил, миссис Сэнкова, — быстро сказал Монтанари.

— Вот и молодец, — подмигнула Карен, убирая нож.

Вернувшаяся медсестра была приятно удивлена чудесным возвращением памяти к своему больному и, наконец, оставила его наедине с друзьями.

— Знаешь что-нибудь о пропавших пациентах? — спросила Гравано, внимательно глядя в водянистые глаза Монтанари.

— Н-нет, — промямлил он.

— А Мониша Бергера знаешь? — спросил Тора.

— Не знаю. Я не так давно здесь, — ответил толстяк, заискивающе глядя то на одного, то на другого.

— Не бойся, больше тебя никто не тронет, — заверил его Ойтуш.

— Если будешь молчать насчет нас, — добавила Карен. —

Идемте, осмотрим палаты.

— Я догоню, — сказал Ойтуш, возвращаясь к Дэнни.

Рисунка на его столе больше не было. Да и сам Дэнни больше не походил на сутулого старика: вальяжно развалившись в кресле, он посасывал пустую курительную трубку.

— Ну а ты, друг, не слышал про Мониша Бергера? — спросил Ойтуш, присаживаясь на соседнее кресло.

— Какой я тебе друг? — возмущенно ответил тот. — Первый раз тебя вижу, а уже в друзья набиваешься!

Ойтуш нахмурился, решив, что это просто стариковское самолюбие.

— Дэнни, мне нужна твоя помощь! Постарайся вспомнить хоть что-нибудь.

— Я не Дэнни. И вообще, проваливай отсюда, офисная крыса! — сердито фыркнул старик, брызгая слюной.

Все было понятно. Единственный вменяемый собеседник растворился под маской надменного брюзжащего типа с трубкой. Наверняка сейчас “Дэнни” мнил себя другим человеком, возможно, каким-нибудь писателем или политиком, и даже розовая пижама и отсутствие табака в трубке не мешало ему в этом усомниться.

Ничего не ответив, Ойтуш встал со стула и вышел из комнаты отдыха. Торы и Карен нигде не было, должно быть, прочесывали палаты. И правда, в одной из женских палат Ойтуш заметил смущенного и красного как рак Матиаса. Он пытался заговорить с одной молодой и очень тощей девушкой, а та всеми силами старалась продемонстрировать ему свое нижнее белье.

О Монише Бергере никто ничего не слышал… Ну и черт с ним, информация, которую заполучил Ойтуш, была не менее важна. Люди с Острова регулярно забирают психбольных, вот только зачем? Для экспериментов? Неужели именно они “обработали” Бергера?

Ойтуш взглянул на таймер: до самоуничтожения пиратского чипа оставалось еще девятнадцать часов. Если он хотел разузнать о Сати, нужно было идти прямо сейчас. Оставалось только найти Карен и попробовать договориться с ней о самоволке.

***

Девушка обнаружилась в подсобке. Вытянув ноги, Карен сидела на маленьком детском стульчике и курила. Заметив Ойтуша, она отвернулась.

— Что ты здесь делаешь? — начал было он сердито, но тут же понял, что Карен очень расстроена. — Ты плачешь?

— Конечно нет, идиот! — огрызнулась она, не поворачивая голову.

— Ты плачешь, Карен! — повторил Ойтуш и подошел ближе. — Взгляни на меня.

Девушка взглянула на него исподлобья. Ее глаза были распухшими, а тушь размазалась, оставляя на щеках темные дорожки. Признаться, такого Ойтуш не ожидал. Он привык считать Карен Гравано этаким неунывающим солдатом, совсем забыв о том, что женщины очень хорошо умеют притворяться.

— Не буду спрашивать у тебя, что случилось, — произнес он, доставая из ее сумочки упаковку салфеток. — Захочешь — сама расскажешь.

Вместо того чтобы протянуть их ей, Ойтуш принялся старательно оттирать тушь с ее лица. Карен не противилась этому; она сидела, совсем по-детски прижав колени к себе и рассеянно глядя в одну точку.

— Расскажу тебе, что я узнал, — продолжал Ойтуш, закончив с одной щекой и переходя ко второй. — У мистера Сиднея роман с девушкой из палаты номер семнадцать. Я полагаю, тебе надо принять меры.

Карен фыркнула и вяло улыбнулась. А потом попросила:

— Никому не говори о том, что ты здесь видел, хорошо?

— Клянусь, — заверил ее Ойтуш, интуитивно догадываясь, что для Карен это очень важно. — Тогда и я попрошу тебя кое о чем.

Карен подняла на него усталые глаза.

— Мне нужно отлучиться по делам, — сказал Ойтуш.

— Куда именно?

— Не могу сказать, — покачал головой Ойтуш.

Карен ничего не ответила, но и яро протестовать тоже не стала.

— Я хотела найти информацию об отце, — вдруг сказала она после небольшой паузы. — Когда я была маленькой, опекуны водили меня к нему. В одну из таких больниц.

Ойтуш вынул из ее рук сигарету и затушил о кафельный пол.

— Все, что я помню — это серый камень, серые коридоры и серые лица людей. Все, как в черно-белой хронике. Папа был очень счастлив, когда меня приводили к нему. В те дни, когда он меня узнавал.

Ойтуш не знал, что сказать. Своего отца он не знал, как и маму.

— Поэтому я так стремилась попасть в вашу группу, — подытожила Карен.

— Тогда ты поймешь меня, — сказал Ойтуш. — Мне нужно отыскать одного человека в Метрополе.

— Твою девушку?

“И откуда она только узнала?”

— Не удивляйся, — усмехнулась Карен. — Всегда заметно, когда у парня кто-то есть.

— Она мой друг, — ни с того ни с сего начал оправдываться Ойтуш. — Нас арестовал протекторий. Мне была обещана мучительная смерть в тюремной камере, а ей — долгие годы рабства. Я должен убедиться, что она в безопасности.

— Тогда иди, — легко согласилась девушка. — Другой возможности может не представиться.

— Ты прикроешь меня? — убрав волосы с лица Карен, Ойтуш внимательно посмотрел ей в глаза.

— Конечно.

— Да, кстати, — сказал Ойтуш уже в дверях подсобки. — Я узнал кое-что важное. Скажу сейчас, а то мало ли что… Это одаренные похищают людей. Увозят на Остров, вот только для чего…

— Чтобы сделать из них аниматусов, — закончила Карен.

От этой фразы Ойтуш буквально остолбенел.

— Айзек давно расследует проект “Х”, так мы называем его. То, откуда берутся аниматусы и какова их природа, — продолжила девушка. — Разве снимки из морга с изображением изуродованного тела Мониша Бергера тебе никого не напомнили?

— Но аниматусы — это оружие протектория, разве нет? Какое отношение Остров имеет ко всему этому? — нахмурился Ойтуш,

вспоминая те самые фотографии.

— Самое непосредственное. Айзек считает, что аниматусы — это химеры, созданные на основе человеческого сырья. Их сознание изменяют, превращая в исполнительных солдат, сверхсильных и сверхбыстрых. Опираясь на то, что ты узнал, мы можем предположить, что их выращивают на Острове, а затем доставляют сюда.

— Продают?

— Да, как оружие, — кивнула Карен. — Но с Бергером не сработало; он оказался бракованным или вроде того…

В коридоре послышались чьи-то шаги.

— Потом договорим, — сказала Карен, поднимаясь со стула. — Поспеши, в запасе не так уж и много времени.

Ойтуш взглянул на таймер: 18:02:34

— Спасибо, — искренне сказал он Карен. — Ты это… береги себя.

— И ты.

Ойтуш ушел, не тратя больше драгоценных минут.

***

Большое красное солнце медленно садилось между домами. Начали зажигаться знакомые светодиодные вывески, смог наконец исчез, но на смену ему пришла жуткая духота, смешанная с запахами уличной еды, помоек и выхлопных газов.

Терри Сэнков разменял двадцатый час своего существования. Он еле стоял на ногах, глаза слипались и даже десятая чашка эспрессо не могла ничего изменить.

Ойтуш быстро понял, что без системы “Око-2” ему не отыскать Сати. Он посетил ее школу, где его заверили, что Сати Лаллеман никогда не училась у них, обошел несколько наиболее крупных компаний, предоставляющих сиделок, таких как “Няня Момо” и “Гейша”, но и это оказалось безрезультатным. В каталогах не было никого даже отдаленно похожего на Сати, а договора о ее продаже не существовало. Протекторий заставил Сати исчезнуть в буквальном смысле бесследно.

В конце дня, перед тем как вернуться назад в подземку, Ойтуш просто не мог не посетить это место. Их дом.

Знакомые дворы-котлованы с дерьмовым, хоть и дешевым жильем ничуть не изменились, вот только вывески на аптеках

стали другими. Вместо “Вакцины нет и не будет” на многих из них виднелось “Закрыто”. Как Карен и сказала, в Метрополь нагрянули суровые времена.

Ойтуш миновал бараки, за которыми виднелась череда заброшенных складов. На пороге своего бывшего дома он в нерешительности замер. Железная дверь болталась на петлях, а внутри был полный разгром. Здесь явно кантовались какие-то асоциальные личности: на кровати многократно занимались сексом, о чем красноречиво свидетельствовали пятна на простынях, их с Сати вещи были разграблены или уничтожены, а на месте кухни был общественный туалет.

Среди горы разбитой посуды Ойтуш нашел рассыпанный экстазин. Должно быть, его. Повертев в руках маленькую таблетку, он растер ее в порошок.

Не нашлось ни одной уцелевшей вещи, которая бы напомнила ему о прошлом. Наверное это к лучшему, незачем сопли разводить.

Что он надеялся найти здесь? Зацепку, послание от Сати, где было бы написано, что она жива и здорова? Бред. Даже если бы она была на Острове, неужели не нашла бы способ связаться с ним?

В ванной обнаружилось треснувшее зеркало. На минуту Ойтуш остановился, уставившись в него. Мятая рубашка и брюки действительно принадлежали Терри Сэнкову. Даже прическа, старательно прилизанная по просьбе Карен. Но вот лицо. Такое не носят офисные работники, не носят служители морга. Это было лицо мятежника, преступника, опасного террориста. Ойтуш носил его со времен, когда в институте подделал документы, впервые пойдя против воли начальства.

Старая была история. Один его друг, гражданин Второго класса, срочно нуждался в пересадке легкого. Ойтуш сделал все возможное, чтобы найти ему донора, но в последний момент орган решили отдать мальцу, что захлебнулся собственной рвотой, после передозировки метамфа. Закон требовал жертвовать всем ради Первого класса, но Ойтуш молча послал всех подальше и “перепутал” документы.

Разумеется, история вскрылась. Ойтуша обвинили в халатности и исключили из университета; поставили крест на карьере врача и определили работать в морг. А уже через два дня

к нему принесли тело того самого школьного друга. Протекторий убрал его, чтобы продемонстрировать Ойтушу свою власть и силу, и дело было уже не в органах.

Ойтуш знал, что никогда не сможет забыть, как безуспешно пытался сдержать слезы, когда его принудили вскрывать труп перед комиссией важных шишек из протектория. У него никогда не было шансов стать добропорядочным гражданином, жаль, что он понял это только сейчас. Ему не место было в Метрополе, его место среди сопротивления, среди таких же мятежников, как и он сам.

И если он хотел двигаться дальше, ему нужно было забыть о Сати. Жива она или мертва, ее больше нет для него, и пора было смириться с этим.

***

Оставалось еще три с половиной часа: как раз столько, чтобы спокойно вернуться. В последний раз окинув взглядом химический склад, Ойтуш вышел на воздух. Было душно и пыльно. Солнце уже почти село, в последний раз окрашивая алым стены бараков.

Ойтуш мог заметить, что за ним следят, еще в метро, где он провел почти час, перемещаясь с одного конца Метрополя на другой. Но за более чем двадцать часов на ногах он настолько вымотался, что не заметил бы, наверное, и толпу аниматусов.

Дорога к заброшенной станции лежала через лесопарковую зону. Солнце давно скрылось и на пригород опустила холодная ночь. Ойтуш шел быстрым шагом, то и дело дуя в кулак, чтобы согреться.

“Успеть бы до дождя”, — подумал он, прислушиваясь к отдаленным раскатам грома. Когда до станции оставалось около двух километров, Ойтуш понял, что за ним хвост. Фигура в светлом то и дело мелькала между стволов деревьев, озаряемых молниями.

Собрав в кулак последние силы, Ойтуш принялся петлять. Нельзя было допустить, чтобы шпион проник на станцию вслед за ним, ведь тогда под угрозой окажется не только он, но и охранники на контрольно-пропускном пункте.

Охранники… Очередная вспышка осветила лес, и Ойтуш

явственно разглядел экзоскелет преследователя. Экзоскелет с нефункционирующей левой конечностью.

Глава 21

Холод отступил моментально, стоило Ойтушу понять, что это он пришел по его душу. Человек из его воспоминаний, который так старательно пытался сжить его со света, устраивая покушение за покушением. Но сейчас все было по-другому. Он был один на один с Катокином, посреди этого темного леса и неба, которое вот-вот должно было пролиться дождем.

Ойтуш сошел с асфальтированной тропы и, переходя на бег, начал петлять между высоких сосен. В своей голове он судорожно взвешивал шансы на удачный исход: он был вымотан, невооружен, а туфли, принадлежащие Терри Сэнкову были категорически не предназначены для бега. Катокин же был одним из лучших офицеров Айзека. Он был быстр, силен и, разумеется, при оружии. Да, его экзоскелет был поврежден, но Ойтуш сомневался, что это станет проблемой для такого опытного бойца, как он.

Ойтуш бежал, перепрыгивая через кусты и коренья почти не оглядываясь. В какой-то момент ему показалось, что преследователь отстал, но именно в эту секунду острая боль пронзила его плечо. Боль, которая тут же сменилась выпадением чувствительности.

“Парализатор”, — догадался Ойтуш, ощущая, как его рука ниже плеча полностью онемела. — “Вот ведь скотина”.

До станции оставалось совсем немного: парень понял это по редеющему лесу и фрагментам красного кирпича, что валялись тут и там.

На полном ходу Катокин сбил его с ног. Соты его экзоскелета поменяли конфигурацию и стали совсем мелкими, из-за чего офицер был похож на человекоподобное насекомое, покрытое хитиновой оболочкой. Забрало было опущено, но Ойтуш почти видел как пылает жаром лицо Катокина, как горят глаза и раздуваются ноздри.

Катокин уселся на него сверху, намертво придавив к земле. Достал из кобуры парализатор и всадил в правую ногу Ойтуша с десяток игл.

“Что он делает?” — мелькнуло в голове Ойтуша. — “Почему просто не прикончит меня?”

То же самое повторилось и с левой ногой, после чего Ойтуш

четко уяснил: солдат не собирается убивать его. Зачем марать руки, когда можно просто подождать час, по истечении которого пиратский чип сам сделает грязную работу?

Но сдаваться Ойтуш не собирался. Схватив осколок кирпича, он ударил Катокина по шее, туда, где броня была мягкой и эластичной. Это возымело эффект, но лишь на время. Подняв с земли увесистый валун, Катокин наотмашь ударил Ойтуша по лицу, затем еще и еще, пока лицо парня не начало превращаться в месиво. Валун побагровел от крови; кровь из разбитых сосудов на лице заливала глаза.

“Только не так”, — подумал Ойтуш, когда Катокин поднялся во весь рост и, нависнув над ним, приставил парализатор прямо к его груди.

Пошел дождь. Без предупреждений, сразу косой стеной, словно небо хотело побыстрее избавиться от всей этой воды.

Единственной уцелевшей рукой, Ойтуш принялся шарить в грязи вокруг себя в поисках хоть чего-то тяжелого или острого. Внезапно его рука нащупала нож. Самый настоящий нож, выпавший у него из кармана. Неужели Карен сунула его ему, когда угрожала Монтанари?

Собрав последние силы, Ойтуш всадил лезвие в бедро Катокина — выше было просто не дотянуться. Тот взвыл от боли и в очередной раз ударил Ойтуша по лицу — теперь уже ботинком. А в следующую секунду выпустил целую очередь из игл-парализаторов ему в грудь. Все было кончено.

На мгновение приподняв забрало, Катокин смачно сплюнул на землю. А затем, прихрамывая, направился прочь, куда-то в темноту парка.

Хрипло застонав, Ойтуш попытался перевернуться на живот; это удалось ему с большим усилием, словно убийца все еще держал его. Ойтуш прополз несколько метров по скользкой глине и грязи, словно червь, прежде чем силы окончательно покинули его.

И почему он не пошел обратно вместе со всеми? С Карен?

Станция была близко, так близко, что в свете молний Ойтуш различал ее очертания. Звать на помощь было бессмысленно: все, кто может его услышать находятся в десятках метров под землей.

Он продолжал ползти, повинуясь какой-то невероятной инерции, словно боялся, что остановившись, он погибнет. Но остановится все же пришлось, когда оцепенение охватило каждую клеточку тела Ойтуша. До ликвидации чипа оставалось всего сорок минут.

***

Несколько дней Юкка провалялся в коме. Врачи объяснили Томасу и Сати, которые регулярно навещали его, что одаренность парня далеко не так проста, как кажется на первый взгляд. Она тесно связана с эмоциями человека, голос которого он воспринимает. Именно поэтому Юкка может совершенно спокойно переносить громкие механические звуки, звуки грозы или шум водопада, но очень чувствителен к эмоциональному окрасу. Так, даже тихий плач может свести его с ума, потому что его окрас несет для одаренного неприятные болезненные ощущения.

— Что же такое он услышал? — все спрашивала молодая доктор, наблюдая за стабильной электроэнцефалограммой Юкки. Томас и Сати только качали головой и надеялись, что скоро он придет в себя.

Сати заметила, что после увиденного Томас заметно сдал. Да, ее тоже привела в ужас жестокость по отношению к Сарасти, но он-то успел заглянуть в ее голову. Одному черту известно, что он увидел там — сам Томас рассказывать наотрез отказался. Сати смотрела на его сдвинутые брови и отрешенный взгляд и думала, что, должно быть, это очень тяжело — иметь возможность считывать сознание других людей. Видеть события их глазами, чувствовать то, что они пережили. Сама она ни за что бы не справилась с такой одаренностью.

Эвридику решено было подкараулить после ужина. Сати и Томас были удивлены, заметив, что она уже порядком набралась. Узнав, с каким разговором они пришли к ней, женщина не стала отнекиваться, как в прошлый раз.

— Идем в зимний сад, — негромко сказала она, оглянувшись по сторонам.

Сати еще ни разу не была здесь. Зимний сад был очень тихим и спокойным местом, наполненным негромким пением птиц и свежестью деревьев. Воздух был обогащен кислородом и вызывал

легкую эйфорию — а это именно то, что нужно было всем троим.

— Все началось около двадцати лет назад, когда я сама только-только приехала на Остров, — начала Эвридика, располагаясь на скамейке возле миниатюрного кипариса. — Тогда Роланд Грейси еще не был президентом, он получил эту должность двенадцать лет назад.

— Программа “Аниматус”, которую он курировал, потрясла меня своей задумкой, — продолжала она. — Мы привозили психически нездоровых людей из Метрополя и восточных провинций, чтобы лечить их. По крайней мере, я так думала.

Но потом я своими глазами увидела, в кого он превращает их. В марионеток, в зомби, в сырье, лишенное инициативы и способности выбирать. Создавалось ощущение, что он готовит некую армию. Тупоголовых солдат, выполняющих его приказы, — на лице Эвридики отразилось отвращение.

— Как он делает это? — спросил Томас.

— Изучая человеческую психологию, мы установили, что каждый из нас обладает особыми свойствами характера, мнением, набором реакций, поведением. Тебе должно быть хорошо это известно, Том, — Эвридика взглянула на парня и мимолетно улыбнулась. — Кто-то называет это душой, самосознанием, но мы, генетики, гордо назвали это геном.

— Геном? — переспросила Сати. — Единицей информации?

— Да. Наследуемым свойством психики, — кивнула Эвридика. — Ментальный ген каждого человека делает нас такими, какие мы есть: искренними, капризными, хитрыми, жестокими. Одаренными и безумными. Лишая человека этого гена, мы, по сути, лишаем его жизни.

— Какое отношение это имеет к аниматусам? — спросил Томас, нервно покусывая веточку пихты.

На лицо Эвридики вновь упала тень.

— Грейси разочаровали тупые, лишенные души солдаты — я буду называть их так, за неимением более подходящего слова — и тогда он вплотную занялся их телесной оболочкой. Модифицировал тела насколько это было возможным, скрещивал с другими видами, создавая химер. Если оболочки погибали, он просто пересаживал ген в искусственно выращенное тело. В этом ему активно помогала молодая помощница, которую мы за глаза называли Ангелом Смерти. В те годы она была тем еще садистом,

— Эвридика скривила губы.

— Ты говоришь о Дане? — догадалась Сати, на что женщина утвердительно покивала.

— Сколько же ей лет?

— Около сорока, — расплывчато ответила Эвридика. — Уроженцы Хаммацу очень долго остаются молодыми.

— Где проводятся все эти опыты? — спросила Сати.

— Между собой мы называем это место зона “Х”, — сказала Эвридика. — Там работают специально обученные одаренные, чьи способности необходимы для экспериментов. А Роланд Грейси лично контролирует всю эту контору.

— А затем отправляет своих монстров в Метрополь и другие города, — мрачно сказал Томас.

— Продает, — уточнила Эвридика. — Меркантильная сволочь. Продает напрямую протекторию.

Сати прислушалась к мелодичному пению птиц, которое совсем не соответствовало их разговору.

— С Сарасти будет то же самое? — спросила она.

Перед тем как ответить, Эвридика сделала большой глоток из миниатюрной фляжки на поясе.

— Было кое-что в чем Роланд Грейси сильно просчитался, — наконец сказала она. — Он попытался использовать вместо сырья талантливых одаренных…

9 лет назад

Первая партия была небольшая, человек пять. Больше всего Эвридике запомнилась маленькая девочка с невероятно яркими голубыми глазами, которые буквально светились на смуглом лице.

— Ты знаешь, зачем ты здесь, Сони? — мягко спросил президент Грейси, потирая одну ладонь о другую.

— Конечно, Роланд, — ответила та, пристально взглянув на сидящую рядом с президентом Дану Хатт. — И твою тайну тоже знаю.

Возможно, Эвридике показалось, но на безэмоциональном лице Даны впервые за все время их знакомства, мелькнула гримаса ненависти.

— Не бойся, я никому не скажу, — Сони Тао мило улыбнулась.

“Неужели у него рука поднимется?” — в смятении думала

Эвридика, рассматривая Сони и других ребят, которые ждали в коридоре. Юные одаренные, которым суждено было стать чудовищными химерами…

Эвридика сделала все, что могла. Выкрала Сони из зоны “Х”, намереваясь лично отвезти обратно в Метрополь. Но все обернулось ужасной трагедией.

Сони Тао приготовила Острову прощальный подарок. Чудовищная инфразвуковая волна убила и покалечила тысячи одаренных, оказавшихся в тот день на пляже. Эвридику же Сони не тронула, привязавшись к ней за время знакомства.

Когда Роланд Грейси узнал, что натворила эта девочка, он испугался. Страх отчетливо читался на его побледневшем лице, в его ледяных глазах.

— Я зашел слишком далеко, — сказал он Эвридике. Это было первое и последнее проявление его слабости.

В тот же день все пятеро одаренных детей были убиты во сне, а проект “Аниматус” вскоре вернулся к старым добрым психбольным…

— Так значит, это была Сони Тао, — улыбка Томаса была пронизана болью. — Одаренная, которая уничтожила небоскребы на пляже.

— Ты знал ее? — удивилась Эвридика.

— Судьба имеет паршивое чувство юмора, — ответил Том. — Это именно она уговорила меня развивать свои способности, не замыкаться в себе.

Сати промолчала, наверное, просто устала удивляться всем этим вещам.

— С тех пор я была уверена, что подобного больше никогда не повторится, что Роланд больше не посмеет…

— Ты говоришь о Сарасти, верно? — сказал Томас.

— Из протектория поступил заказ на нового аниматуса: более сильного, мощного и неуязвимого, чем когда-либо. Сарасти Розвели — идеальный претендент на эту должность. Если Роланду удастся сделать с ней то, что он задумал, Метрополь ждет большая напасть.

— Она и больная, и одаренная, — произнесла Сати, припоминая поведение девочки и ее взгляд сквозь непроницаемое стекло.

— Кстати, одаренность точно так же обуславливается геном,

— заметила Эвридика. — Он не наследуется, точнее, мы так и не смогли установить, что на это влияет, но факт остается фактом: человек вместе с душой теряет свою одаренность.

— Становится обычным? — приподнял брови Томас.

— Да. Одаренность — это не физическое свойство, как многие утверждают. Это свойство души.

— Свойство души… — повторил Томас, — Сони говорила точно так же.

— Она была очень мудрой для ребенка, — Эвридика покачала головой. — Мне жаль, так жаль, что все случилось именно…

Женщина умолкла, так и недоговорив. В зимний сад вошло двое людей, судя по всему, влюбленная парочка.

Томас и Сати оглянулись на них, а когда повернулись обратно, вместо Эвридики перед ними сидела молодая студентка с веснушками и светлыми волосами, забранными в высокий хвост.

— Спасибо, что поделилась с нами, — искренне сказала Сати.

— На свой страх и риск, — выпивка действовала на нее, и глаза студентки уже сбежались в кучу.

— Мы придумаем как остановить его, — негромко добавила Сати, когда парочка прошла мимо.

— Это невозможно, — Эвридика покачала головой. — Если Сарасти не удастся уговорить, он возьмет ее душу силой.

— В чем разница? — спросил Том. — Не все ли равно, ведь человек в любом случае умрет.

— Ген, отданный добровольно, более стабилен, чем изъятый насильно, — покачала головой Эвридика.

Сати почувствовала, что сестра Ойтуша привязалась к девочке, даже такой странной и дикой, как эта Сарасти Розвели. Должно быть, она видела в ней Сони Тао, или же причина была в чем-то другом.

Дольше в зимнем саду оставаться было небезопасно, и троица разошлась по своим делам.

***

В доме было темно. Эрика ждала мужа и, не зажигая свет, нервно бродила по комнате, кусая ногти. Они переехали сюда из отсека после рождения ребенка. В этой квартире было гораздо просторнее, а на одной из стен, вместо окна был панорамный дисплей. Сейчас он был отключен, и лишь световые пятна лениво плыли по нему, словно какие-нибудь простейшие под

микроскопом.

А вот и он: Марк вернулся с работы.

— У меня новость для тебя, — сходу начала Эрика, подлетая к мужу. — Я беременна.

Она внимательно смотрела в его глаза, чтобы не пропустить первое, самое главное впечатление. К ее счастью, это была искренняя радость.

— Провидцы сказали, возможность одаренности семьдесят-восемьдесят процентов…

— Так мало? — Марк вскинул брови и прислонился к барной стойке. Цифры его не убедили, тогда Эрика решила попробовать другой вариант.

— В центре планирования мне составили его портрет. Вот смотри, — женщина загрузила на дисплей изображение щекастого мальчугана.

— Это в десять лет, а вот это, — изображение поменялось, — В двадцать.

— Похож на меня, — улыбка тронула уставшее лицо Марка. На него смотрел молодой человек с голубыми глазами и вьющимися волосами, спадающими на плечи. — Но семьдесят процентов, Эрика!

— Ты предлагаешь прервать беременность? — холодно произнесла женщина, зная, что после увиденного муж ни за что не согласится на это.

— У нас уже есть один ребенок! — Марк нервно налил себе воды в стакан. — Это эгоизм заводить второго, зная, что его одаренность может никогда не проснуться.

— Нам бы выделили квартиру просторнее, — пытаясь преподнести ситуацию с другой стороны, Эрика нерешительно заломила руки.

— Ты с своем уме?! — с силой поставив стакан на стол, Марк схватил ее за плечи и встряхнул. — Какая квартира, если речь идет о человеческой жизни? Если он станет гражданином Второго класса, челюсти Метрополя проглотят его и не подавятся! Ты даже не представляешь, сколько людей умирает от голода, от тяжелого труда и травм на заводах!

Красивые пухлые губы Эрики задрожали.

— Мы даже не знаем, что будет с нашей дочкой, — Марк выпустил ее из рук и отвернулся. — Она все еще не получила

штампа, а ведь ей уже одиннадцать!

Эрика села на кровать и тихонько заплакала. Это был запрещенный прием. Марк Эвери был готов на все, лишь бы не видеть слез своей жены. Когда-то он влюбился в нее с первого взгляда. В эти каштановые волосы, что струились по плечам, в эти раскосые глаза в обрамлении длинных ресниц, смотрящие всегда немного насмешливо.

— Ну все, все, — примирительно сказал он. — Я же не сказал, что я против.

Эрика взглянула на него с благодарностью, а слезы вмиг исчезли.

— Как назовем нашего сына? — спросил Марк с улыбкой.

***

Это было как смотреть фильм в очках виртуальной реальности. В быстрой перемотке, задом наперед, с самим собой в главной роли.

Вот стволы деревьев озаряет свет молний, а по пятам гонится человек в экзоскелете. Карен плачет в подвале психушки. Тренировки с Айзеком. Подземка. Снова тренировки. Темнота и леденящий ужас, который всегда внушал ему туннель.

Шероховатые стены одиночной камеры, гулкая тишина и сновидения на грани безумия. Допрос. Арест. Аниматус. Сати.

Разряд тока будто бы прошел сквозь его тело, уходя в сырую землю. Ойтуш порывисто вздохнул и открыл глаза. Карие, а не голубые, вопреки ожиданиям его родителей. Он почувствовал, как дождь барабанит по его телу, смывает грязь и кровь, но приходить в сознание было еще рано: жуки в его мозге активно принялись за работу.

Подоспели картины из детства. Начальная школа и безуспешная попытка отдать его на воспитание приемным родителям. Плавательный бассейн и вкусный запах еды из школьной столовой; что ж, и в жизни Ойтуша было время, когда протекторий заботился о нем.

Затем он увидел нечто странное: круглую капсулу с толстыми стеклами. А за ними — километры воды. Вода давит, пытается расплющить, но капсула сдерживает ее, и все поднимается,

поднимается, поднимается. Наверх с самого дна, черного и жуткого, как дьявольская нора.

Ойтуш то спит, то просыпается, то вновь проваливается в тревожную дрему. Двое людей, что смотрят за показаниями датчиков, не замечают этого. Они уверены, что ребенок спит, как и все до него. Как и миллионы после.

Снова разряд тока и порывистый вздох. В рот натекло порядком воды и Ойтуш сплюнул ее. Вот бы посмотреть на таймер и узнать, сколько ему осталось… Но тело все еще не подчинялось ему.

Он на Острове. Гуляет по пляжу, коротая последние часы перед отбытием, и старательно топчет идеально ровный песок, пишет на нем свое имя, чтобы оставить хоть какие-то воспоминания после себя. Сказать, что он и вправду был здесь.

Перемотка в голове ускорилась, смешивая кадры в одну кашу. Чайки, пальмы, камни идеально круглой формы, большой обеденный зал. Голоса и смех, звон посуды — все это Ойтуш не раз видел в своих снах. И лишь перед последним кадром события снова замедлились, будто сознание хотело дать ему время насладиться самым первым и самым ярким воспоминанием.

Это было лицо молодой девушки. Она что-то ласково пела ему, когда он засыпал. Теперь Ойтуш не сомневался, что это была она — та самая беременная девушка из его снов. Его мозг всегда дополнял ее образ сиреневыми волосами, как у Сати, но на самом деле волосы Саши Лаллеман были цвета слоновой кости. Именно она заботилась о нем в детстве, и именно ей пришлось отправить его на большую землю перед своей смертью.

Теперь все встало на свои места. Ойтуш открыл глаза, закашлялся и перевернулся набок. Паралитическое действие игл закончилось, а большинство из них покинуло его организм, и теперь ливневые потоки стремительно уносили их прочь.

Остатки некогда светло-синей рубашки Терри Сэнкова насквозь пропитались кровью; Ойтуш без колебаний сорвал ее и швырнул прочь. Взглянул на часы. Ну надо же! 00:11:04! Одиннадцать минут на то, чтобы вернуться и извлечь чип. Вовремя он оклемался, ничего не скажешь! И все-таки Ойтуш не торопился.

Ему хотелось закрепить этот момент в памяти, ведь именно

сейчас он чувствовал себя как никогда живым и целостным. Все обрывки воспоминаний, все недомолвки сложились в его голове в одну большую картину.

Рядом не было ни души. Только лес и косая стена дождя, спускающаяся из темного неба. Ойтуш поднялся и подставил разбитое лицо этой воде, бьющей упругими каплями. Было больно, но терпимо, после того, что он пережил.

Теперь он помнил все. Он знал, что представляет из себя Остров и где он находится. И теперь просто не смел умирать, не сообщив эти сведения сопротивлению.

— Ойтуш! — это была Карен.

В том же самом платье, только испачканном и насквозь сыром, она бежала к нему.

— Пять минут! — крикнула она не своим голосом.

Нет, сопротивление не списало его со счетов. Его ждали до последнего момента.

Ойтуш кинулся бежать навстречу, и в какой-то момент двое налетели друг на друга, чуть не сбив с ног.

Деактивировать чип было поздно: его оболочка уже начала растворяться под действием химической начинки. Поэтому Захария и еще трое врачей, которые ждали Ойтуша на станции, предприняли другое. Инкапсулировали устройство, поставив заслонку, сохраняющую вещество мозга, чтобы позже, в стерильных условиях извлечь.

Айзек тоже был здесь. Он смерил Ойтуша долгим тяжелым взглядом, а затем произнес лишь одну фразу:

— Мы поймали его.

Глава 22

Заброшенная подземка больше не внушала Ойтушу ужаса. Куда страшнее было там, посреди лесопарковой зоны, когда он осознал, что за ним гонятся. В метро опасность была надуманной, порождением баек и игрой воображения, тогда как там она была вполне реальна.

В первую очередь Ойтуш хотел рассказать Айзеку об Острове, во вторую — попытаться извиниться, но глава сопротивления дал понять, что ни для того, ни для другого сейчас не время. Его человеческий глаз пылал от гнева, а на скулах играли желваки — еще бы, ведь он крепко разочаровался в одном из лучших своих вояк. Суд на Катокином должен быть состояться в ближайшие часы.

— Могу я поговорить с ним? — спросил Ойтуш, после того, как врачи привели его в божеский вид. Остатки игл-парализаторов были извлечены, а на лицо наложено с десяток швов.

— Только быстро, — ответил Томб Ситис, которого приставили охранять предателя. — Скоро начнется суд.

Ойтуш знал, что Катокина признают виновным и казнят, но он не мог не увидеть его перед этим.

— Если что, кричи громче, — Томб постучал по железной двери ангара, в которой держали бывшего офицера. — Хотя, больше он не представляет угрозы.

Это было верно подмечено. Катокин сидел на стуле, безжизненно опустив голову вниз. Его руки были скованы наручниками за спиной, а по лицу текли струйки крови. Должно быть, при задержании парню не слабо досталось.

Ойтуш медленно приблизился к нему; рана на бедре Катокина кровоточила, видимо, никто не удосужился перебинтовать ее.

— Это ты, — хрипло сказал бывший офицер, поднимая лицо на Ойтуша.

— Жив, как видишь, — сухо ответил тот.

— Меня… меня подставили, — Катокин сипло закашлялся.

— Да ну? — голос Ойтуша звучал уверенно, но самому ему вдруг стало по себе. Катокин был не из тех людей, которые стали

бы лгать перед лицом неминуемой смерти.

— Меня казнят, ты же знаешь наши законы. Я просто хочу, чтобы ты был в курсе.

— Кто тебя подставил? — Ойтуш попытался поймать его мутный ускользающий взгляд.

— Личный состав уже пытался выбить из меня хоть что-то, — во рту Катокина не хватало доброй половины зубов. — Но я ничего не помню.

— Ты хотел убить меня с самого начала, — бросил Ойтуш. — С тех пор как меня выловили из кислотного озера.

— Я не доверял тебе, это правда, — кивнул Катокин. — Но это не повод убивать.

— Я ранил тебя, — сказал Ойтуш, кивая на ногу.

— Ошибаешься, — горько усмехнулся вояка.

— Ты устроил обвал на станции? — Ойтуш перешел в наступление.

— Нет, говорю же!

— Тогда кто, черт возьми?!

— Не знаю! — крикнул Катокин и дернулся всем телом.

Его наручники звякнули, но Ойтуш и не подумал отшатнуться. Подоспел Томб Ситис и еще двое крепких парней.

— Все в порядке, Ойтуш? — спросил Протон.

— Да, в полном, — ответил Ойтуш, продолжая сверлить Катокина взглядом.

Но это было неправдой. Он вышел из ангара в полном смятении. Возможно ли, что Катокин не лжет? С одной стороны, Ойтуш не видел лица нападавшего, но с другой стороны колотая рана на его бедре была в том же месте, куда он всадил нож Карен. Солдаты сказали, что взяли Катокина в лесу, к тому же его экзоскелет был неисправен, это Ойтуш заметил еще на станции. Возможно ли, что кто-то вырубил здорового офицера, взял его оружие, экзоскелет и выволок в лес, да так, что никто не заметил? Ойтуш покачал головой: это было слишком нереалистично.

Вопреки его ожиданиям, суд был публичным. К главному кострищу стянулись десятки обывателей. Грязные, в лохмотьях, многие женщины были с грудными детьми на руках. В какой-то момент Ойтуш почувствовал отвращение ко всей этой толпе, которая слетелась посмотреть на казнь офицера. Но взглянув на Айзека, вышедшего вперед, он понял, что данная мера создана для устрашения. Пусть все знают, что бывает с предателями.

Двое людей в форме привели Катокина. Он был раздет по пояс, а его лицо напоминало огромную гематому. Ойтуш говорил с ним всего час назад, но теперь вид этого сломленного человека заставил его вздрогнуть. Избиения и пытки не оставили и следа от того улыбчивого мужчины с задорными усами-щетками.

— Катокин Рид, — громогласно произнес Айзек. — Ты обвиняешься в сговоре с протекторием, в подрыве станции метро, в предательстве армии сопротивления, а также в двойном покушении на убийство офицера личного состава — Ойтуша Эвери.

Услышав свое имя, Ойтуш невольно вздрогнул.

— Тебе есть что сказать в свою защиту?

— Я уже все сказал, — не поднимая головы, ответил Катокин, и Ойтуш понял, что эти слова адресованы ему лично. — Меня подставили.

— При задержании у тебя нашли парализатор с двумя пустыми обоймами, — сказал Айзек. — К тому же ты был ранен солдатом Эвери, когда пытался убить его.

Толпа зашепталась, и Ойтуш почувствовал, что взгляды многих обращены на него.

— Все, что я помню, это то, как в конце моего дежурства на станции кто-то вырубил меня… — выдавил из себя Катокин.

— Хватит морочить нам голову, Рид! — не выдержал Соторн. — Ты один из лучших бойцов в личном составе, кто мог тебя вырубить?!

Офицеры одобрительно зашептались; очевидно, что большинство из них было настроено против Катокина.

— Тишина! — рявкнул Айзек. В жилете, надетом на голое тело, с неизменным тесаком за поясом киборг внушал трепет огромной толпе, что стояла перед ним. — У меня есть еще один свидетель.

Ужас отразился на лицах людей, когда из туннеля, ритмично стуча рукояткой дрезины, выкатился Нейт. Сейчас, при свете костра, он выглядел не так пугающе, как в первый раз, и все же холодок пробежал по спине Ойтуша.

— Добрый вечер, добрый вечер, — вальяжно сказал он, выпуская изо рта столп дыма. — А вот и ваш незримый ангел-хранитель пожаловал.

Солдаты тотчас взяли его на мушку, на что Нейт лишь усмехнулся:

— Очень рад вашему теплому приему.

Солдаты насупились, но оружия не опустили.

— Ты помнишь, зачем ты здесь? — холодно напомнил ему Айзек.

— Мне надо дать показания, — Нейт затянулся. Было заметно, что он опасается Айзека, хоть и старательно не подает вида.

— Говори.

— Месяц назад я видел как человек в экзоскелете закладывал взрывчатку на станции “Арсенальная”, — произнес Нейт.

Толпа негромко зашумела.

— Тебе известно, что защитные костюмы имеются лишь у офицеров личного состава? — спросил Айзек, перекрывая всеобщий гул. — Более того, все они персонализированы. Другими словами, нейроинтерфейсом одного экзоскелета не может управлять другой человек.

— Разумеется, — Нейт кивнул.

Вот те на. Этого Ойтуш не знал. Выходит, что Катокин все же был виновен, если, конечно, кто-то не взломал этот нейроинтерфейс.

— Я укреплял стены, — возразил Катокин, а затем, взглянув на Айзека, добавил. — Ты сам отдал мне такой приказ.

Глава сопротивления не удостоил его даже взглядом. Остальные же смотрели на Рида с неприкрытой ненавистью и отвращением, словно на таракана. Все, кроме Ойтуша.

— Я хочу выступить с показанием, — послышалось из толпы. Народ расступился, пропуская к костру Тору Матиаса.

— Мы с Карен вернулись на станцию раньше Ойтуша. На КПП мы не заметили Катокина, а на вопрос, где он, караульные ответили, что он ушел без объяснения причины.

— Так и есть, — закивали некоторые из офицеров.

— Никто не имеет права покидать свой пост, — произнес Соторн, сжигая обвиняемого взглядом.

— Но я же сказал, что на меня напали! — из последних сил крикнул Катокин. — Я ничего не помню!

Ойтуш увидел, как Айзек сдерживается, чтобы не ударить его. Внезапно ему в голову пришла блестящая идея. Мозговые жучки.

Если Катокин прав, и его действительно подставили, то им просто необходимо узнать, кто это сделал. Мозговые жуки помогут ему воскресить провалы в памяти, как помогли и ему.

— Суд объявляет тебя виновным и приговаривает к казни, которая будет исполнена немедленно, — громогласно произнес Айзек.

— Нет! — крикнул Ойтуш, но его голос потонул во всеобщем хаосе. Раньше надо было идеями блистать.

Двое солдат крепко схватили Катокина и поставили на колени. “Они убьют его сейчас!” — подумал Ойтуш и принялся протискиваться вперед, к кострищу. Люди давили его со всех сторон, выкрикивая «Предатель!» и другие, более крепкие слова по отношению к преступнику.

Подобравшись почти к самому центру происходящего, Ойтуш увидел, как солдаты надели на шею Катокина что-то вроде ошейника, а Айзек лично зафиксировал его голову своей хромированной лапищей.

— Нет! Остановись, Айзек! Это ошибка! — заорал Ойтуш под натиском толпы.

Но было уже поздно. Полные отчаяние глаза Ойтуша столкнулись с безжизненным взглядом бывшего офицера. Еще мгновение — и его ошейник дернулся, пробивая насквозь обе сонные артерии. Голова Катокина безжизненно опустилась на плечи; двое подхватили его за руки и уложили на носилки.

Что было дальше — Ойтуш плохо помнил. Айзек сказал что-то по поводу предательства, которое карается смертью, Катокина унесли, а обыватели, насытившись зрелищем, начали потихоньку расходиться по домам.

Еще три часа назад Ойтуш бы радовался подобному исходу, но сейчас внутри него была лишь пустота и твердая уверенность в том, что все они совершили большую ошибку

***

Одним годом раньше

Служитель протектория не прятал лицо. В этом не было необходимости: какой глупец осмелится пойти против тоталитарной системы, которая возводилась столетиями, жернова, который способен перемолоть любого своими гигантскими челюстями.

Мистер Обадайя Лонг не был рядовым полицейским. Он явно был кем-то из высших чинов: об этом говорил и его красный плащ с капюшоном и вежливые, даже дружелюбные манеры.

— Так мы с вами договорились?

— Да. Я выполняю условия контракта, и вы отправляете меня на Остров.

— Совершенно верно. Позвольте узнать, мистер Номи, — Обадайя прищурился, а его тонкие губы тронула полуулыбка. — Зачем вам туда? Вы там будете словно неандерталец, единственный из всех, не обладающий одаренностью.

— Я быстро учусь, и еще быстрее адаптируюсь, — ничуть не смутился его собеседник, — Я умный. Вы сами убедитесь, когда я сдам вам Айзека.

— Нам не нужен Айзек, я повторяю, — Улыбка Обадайи вмиг исчезла. — Пусть он и его команда играются в своей песочнице до поры до времени. Мы полностью контролируем сопротивление, пока оно не лезет во взрослые игры.

— Тогда кто вам нужен?

— Нам нужен тот, кто копает слишком глубоко. Кому известно об Острове больше, чем следует.

Собеседник мистера Лонга поежился от промозглого ветра. На железнодорожной станции, где была назначена встреча, сквозняки дули со всех сторон, пронизывая до самых костей. Осень вот-вот закончится, а там и зима. А зима в заброшенной подземке — испытание то еще. Десятки костров, что разводят в ржавых канистрах не могут защитить от холода. Ты просыпаешься от стука собственных зубов, и уже не можешь заснуть до утра.

Собеседник Обадайи Лонга хорошо знал, что не все повстанцы переживут еще одну зиму, и ему вовсе не хотелось быть в их числе. Умирали не только хилые и слабые дети или старики; прошлой зимой один из дозорных замерз прямо на своем посту.

— Я все понял, — кивнул он, глядя как Обадайя тщательно размешивает сахар в пластиковом стаканчике с кофе. На вид служитель протектория был его ровесником; его лицо и руки были холеными, а пальцы ухоженными и покрытыми прозрачным лаком. Абсолютно черные глаза в сочетании с белоснежными бровями и волосами придавали ему вид немного потусторонний, не удивительно что мистеру Номи хотелось как можно скорее закончить беседу и убраться отсюда.

— Вот и замечательно, — прищурился Обадайя, улыбаясь ему, словно лучшему другу.

Грызла ли совесть того, кто назвался Номи? Он всегда был неудачником. В школе и в университете, из которого его благополучно выгнали. Когда Айзек завербовал его, он решил, что сможет начать все с нуля, но и в подземке он оказался слабейшим из всех остальных. Тогда как все его друзья с энтузиазмом ждали очередной вылазки из лагеря, у него поджилки тряслись до потери пульса. Однако Номи действительно не был глупым: у него хватило ума не показывать своей трусости, а, более того, заставить Айзека и остальных уверовать в его талант и незаменимость.

А еще он знал, что Айзек не победит. Никогда. Какими бы ресурсами он не обладал, протекторий всегда будет на шаг впереди. Меньше всего ему хотелось быть арестованным и гнить в тюрьме, но и перспектива прожить всю жизнь в мерзких катакомбах была не менее отвратной. Поэтому нет, мистера Номи не грызла совесть. Ему было неприятно подставлять друзей, но жизнь есть жизнь, и каждый в ней заботился только о своей шкуре.

***

— Это все, что мне удалось вспомнить, — Ойтуш закончил свой монолог, который длился около часа. — Но этой информации, я полагаю, более чем достаточно.

Он внимательно оглядел пятерых людей, сидящих за столом, задержав свой взгляд на Айзеке.

Тот не выглядел потрясенным, скорее, как человек для которого в эту минуту многое сложилось. А еще, после потери Катокина, Айзек не горел желанием убивать его. Наверняка он знал, что Ойтуш нарушит приказ, отправившись в самоволку, и предвидел, что это может иметь интересные последствия.

— Вы единственные, кому я могу доверять, — добавил Ойтуш. — И я очень надеюсь, что сопротивление, — здесь он вновь пристально посмотрел на Айзека, — Примет правильное решение.

— Ну надо же! — фыркнула Карен, нарушив молчание первой. — Этот треклятый Остров все время был у нас под боком!

— Мы все это время смотрели не туда, — добавил Захария.

— Ты помнишь глубину скважины, Ойтуш? — спросил Протон.

— Нет, говорю же. Будучи ребенком, я не запоминал цифр. Я лишь знаю, что он на дне гигантской океанической впадины.

— Мы никогда не изучали мировой океан, — Тора снял свои большие очки и протер их. — Они отвлекали наше внимание, заставляя смотреть в небо. Если мы сосредоточимся на поиске крупных тектонических разломов, то легко сможем вычислить их местонахождение.

— Получается, Остров — это кусочек земли, спрятанный глубоко в океане… И атмосфера там тоже искусственно созданная, — задумчиво подытожил Айзек.

— Да, огромный воздушный пузырь со сложной системой шлюзов, — кивнул Ойтуш. — Я помню в детстве мне часто снилось, будто бы небо вот-вот рухнет и раздавит меня. Теперь я понимаю почему.

Люди за столом задумчиво переглянулись.

— Как мы попадем туда? — спросила Карен.

— Вариант только один: позаимствовать батискаф, который перевозит одаренных, — глава сопротивления скрестил руки на груди.

— Позаимствовать? Минутку, — забеспокоился Ойтуш, — Что ты имеешь в виду, Айзек?

— Мы отправимся туда. Все шестеро, — ответил киборг.

— Но зачем? Пойдем войной на одаренных? — Ойтуш переборщил с мимикой, и раны на его лице вновь начали ныть.

— Для начала соберем информацию, офицер Эвери, — сухо отозвался Айзек. — Не забывай о проекте “Х”, об аниматусах, которых выращивают эти засранцы.

Но Ойтуш не верил ему. Айзек явно что-то задумал, иначе зачем ему интересоваться системой шлюзов.

Словно прочитав мысли Ойтуша, киборг примирительно добавил:

— Твоя подруга не пострадает, Ойтуш. Даю слово.

Парень невольно встретился взглядом с Карен. “Надо будет поблагодарить ее за нож”, — подумал он.

— Как поступим с провидцами? — поинтересовался Протон. — Они наверняка узнают о нашем плане заранее.

— Будем действовать по обстоятельствам, — расплывчато ответил Айзек. Еще больше Ойтушу не понравилось то, что после собрания он велел Торе и Захарии остаться для беседы с глазу на

глаз.

— Как ты думаешь, что он затевает? — спросил он у Карен.

Но девушка смотрела куда-то мимо него.

— Карен?

— Что? Ой, прости, — она потерла усталые глаза, — Я просто валюсь с ног.

До Ойтуша только сейчас начало доходить, что пока он валялся под дождем, ловя инсайты, кое-кто в подземке мог места себе не находить.

— Прости, что заставил тебя волноваться, — произнес он. — И спасибо за нож.

— Нож? — Карен непонимающе уставилась на него.

— Да, я нашел его у себя в кармане, — пояснил Ойтуш. — И засадил этому ублюдку…

Тут он осекся, сообразив, что это был не Катокин.

— В чем дело?

— Айзек казнил не того солдата, — негромко произнес Ойтуш. — Лазутчик все еще в подземке.

— Ты уверен? — Карен нахмурила обожженные огнем от зажигалки брови.

— Более чем, — кивнул Ойтуш. — Но это неважно сейчас… Иди отдохни.

— Да, пожалуй, — Карен обессиленно выдохнула и по привычке начала хлопать себя по карманам в поисках пачки сигарет.

Ойтуш покачал головой, и положил свои руки поверх ее, смуглых и жилистых.

— Не надо, — сказал он в ответ на ее немой вопрос.

— Это тебе… не надо, — смутилась Карен.

Только сейчас Ойтуш понял, о чем говорил ему Томб Ситис. Карен была влюблена в него, это было написано на ее лице.

— Где ты живешь, Карен? — спросил он, по-прежнему не выпуская ее руки.

— С Эвелин, возле теплиц, — девушка неопределенно мотнула головой в сторону.

— Пойдем, я провожу тебя, — не предложил, а поставил перед фактом Ойтуш.

— Я сама дойду, — неожиданно дерзко огрызнулась Гравано, но парень лишь крепче сжал ее запястья.

В эту минуту он не думал ни о ком, кроме Карен. Она была в его руках, и он не собирался ее отпускать.

— Я уже сказал тебе спасибо? — шепнул он, наклоняясь совсем близко к ее лицу. Не накрашенная, веснушчатая, с искусанными пухлыми губами — она была идеальна для него.

— Не помню, — ответила Карен, выдерживая его взгляд.

— Спасибо, — Ойтуш поцеловал ее губы, долго и с наслаждением.

Умерев и воскреснув в очередной раз, он понял одну простую истину: все впустую, если не умеешь наслаждаться моментом.

***

На этот раз встреча должна была состояться в самом здании протектория. Несмотря на середину осени, на улице было тепло и очень влажно, однако внутри это серой неприступной громады царила прохлада. Мистер Номи шел, прихрамывая на изувеченную ногу. Каким же надо быть идиотом, чтобы дать этому выродку покалечить себя? В подземке ему приходилось все время притворяться и едва ли не галопом скакать перед Айзеком и его сворой, но здесь можно было немного пощадить себя.

К тому же сейчас амплуа страдальца будет как никогда впору мистеру Номи. Обадайя наверняка собирается устроить разнос, так может быть, вид калеки несколько смягчит его.

Сияющий мистер Лонг с неизменной чашечкой кофе в руках вышел к нему навстречу. Рядом с ним важно шагал мальчик лет восьми в идеально сидящей форме группы дознания.

— Привет, привет, — сказал Обадайя, улыбаясь Номи, словно старому приятелю. — Чем порадуешь?

— У меня есть хорошие новости, — Номи почувствовал, как во рту его пересохло.

— Ойтуш Эвери мертв?

— Нет, — парень опустил глаза, не в силах выдерживать сумасшедшего взгляда абсолютно черных глаз Обадайи.

— А почему? — участливо поинтересовался тот.

— Я не смог убить его. Он оказался слишком живучим. Взгляните, что он сделал с моей ногой…

— Мне плевать на тебя! — неожиданно крикнул Лонг, срывая голос. — Я могу приказать, и тебе вырвут язык прямо сейчас!

Его высокий голос эхом разнесся по залу и темным коридорами протектория. Несколько служителей в длинных

плащах обернулось. Больше всего на свете мистеру Номи хотелось провалиться сквозь землю, но все, что он мог, это проклинать себя за эту сделку с протекторием, которая оказалась ему не по зубам.

— Мне позвать карателей? — поинтересовался мальчик в форме.

— Не надо, Ройсс, я пошутил, — сказал Лонг, продолжая сжигать несчастного посетителя взглядом. — Дадим Номи еще один шанс. Что скажешь, мистер Двуликий?

Обадайя невероятно гордился собой, придумав это прозвище, но он вовсе не был оригинальным. Как только не называли человека, чье лицо было наполовину парализовано. «Мистер Двуликий» звучало не так оскорбительно, как, например, паралитик или урод, но все же напоминала Торе Матиасу о своем врожденном недостатке.

— Я убью Ойтуша, обещаю, — сказал он, снова встречаясь взглядом с черными глазами.

— Вот и славно, — тот снова приторно улыбнулся и отхлебнул уже остывший кофе. — Так что за новость ты нам принес?

— Айзек собирается на Остров, — сказал Тора.

— Так, так, это интересно. И когда?

— Когда я достану ему сведения о морских беспилотниках.

— Через неделю с мыса Дьявольские врата отправляется судно «Вектор» с тремя батискафами. Они повезут сырье, — отозвался Лидо Ройсс. Рядом с Обадайей он напоминал собачонку на поводке, готовую выполнить любую команду.

— Просто отлично! — хлопнул в ладоши Обадайя, разбрызгивая черную жидкость из чашки. — Скорми Айзеку эти новости, и ровно через неделю мы будем ждать их во всеоружии.

— А наша сделка? — напомнил Номи-Тора.

— Да, да. Ты сможешь отправиться тем же рейсом. Если выполнишь все условия до конца.

Обадайя и Ройсс ушли, оставив Тору стоять, переваривая случившееся. Он только что сдал им родного брата, друзей и того, кого всегда уважал и ценил, как лидера и наставника. Другой на его месте ненавидел бы себя, но Тора мечтал лишь о том, как свалит из этого проклятого города.

С самого детства он завидовал своему брату, одаренному, чей

феноменальный ум щелкал самые сложные задачи, как орешки. Это Захарии всегда было предназначено отправиться на Остров, а не ему. Что ж, теперь он с удовольствием посмотрит на то, как его маленькое тщедушное тельце пойдет на дно.

Вернувшись на станцию, Тора сразу же направился в медблок. Надо было извлечь чип и перебинтовать бедро, пока оно снова не начало кровоточить. Черт, этому ублюдку Лонгу надо было встретиться именно сегодня! Пришлось вкалывать себе транквилизаторы, чтобы хоть как-то ходить. Но сейчас их действие уже подходило к концу, и Тора еле плелся, волоча ногу за собой. Если кто-то увидит его в таком состоянии — вопросов не избежать.

В медицинском блоке было пусто. Парень в изнеможении плюхнулся на кушетку. Его рубашка насквозь пропиталась потом, волосы на голове взмокли и растрепались. Содрав с себя штанину, он обнаружил, что нога знатно опухла — заживление шло гораздо медленнее, чем он предполагал. Ну еще бы, ведь этот урод всадил нож почти до самого основания.

Но прежде всего нужно было извлечь пиратский чип. Приставив к шее небольшое устройство, напоминающее шприц-ручку, Тора приготовился испытать боль. Секунда — и крошечный микропроцессор звякнул о стенки капсулы. Парень швырнул его в контейнер для бытовых отходов и измученно закрыл глаза.

Капелька крови вытекла из носа Торы. Еще штук десять таких операций, и он точно наградит себя раком мозга.

— Что с тобой? — прозвучал за спиной чей-то удивленный голос. Это была Карен Гравано.

Недоверчиво хмурясь, девушка стояла в дверях медицинского блока.

— Был на задании Айзека, — как можно более равнодушно ответил парень. — Не поможешь мне?

Карен аккуратно наклеила пластырь поверх раневого канала.

— Почему ты не позвал Захарию? — спросила она.

— У него дел сейчас по горло, как и у всех. Кстати, а ты зачем приходила? — поинтересовался Тора.

— Нужны были таблетки от головы, — соврала Карен. Тут взгляд ее упал на бедро Торы, наспех прикрытое тряпками. — Черт возьми, а это еще что?!

Глаза Торы полыхнули стальным блеском. Лучше всего было убить ее прямо здесь, а тело выкинуть в утилизатор. Однако, в таком состоянии он вряд ли справился бы с одним из лучших бойцов личного состава.

— В нулевых районах все еще полно отморозков, — ответил Тора, показывая рану. — Отморозков, вооруженных гвоздезабивными пистолетами.

— Что ты там делал? — Карен явно заподозрила неладное.

— По заданию Айзека, я же сказал, — еще один вопрос, и ему действительно придется перерезать ей горло.

Карен кивнула, но Тора мог поклясться, что она не поверила ему. Да и кого он пытался обмануть? Гравано вовсе не походила на наивную девчонку, которой можно навешать лапшу на уши. Но вопреки всему, на лице девушки отразилось вполне искреннее сочувствие.

— Давай я помогу тебе обработать рану, — предложила она.

Глава 23

Разговор с Эвридикой не остался незамеченным. И ее, и Томаса настолько завалили работой, что ни о каком свободном времени и уж точно о вылазке в “зону Х” не было и речи. Сати по инерции продолжала ходить на пары, ожидая, что вот-вот на ее плечо ляжет холеная рука Роланда Грейси, а он сам предложит ей “немного прогуляться”. Интересно, тех одаренных, которые стремятся прыгнуть выше головы, тоже превращают в аниматусов?

Все очарование Острова было потеряно для Сати безвозвратно. Теперь вместо головокружительных закатов она смотрела в небо над бухтой, за скалистыми грядами которой, как заверил ее Томас, иногда можно было увидеть свечение. Она больше не могла насладиться умиротворяющей тишиной коридоров: Сати все время казалось, что она слышит приглушенные крики, доносящиеся из подвала. А по ночам девушку мучили кошмары, в которых маленькая Сони Тао одним лишь взглядом превращала в пыль тысячи одаренных, живущих на Острове.

Эти последние несколько недель стали для Сати Лаллеман погружением в ад. Но преисподняя была еще впереди.

Следующее воскресенье был волнительным днем: на Остров прибывала новая партия одаренных. Именно сегодня Томас и Сати условились встретиться после завтрака в зимнем саду, но в последний момент Томасу велели присоединиться к встречающим. Шестерых новичков необходимо было забрать из кают, провести краткий инструктаж, в общем — сделать все то, что когда-то делали с Сати.

Ровно в полдень Том, Эвридика, профессор Фриз и еще трое учителей исчезли в телескопических трапах причалившего глайдера. Сати не видела как он садился: был сильный туман, и когда девушка выглянула в окно в обеденном зале, очертания воздушного судна уже виднелись на причале.

Надев дождевик поверх полюбившейся толстовки, она вышла на пляж: все-таки интересно было, что за подростков привезли на этот раз.

Когда Сати приблизилась к глайдеру, пятеро ребят уже сгрудились около Эвридики, демонстрирующей чудеса перевоплощения. Все же одаренность мисс Эвери была достаточно уникальной и в меру эффектной, чтобы пустить пыль в глаза дерзким новичкам, привыкшим считать себя звездами. Почти все они вели себя нарочито развязно, говорили громко и с жаром обсуждали детали полета.

Сати невольно вспомнила себя в свой первый день на Острове: новая жизнь, скорее, пугала ее, чем манила новыми возможностями.

— У вас каюта с кондиционером была? Я так запарилась, — темнокожая девушка с кудряшками недовольно надула губы. — Мне сказали, что это лучший глайдер, неужели у всех так?

— Расслабься, Грета, обратно не скоро полетишь, — высокий качок положил руку ей на плечо, которую девушка тут же смахнула.

— Точнее, никогда, — добавил парень, напомнивший Сати Олли Бревика из ее класса.

— Здесь что, “Око” не работает”?! — возмутилась высокая блондинка, перезагружая свой визор, — Я обещала родителям позвонить, когда доберемся.

— Мы пользуемся другой системой, локальной, — спокойно пояснила Эвридика.

— Вот подстава!

Последним из трапа показался Томас вместе с высоким нескладным парнем с длинными как у паука конечностями. Увидев его, некоторые из подростков насмешливо фыркнули.

— Теперь все в сборе, — Эвридика еще раз пересчитала детей. — За мной!

Томас выглядел мрачным словно туча, должно быть, новичок завалил его вопросами.

— Ты как? — негромко спросила его Сати, направляясь вслед за всеми.

— Задолбался, — честно ответил Том. — Но этот, — он кивнул на “паука”, — Тот еще кадр.

Сати взглянула на затылок идущего впереди парня: интересно, чем же он так довел Томаса?

— Как тебя зовут? — спросила она догоняя.

— Мелвин, — парень с интересом покосился на Сати.

— Сати, — представилась та. — Как долетел, Мелвин?

Тот устало вздохнул:

— Я уже рассказал профессору Кэлвину-Смиту: это был не полет.

— В смысле? — Сати покосилась на “профессора”, плетущегося сзади.

— Все было так: я заснул, потом проснулся в маленькой капсуле, под водой. Мне что-то вкололи и очнулся я уже здесь, в кающе, — Мелвин активно жестикулировал, как человек, которому трудно было довольствоваться лишь словами.

— Ты уверен, что это был не сон? — уточнила Сати, вспоминая свой полет, розовые облака, стратосферу и очертания Острова вдалеке.

— Я практически не сплю, Сати, — Мелвин хрустнул своими длинными паучьими пальцами. — Только под действием сильных препаратов, и то недолго. Нервная система слишком возбудима.

Сати обратила внимания на его локтевые сгибы: они были усеяны красными отметинами после инъекций. Сколько же раз ему вкололи снотворное?

Из тумана вынырнуло три высоких фигуры: мужчины в форменных толстовках.

— Всем добрый день, — дежурно поприветствовал один из них, а второй указал на Мелвина и спросил:

— Ты Мелвин Аспера? Пожалуйста, иди за мной.

Мелвин в последний раз взглянул на Сати и исчез в тумане под конвоем этих верзил.

— Ты видел их раньше? — спросила Сати у Томаса, но тот отрицательно покачал головой.

— Все это так странно, — девушка оглянулась назад, но очертания глайдера уже исчезли в густом тумане. — Что же он видел на самом деле?

— В том-то и дело, — сказал Томас. — С его сознанием действительно происходит что-то странное. Этот Аспера словно и вправду был под водой.

— Может, он того? — предположила Сати. Томас рассеянно пожал плечами.

— Слушай, — вдруг оживилась девушка, вспомнив кое о чем. — А тебе делали укол перед полетом?

— Только кровь брали на анализ, — Томас прищурился вспоминая. — Потом сказали, что я в обморок упал; проснулся уже в кающе.

— Мне делали инъекцию антидота, — сказала Сати. — Потом я спала. Совпадение, как думаешь?

— Я уже ничего не знаю, — парень действительно выглядел очень замучено.

***

Вечером в главном холле должно было состояться что-то вроде официальной вечеринки в честь вновь прибывших. Были цветы, конфеты и шампанское. Сияющий Роланд Грейси, облаченный в белый костюм и шарф, лично разливал игристое по бокалам и с удовольствием отвечал на вопросы новичков.

— В школе я изучал черные дыры, — рассказывал парень по имени Оскар. — Я надеюсь, на Острове найдется необходимое оборудование, чтобы продолжить работу.

— Ого, какие запросы, — усмехнулся Роланд и негромко добавил. — Я попробую что-нибудь придумать, может удастся выбить для тебя небольшую обсерваторию… Но пока учись хорошо, запомнил?

— Конечно, президент Грейси, — безграничное доверие Оскара было успешно завоевано.

— Гляди, как пыль в глаза пускает, — шепнула Сати Томасу. — Кстати, а где Мелвин?

Нескладного подростка и вправду не было в холле.

— Я не могу найти его, — шепнул Томас после нескольких безуспешных попыток связаться с сознанием Мелвина. — Чушь какая-то!

— У меня не очень хорошее предчувствие, Том, — Сати сделала глоток из бокала и мрачно оглядела присутствующих. — Пойдем отсюда?

Но далеко им уйти не удалось. Уже после первого поворота они почти нос к носу столкнулись с Мелвином, уныло бредущим куда-то в сопровождении тех же типов, которые сегодня днем увели его с пляжа.

В ответ на нервную улыбку Сати, он лишь тупо поморгал, словно животное, которое ведут на убой.

— Его “обработали”, — сказал Томас, когда Мелвин и его конвоиры вошли в лифт.

— Что? — на лице Сати отобразился ужас.

— Сознание повреждено, — Томас нахмурился. — Как у тех

лягушек, на которых вы проводите опыты. Они оставили парню лишь набор примитивных рефлексов…

— Можешь не объяснять, — Сати потрясла головой. Ей и вправду стало очень жутко: ведь всего несколько часов назад она говорила с человеком, который сейчас ее даже не вспомнил.

— Сати, я знаю, что это ужасно, — Томас внимательно посмотрел ей в глаза. — Но это наш шанс реально разузнать что-то о зоне “Х”. Если мы сейчас последуем за ними…

Вместо ответа, девушка решительно схватила его за руку и потащила к лифту.

— Стой, — ладонь Томаса была влажной. — Поедем на грузовом.

Это была хорошая идея, если они и вправду хотели остаться незамеченными.

На пляже было темно. Стремительно плыли низкие облака, из-за которых то и дело выглядывала луна.

— Смотри! — Томас указал на большие валуны метрах в трехстах от них. Там стояли Мелвин и двое мужчин, которые привели его. На первый взгляд казалось, что они просто разговаривают, но в действительности все было не так.

— Нам надо уходить, Сати, — сухо произнес Томас и без объяснений потащил девушку в сторону глайдера.

— Что? Что происходит?

Дорога была каждая секунда. Томас хорошо знал этот почерк, этот отпечаток в сознании человека, который задумал совершить убийство. И у этих типов, которые привели Мелвина на пляж, он был слишком ярко ощутим. Им приказали устранить чересчур прозорливого одаренного, а также всех потенциальных свидетелей.

— Куда мы идем? — Сати то и дело спотыкалась, с трудом выдерживая быстрый темп, который задавал Томас.

— Спрячемся в глайдере, а там видно будет. Возвращаться нам пока что…

В этот момент послышался звук приглушенного выстрела. Затем еще один — контрольный. Сати коротко вскрикнула, и это было большой ошибкой. Слышимость на пляже ночью была просто отличная.

— Они убили его, Том! — зашептала она.

— Я знаю, — парень почти бежал, волоча ее за собой, как

куклу. — И сейчас примутся искать свидетелей.

До ближайшего рукава оставалось всего несколько метров. Они вбежали в него, освещая путь лишь фонариком на часах Томаса. На стенах трапа Сати заметила цифру четыре, большую и жирную, повторяющуюся не один раз.

Томас приложил магнитный ключ к двери, и уже через секунду они оказались в каюте. Она была точно такой же, что и каюта, в которой летела Сати: та же мягчайшая в мире кровать-яйцо, кресло, тумбочка с зелеными яблоками в корзинке и приятный медовый свет ночника. Сати словно и не уходила отсюда никогда.

— Здесь оставаться нельзя: каюты они будут обыскивать в первую очередь, — сказал Томас. — Нужно более надежное укрытие.

За дверью их ожидал длинный коридор. “1”, “2”, “3”, “4”, — Сати пересчитывала каюты, что тянулись до самого конца. Сколько же их здесь?

— Отыщем кабину пилота, — предложил Томас.

Но вместо кабины пилота в конце коридора была небольшая каморка, напоминающая автоматизированный пульт управления.

— Что это? — Сати нахмурилась и потянула за рычаг с надписью “Режим полета”. В тот же миг корабль ожил. На мониторах появилось изображение двадцати одинаковых кают, зашумели двигатели, а пальцы ощутили едва заметную вибрацию.

— Мы что, взлетаем? — Сати не на шутку испугалась.

— Не думаю, — с обреченной полуулыбкой Томас покачал головой. — Это штука летать не умеет.

Он взял девушку за руку и отвел в одну из ближайших кают, кажется, под номером семнадцать. Войдя внутрь,

Сати не сразу поняла, что она видит: интерьер одной из стен был отключен и через прозрачный корпус виднелась хорошо знакомая картина. Лазурное небо, облака, напоминающие вату, и что самое нелепое — очертания Острова, маячившие на горизонте.

Картинка была настолько живой и реалистичной, что Сати на миг подумала: они поднялись в воздух и теперь кружат над Островом.

— Чертовы ублюдки, — выдохнул Томас, хватаясь за волосы. Сати еще никогда не видела этого сдержанного типа настолько

изумленным. — Вот как они дурят нам голову…

— Это что, все ненастоящее? — Сати приложила ладонь к стеклу.

— “Режим полета”, — Томас был готов захохотать от нервного перенапряжения. — Имитация.

— Но зачем? Я не понимаю.

— Глайдер никогда не летал на Остров, — медленно озвучил Томас свою догадку. — Потому что Острова не существует, и Мелвин узнал об этом.

— Тогда где мы? — Сати поежилась от мурашек, ползущих по ее телу.

— Под водой, — Томас вдруг вспомнил, что уже ощущал это, когда пытался найти Мэгги: чувство, что его сознание преодолевает сотни километров воды. — В воздушном пузыре на дне океана. Это многое бы объяснило…

В этот момент в коридоре послышалась возня. Это были они — те самые типы, что убрали Мелвина. Сати взглянула на монитор и от ужаса зажала рот ладонью: двое мужчин уже ворвались в первую каюту-имитацию, и теперь разносили мебель, чтобы отыскать их, случайных свидетелей убийства.

— Что делать, Том? — Сати с надеждой посмотрела на парня. — Сможешь их отвлечь?

— Я постараюсь, — Томас медленно опустился в кресло за пультом управления. — Тогда я сделал это неосознанно, не знаю, сработает ли теперь.

Выхода не было. Им ничего не оставалось, как сидеть и смотреть, как парочка бугаев вламывается в одну комнату за другой, продвигаясь все ближе и ближе к их убежищу.

— Они вооружены, — произнес Томас. Он сидел с закрытыми глазами, с силой прижимая пальцы к вискам. — Один из них способен предвидеть события на несколько секунд вперед, второй… Про второго ничего не могу сказать, он закрыт для меня.

Сати нервно ходила по рубке и кусала ногти. Она понимала, что если “режим невидимки” не сработает, ей придется прикрывать Томаса своим телом, пока одаренные не выпустят в них всю обойму. А это весьма сомнительное удовольствие.

— Они за дверью, Том, — произнесла она, обращаясь к монитору.

Секунда — и дверь в рубку с шумом распахнулась. Сати замерла от ужаса, глядя в черные дула пистолетов, что были направлены прямо в ее голову. Но стрелять эти типы, похоже, не собирались.

— Никого, босс, — произнес тот, что был ниже ростом. — Пусто.

Должно быть, он общался с кем-то из начальства посредством местной версии “Ока”. Возможно, что и с самим Роландом, кто знает.

Тем временем Томас медленно поднялся со своего места и направился к выходу, поманив за собой Сати. Он ничего не говорил, но каким-то образом девушка поняла, что он не сможет долго удерживать их внимание. Пора было убираться отсюда.

— Они только что были здесь, — тот, что был повыше и покрепче плюхнулся в кресло, в котором только что сидел Томас, — Посмотри на запись!

Его напарник встал рядом за спиной.

— Роланд сказал: “Заполучить их тела любой ценой”, — сказал он.

— Они не могли далеко уйти, — первый снял с пистолета глушитель. Но Сати и Томас уже бежали по коридору со всех ног.

Так значит, тела. Ну еще бы: у протектория большие аппетиты, а модифицировать старое тело гораздо проще, чем выращивать новое.

Они бежали по мокрому песку не оглядываясь. На этот раз путь их лежал к небоскребу Томаса: громаде, чья верхушка утопала в низких, стремительно скользящих по небу облаках. Луна то появлялась, то исчезала; Томас и Сати старались огибать участки, освещаемые небесным светилом, в плохом случае их было видно так же хорошо, как в свете прожекторов или фар.

Вдруг Томас вскрикнул и схватился на плечо. И тут же над головой просвистел еще один выстрел. Их заметили.

— Они видят нас! — в отчаяние выкрикнул он, но поделать ничего не мог. Слишком сложно было одновременно и бежать, и контролировать сознание двух сильных одаренных.

“Так они расстреляют нас, словно живые мишени!” — подумала Сати.

Следующие несколько выстрелов угодили ей в голени. Девушка упала как подкошенная, увлекая за собой Томаса. Она

видела как песок вокруг них вздыбливается от пуль маленькими воронками, как будто закипает. В лунном свете это выглядело даже красиво.

Сати знала, что она может выжить. Ее одаренность еще никогда не подводила, даже после перелома шеи. Но вот Томас…

Пули продолжали свистеть, то и дело задевая ее, но Сати, собрав остатки мужества, заползла сверху на лежащего на животе Тома, тем самым прикрыв его своим телом.

Он был без сознания — при падении ударился головой о камень, но, кажется, все еще жив. Хотя это не надолго: топот ног преследователей был уже совсем близко.

— Возвращаться? — недовольно произнес один из них всего в десяти метрах от лежащих на песке Сати и Томаса. — Но босс, мы почти взяли их… А, ччерт!

“Неужели Роланд велел оставить нас в покое?” — мелькнуло у Сати. — “Зачем?”

И действительно, зачем? Ведь девушка была почти что живым трупом. На ее теле было по меньшей мере десять огнестрельных ранений: икры, бедра, спина, легкие, которые оказались пробиты насквозь в нескольких местах… Сати чувствовала, что кровь вытекает из нее вместе с жизнью.

“Ну где же ты, одаренность?” — подумала она, прежде чем провалилась в беспамятство.

***

Последний якорь был поднят, и «Вектор» отплыл, оставляя мыс Дьявольское врата позади. Три автономных батискафа болтались по правому и левому борту, словно огромные бусины. В них было “сырье”: преступники, психбольные, жители нулевых районов. Общество списало их со счетов, но Остров всем давал второй шанс. Их души извлекут, а с телами проделают десятки жутких операций. Разумеется “переработку” переживут лишь самые сильные, остальных ждет внедрение в искусственно выращенные тела-болванки. Чудовищные химеры обретут души преступников и психов, и отправятся обратно в Метрополь, где будут проданы за хорошие деньги.

Но Обадайю Лонга это не сильно волновало. У него уже имелось три личных аниматуса, готовых по первой команде выпотрошить кишки любому. Они выглядели как люди, но он

предпочитал держать их на поводке, словно животных.

Обадайя поднялся на борт самым последним. Торопиться было некуда. Он знал, что Айзек со своими прихлебателями, которого привел Тора, уже несколько часов как здесь: прячутся на нижних палубах, словно крысы, и ждут отплытия. А еще недоумевают, куда же подевалась вся охрана на корабле?

— Спокойно, спокойно, — велел Обадайя, пряча свое лицо от солнца. Его аниматусы недовольно рычали, ожидая, когда можно будет порезвиться. Покромсать на кусочки врагов государства, располосовать их тела своими когтями, размозжить головы кулаками. Обадайя посмотрел на часы: отплытие “Вектора” уже через две минуты.

“Успею выпить чашечку кофе”, — подумал он с наслаждением.

***

— Пахнет подставой, — прокомментировал Протон.

— Согласен, — шепотом сказал Ойтуш. — Разве судно не должно быть вооружено до зубов?

За два часа на корабле офицерам встретилось лишь двое охранников, которых они без труда устранили. Двое! И это при том, что “Вектор” был крупнейшим судном, перевозившим одаренных и человеческое сырье.

В грузовом отсеке было темно, и лишь бионический глаз Айзека флуоресцировал ярко, словно автомобильная фара.

— Что с дронами, Захария? — спросил он.

— Корабль словно вымер, — Захария покачал головой.

Они отплыли десять минут назад; еще через час судно должно было оказаться прямо над гигантской океанической впадиной, глубина которой достигала почти тринадцати тысяч метров. В нужный момент батискафы активируются, и начнут свое погружение в пучину. А внутри них — по плану Айзека — уже будет поджидать своего часа их доблестная команда. Если, конечно, доживет.

— У меня с интуицией хреново, парни, но, похоже, мы сильно вляпались, — нервно усмехнулась Карен Гравано.

В этот момент прямо над головой офицеров раздалось три коротких стука. Все без исключения вскинули свои винтовки,

приготовившись отстреливаться до последнего.

“Вот и поиграли в прятки”, — промелькнуло у Ойтуша.

Но в следующую секунду глава сопротивления сделал нечто, выходящее из ряда вон. Он постучал в ответ.

— Это свои, — сказал он, когда условный сигнал прозвучал в третий раз.

Какие еще свои?

Люк в грузовой отсек распахнулся, и в нем показалась голова девушки.

— Айзек, — сказала она с сильным акцентом.

— Чанг, — поприветствовал ее киборг, опуская оружие. — Рад видеть.

Глава 24

— Мы с сестрой здесь уже три часа, — сказала Чанг, помогая солдатам выбраться из трюма. — Экипаж устранен, автономные модули полностью готовы к погружению.

— Вот так работает сопротивление Хаммацу, — шепнул Протон Ойтушу. — Посмотри на Фаю, ей ведь нет и десяти!

Щекастая девочка с пухлыми губами выглядела очень милой, если бы не снайперская винтовка в ее руках. Она была очень похожа на сестру, вот только лицо Чанг было не щекастым, а овальным с красивой оливкового цвета кожей и широкими бровями.

Значит, Фая и Чанг были представителями того самого легендарного сопротивления Хаммацу, которое обитает где-то в горах. И как только Айзеку удалось уговорить их помочь нам?

— Даже не знаю, как отблагодарить вас, — сказал киборг, после того, как они с Чанг по-дружески обнялись. — Вашими стараниями “Бастет” целиком в наших руках.

— Мы заберем сырье, — сказала Чанг, так и не пояснив, для чего. Но Ойтуша больше заинтересовало другое: почему Айзек сказал “Бастет”?

— Как угодно, — Айзек пожал плечами. — А можете плыть с нами, у нас как раз одно место освобождается. Верно, Тора?

Произнеся последнюю фразу, он приставил лезвие тесака прямо к горлу парня.

— Ты был уверен, что мы на “Векторе”, не так ли? — продолжал Айзек ледяным тоном. — “Вектор” отплыл час назад. Вместе со служителями протектория, которым ты сдал нас.

Гробовое молчание вмиг повисло на палубе. О том, что предатель давно был разоблачен, знали все, кроме него самого.

— Айзек, — лицо Торы сделалось мертвенно-бледным.

— Какой же я идиот, — продолжал Айзек, вдавливая лезвие все глубже и глубже в шею Торы. — Я убил преданного мне солдата. Я сливал все наши планы врагу. Я поставил под угрозу все сопротивление. А все из-за того, что пригрел под боком такого крысеныша, как ты.

Это сейчас Айзек был спокоен, но Ойтуш видел его в минуты, когда предательство Торы раскрылось. Он рвал и метал, словно

разъяренный медведь. Из всех офицеров Тора был ближе всех к нему, и его предательство ранило Айзека в самое сердце. Когда Карен рассказала им о том, что видела в медицинском блоке, никто долгое время не мог поверить. Даже Захария не знал, что Тора был в сговоре с протекторием.

— За предательство ты приговариваешься к смертной казни, которая будет исполнена немедленно, — сказав это, Айзек сделал короткое движение кистью.

Голова Торы покатилась по палубе, оставляя кровавый след. Ойтуш взглянул на его лицо: впервые обе его половинки выглядели симметрично.

***

Надо было убираться отсюда как можно скорее. Совсем скоро подоспеет подкрепление, ведь экипаж уже более двух часов не отвечает на запросы диспетчера.

— Как скоро мы будем у точки погружения? — спросил Ситис.

— Через семь минут, — Захария сверился с показателями “Ока-2”.

Протон и Айзек вскрыли один из герметичных люков батискафа: в нем оказалось шестеро взрослых мужчин и одна женщина. Все они спали вповалку, словно котята.

— Ойтуш, Карен, помогайте! — крикнул Протон и принялся выгружать людей.

— Интересно, чем же их накачали? — Карен приподняла веко одного из них: зрачок не реагировал на свет.

Чанг, Фая и Захри в это время возились со вторым беспилотником.

До активации батискафов оставалось три минуты: на корпусе загорелась одна из трех кнопок.

— Поторопимся! — крикнул Айзек, вышвыривая “сырье”, словно тряпичных кукол.

В третьем батискафе оказалось еще семеро.

— Подкрепление близко, — доложил Захария. — В двух минутах от “Бастета”.

— Успеем! — отозвался Ойтуш.

— Готово, — Протон Ситис выложил последнего спящего. — Забирайтесь скорее!

Ойтуш сжал плечо Карен:

— Ты первая.

— Нет, я с тобой, — возразила девушка.

— Хватит тут сопли размазывать! — проворчал Айзек. — Ситис, Захри, а ну быстро внутрь!

Парни послушались и принялись живо забираться внутрь батискафа. Пикнула и загорелась вторая из кнопок — до погружения осталось две минуты.

Вдруг с другого борта корабля послышался крик Чанг. Вскоре те, кто остался на палубе поняли, в чем дело: один из преступников (или психбольных?) несся на них, размахивая чем-то острым и окровавленным.

— Он разбужен! — сказала Гравано, выхватывая свой нож.

— Стой, Карен! — крикнул Ойтуш, кидаясь ей наперерез. Вот ведь вечно лезет грудью на амбразуру.

Мужчина с пеной у рта и обезумевшими глазами, бежал, не разбирая дороги. Ойтуш успел выстрелить до того, как он зацепил Карен. Пуля угодила ему прямо в грудь, но он продолжал бежать, лишь немного сбавив скорость.

В этот момент сверкающие на солнце доспехи пронеслись у них над головами. Это был Айзек. Словно огромная блоха он за долю секунды преодолел расстояние с десяток метров и, взмахнув своим тесаком, с силой опустил его на противника. “Сырье” повалилось на палубу, распадаясь на две аккуратные половинки.

— Смотри и учись, Ойтуш, — улыбнулась Карен. — У тебя будет еще много времени.

Ойтуш не сразу понял в чем дело. И только после того, как из ее рта вытек, наверное, целый стакан крови, он заметил толстый металлический штырь, застрявший глубоко в ее животе.

— Нет, Карен, — Ойтуш ухватился за свободный конец и попытался потянуть его на себя. Девушка закричала от боли.

А над их головами уже кружили вертолеты: еще секунда, и они откроют огонь по незваным гостям “Бастета”.

— Карен, — Ойтуш почувствовал, что задыхается, — Ну как же?..

— Я… — начала было девушка, но конца Ойтуш не расслышал. Айзек сгреб его в охапку и силой швырнул в свободный батискаф.

— Не смей делать глупостей, — приказал он и задраил люк.

— Какого дьявола?! — закричал было Ойтуш, но в эту секунду что-то чиркнуло по обшивке беспилотника. С вертолетов открыли огонь.

Карен опустилась на колени, выпуская изо рта еще один поток крови. Айзек попытался поднять ее, но рана девушки была смертельной.

— Спасибо за службу, — произнес киборг, наградив Карен Гравано долгим, полным уважения и боли взглядом. А в следующую секунду со всей силы швырнул ее за борт. — Ты не достанешься им.

Ойтуша душили слезы. Сквозь толщу воды, он видел как под градом снарядов вздрагивает тело девушки, как океан окрашивается ее кровью, а пираньи уже кружат неподалеку, предчувствуя пиршество.

Айзек все сделал правильно: протекторию не должны были достаться их пусть даже мертвые тела, и все-таки видеть, как его любимая — а Ойтуш успел всем сердце полюбить Карен — медленно идет ко дну, было невыносимо.

***

Путь наверх казался бесконечным. Томас тащил на руках Сати, которая совсем недавно спасла ему жизнь, прикрыв своим телом. Когда он, здоровый мужик, потерял сознание, ударившись о камень. Томасу было стыдно, но еще больше — страшно, ведь раны Сати не спешили затягиваться. Да и она сама была в полубредовом состоянии; если так пойдет и дальше, думал Том, минут через двадцать он потеряет ее.

— Сати, — позвал он в очередной раз, — Ты слышишь меня?

Сам он был в полном порядке. Выстрел прошел по касательной, разорвав лишь рубашку и оставив ссадину. А вот Сати… Томас старался не рассматривать ее тело, которое эти ублюдки буквально нашпиговали свинцом. Ну ничего, теперь будут бегать по пляжу, пока не упадут замертво: ведь это он приказал им прекратить преследование. Голосом Роланда Грейси.

— Ойтуш? — вдруг встрепенулась Сати.

— Нет, я это, Томас, — парень поморщился.

— Том, — Сати улыбнулась. Ее зубы были в крови.

— Ты помнишь, что должна мне кое-что? — спросил он.

Оставался всего один лестничный пролет, всего один. — Желание.

Сати прохрипела, а он продолжил, сглотнув комок в горле:

— Не смей умирать, ладно?

Томас ввалился в квартиру и аккуратно уложил девушку на кровать. Снял с нее безвозвратно испорченное платье и едва не заплакал: тело Сати насчитывало по меньшей мере двадцать огнестрельных ранений.

— Моя одаренность, Том… Она не работает. Почему? — Сати смотрела прямо на него, но ее взгляд не был осмысленным.

— Только ты управляешь ей, ты и больше никто, — Томас намочил тряпку и принялся старательно смывать кровь с ее лица. — Вспомни, ради чего ты боролась все это время.

— Ради мести, — прохрипела Сати. Губы ее стремительно синели из-за коллапса легкого.

— Нет, — покачал головой Томас. — Ты не такая.

— Тогда… ради? — она не договорила.

— Ради любви.

Дыхание Сати стало частым и поверхностным. Не в силах больше смотреть, как она умирает, Томас закрыл глаза. Уж лучше бы он сдох на этом пляже.

Вдруг кожа Сати начала дымиться. Так поднимается пар от кастрюли с кипящей водой. А еще через несколько секунд тело Сати стало настолько горячим, что Томас не смог выдерживать прикосновение к нему.

— Так держать, — прошептал он, когда кусочки свинца один за другим стали падать на пол, покидая раневые каналы. — Ты молодец, Сати.

***

Через час ее тело полностью восстановилось, и девушка уснула вполне себе здоровым сном. Томас решил дать ей немного времени, которого у них катастрофически не было. Он принял душ, обработал свои ссадины, выпил крепкого кофе и только тогда принялся будить свою гостью.

— Сати, — позвал он, осторожно тряся ее за плечо.

Девушка приподнялась на локтях и тут же заметила, что одежды на ней больше нет.

— Твое платье было испорчено, мне пришлось снять его, —

сказал Томас, не глядя на нее. — Надень вот это.

Сати густо покраснела, поняв, что он видел ее обнаженной. Но это было далеко не самым страшным.

— Как думаешь, сколько у нас есть времени? — сказала она, переодевшись в одну из чистых рубашек Томаса.

— Пара часов. Либо все шесть до утра, — задумчиво ответил Томас. — Искать нас будут в любом случае.

— Ребят жалко, — покачала головой Сати, вспоминая своих друзей, которые наверняка дрыхли сейчас без задних ног в своих маленьких отсеках. — Они ведь ни о чем не подозревают.

Томас встал и подошел к окну.

— Отсюда глайдер выглядит как настоящий, — сказал он. И вправду: серая громада вновь была на причале, даже корпус поблескивал в свете луны.

— Это голограмма, верно? — спросила Сати.

— Судя по всему. Сейчас уже не имеет значения. — Том отвернулся от окна. — Я предлагаю сделать вот что: отправить послание в Метрополь, пока мы все еще живы. Пусть знают то, что знаем мы.

Сати кивнула.

— Что мне делать?

— Используешь меня как передатчик, — Томас поставил кресло напротив окна и плотно задернул шторы, так, чтобы лунный свет не посмел проникнуть в комнату. — Чтобы упростить мне поиск, сконцентрируйся на Ойтуше.

— Это как?

— Думай о нем непрерывно, представляй, как если бы он был рядом. Каждую эмоцию, каждую черточку на лице, — Томас не смотрел на нее. — Когда я увижу этот слепок в твоем сознании, отыскать его мне не составит труда.

— Ты уже делал это? — спросила Сати, замечая фотографию девушки на письменном столе.

— Да, несколько недель назад, — Томас убрал снимок Мэгги в ящик. — Сядь рядом и положи руку мне на плечо. И постарайся вести себя очень тихо.

Сати сделала все, как он велел. Трудно было сконцентрироваться на Ойтуше, когда ладонь ее касалась широко и сильного плеча Томаса, человека, к которому она определенно успела привязаться за время на Острове.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что когда Сати закрыла глаза, перед ее внутренним взором возникло лицо Томаса Кэлвина-Смита. Чуть насмешливая улыбка, внимательные глаза и растрепанные светлые волосы.

— Ойтуш, Сати, — напомнил ей Том ухмыляясь.

Сати потрясла головой и начала все сначала. Через две минуты “слепок”, как его назвал Томас, был готов.

— Я нашел его, — через несколько минут произнес парень. — Вот только он больше не в Метрополе.

— То есть? — Сати поерзала на стуле.

— Это невозможно, но… — Томас запнулся, — Он плывет к нам, на Остров.

— Я могу поговорить с ним?

— Да, вот только его настроение сейчас очень нестабильно. Он словно переживает большую потерю.

“Потерю? Сколько же всего успело произойти?” — подумала Сати.

Она очень волновалась. Тот ли это Ойтуш Эвери, которого она знала много лет, или же теперь они совсем чужие друг другу люди?

— Позови его, — велел Томас. — Позови его по имени.

Ойтуш подумал, что спятил, когда в его голове раздался знакомый голос. Кроме него в беспилотнике не было ни души. Только острая боль от потери Карен, которая не давала успокоиться ни на минуту.

Захария и Ситис отплыли на пару минут раньше него, Айзек, вероятно, чуть позже, а вот о судьбе Чанг и Фаи ничего не было известно. Возможно, их прикончил тот самый псих, или расстреляло подкрепление с вертолетов. Операция пошла наперекосяк, так и не успев начаться.

“Ойтуш!” — снова услышал он. Словно Сати стояла у него за спиной и звала его.

Это что, какие-то галлюцинации, вызванные высоким давлением?

“Ойтуш, ты слышишь меня?”

Похоже, что все-таки нет…

— Сати?! — Ойтуш моментально собрался. Он бы и на ноги вскочил, если бы пространство батискафа позволяло.

“Я на Острове, Ойтуш. Мы общаемся при помощи телепатии”.

— Телепатии? — переспросил он, но быстро решил не

тратить время на ненужные вопросы. — Ты в порядке?

“Да. Вот только здесь происходят страшные вещи. Президент Грейси готовит новых аниматусов для отправки в Метрополь. Он убивает одаренных. И еще, Остров… он под водой, Ойтуш!”

— Да, мне это известно.

“Откуда?”

— Я тут тоже не дурака валяю, — ни с того ни с сего Ойтуш начал сердиться. — Я теперь в сопротивлении.

“Ты в порядке?” — в голосе Сати послышалось беспокойство.

— Я жив, если ты об этом. Но потерял близкого человека около часа назад, — ответил Ойтуш, не осознавая до конца смысл своих слов.

Сердце Сати болезненно сжалось: он чего-то недоговаривал.

— Мы скоро приедем за тобой. Я и солдаты сопротивления, — Ойтуш попытался взять себя в руки и перестать думать о Карен. — Мы вытащим тебя, поняла, мелкая?

Сати открыла глаза. Губы Томаса двигались, только вот слова ему не принадлежали. Сейчас он был вроде проводника, ретранслятора между двумя собеседниками. И, сказать по правде, с каждой секундой это давалось ему с большим трудом.

Томас не подавал виду, но за какие-то две минуты ему пришлось побывать в шкуре Ойтуша, пропустить через себя весь его ужас и боль, отравиться его ядом, а еще сделать так, чтобы Сати ни о чем не догадалась.

Еще никогда Томас не чувствовал настолько сильное подключение к кому-то. Он видел последние воспоминания Ойтуша: психа с пеной у рта и глаза рыжеволосой девушки, в которых отпечаталась смерть.

Чувство вины терзало его раскаленными щипцами, чужое, дикое, неутолимое. Том всегда считал себя сдержанным человеком, тогда как Ойтуш был ураганом, уничтожившим его спокойствие до основания.

— Сати, я не могу больше поддерживать связь, — сказал Томас, когда напряжение стало невыносимым. — Я теряю его.

Из носа Томаса вытекла капелька крови. Он встал из-за стола и, едва дойдя до кровати, рухнул на нее без сознания.

Сати накрыла его одеялом и уселась рядом. Вот бы и ей сейчас отключиться точно так же, словно электроприбор с севшей

батарейкой. Ойтуш сказал, что они с солдатами сопротивления вытащат ее отсюда. А что с остальными? Что будет с Томасом, Эвридикой и другими? На вопросы не было ответов, и ей оставалось только ждать.

К счастью, ждать оставалось недолго.

Сати проснулась от звонка в дверь. Сквозь плотно задернутые шторы пробивался свет: на Острове, где бы он ни был, наступило утро. Не настоящее, а смоделированное так же искусно, как глайдер, как пляж, как солнце и луна.

Томас мирно сопел рядом. Звонок повторился, но этот громкий и неожиданный звук не смог разбудить его.

Сати взяла первое, что попалось ей под руку: нож для бумаги, который валялся на письменном столе. Не встречать же своих палачей совсем безоружной. Не дождавшись, пока позвонят в третий раз, она медленно открыла входную дверь.

На пороге стояла Дана Хатт.

Глава 25

Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

— Я могу войти? — наконец спросила Дана.

Не говоря ни слова, Сати отошла в сторону, пропуская ее в квартиру.

Сняв плащ-дождевик, провидица небрежно кинула его на кресло. На ней был темный обтягивающий комбинезон, а на груди поблескивал неизменный амулет из лазурного камня. Не обратив внимания на спящего Томаса, Дана присела на краешек кровати.

— Роланд послал тебя убить нас? — Сати стояла рядом, сжимая в руках нож для бумаги.

— Если бы я хотела убить тебя, то не спрашивала бы разрешения войти, — Дана забрала растрепанные от ветра волосы в высокий хвост.

— Тогда зачем ты здесь? — видеть Дану Хатт, неизменную спутницу Роланда Грейси посреди заваленной хламом конуры Томаса было более чем странно.

— Я полагаю, ты знаешь, в чем заключается моя одаренность, — Дана говорила с сильным акцентом, свойственным уроженцам Хаммацу.

— Ты видишь будущее.

— Я знаю будущее, — поправила Дана. — Твой любимый вместе с горсткой солдат погибнет ради тебя.

В ту же секунду Сати прыгнула на нее, словно дикая кошка, намереваясь пропороть ножом горло. Но Дана оказалась сильнее. Она перехватила руку девушки и повалила ее на кровать.

— Есть и другой вариант, — быстро сказала она. Видимо, убивать Сати пока что не входило в ее планы. — Не веди себя как дура и выслушай.

Сати отбросила нож, продолжая испепелять Дану взглядом.

— Я расскажу тебе, как все начнется, — увидев, что угроза миновала, Хатт вновь уселась на кровать. — Мятежники прибудут на Остров ровно в пять двадцать. Мы могли бы уничтожить их, даже руки не испачкав, но я предпочитаю другой вариант. Ты уедешь вместе с ними. Ты и Эвридика. Уедешь и больше никогда не вернешься.

Сати нахмурилась. Почему Дана так просто отпускает ее?

— В чем подвох?

— Нет никакого подвоха, — ответила Дана. — Я всегда ненавидела тебя. Ты угроза для Острова, ты разрушаешь то, что было построено до тебя и простоит еще сто лет после твоей смерти. И я, как правая рука президента, обязана защитить то, что нам дорого.

Сопротивление добралось бы сюда, рано или поздно. Пойми, все в мире существует в равновесии: Третий класс сажает плоды, Второй выращивает и собирает, а Первый наслаждается ими. Сопротивление же лишено всяческих плодов, оно существует для баланса между классами, в этом его функция.

Ты примкнешь к сопротивлению, и вместе вы продолжите свою глупую и бессмысленную борьбу до конца своих дней. После смерти Айзека, его предводителем станет Ойтуш. Ваши дети продолжат ваше дело, как и их дети…

— Сопротивление уничтожит классы, рано или поздно, — грубо перебила ее Сати.

— Нет, — жестко ответила Дана. — Классы — это основа мира, без них человеческая популяция погибнет.

Сати помотала головой, не желая слушать об этом.

— Просто прими к сведению, девочка, что мне известно намного больше, чем тебе, — Дана поднялась с кровати, намекая на то, что разговор окончен.

— Жди их у глайдера ровно в пять двадцать, — сказала Дана на пути к дверям. — Вместе с Эвридикой — это обязательное условие.

— Постой, — Сати вскочила с места. — Пообещай, что моих друзей никто не тронет.

— Обещаю, — Дана холодно улыбнулась. — Но и ты должна выполнить свою часть сделки. Если не уплывешь с Острова, как я велела тебе, Ойтуш Эвери умрет.

“Скорее я сдеру с тебя шкуру, змея”, — подумала Сати.

Она закрыла дверь за Даной и взглянула на часы. Чуть больше часа оставалось, чтобы разбудить Эвридику и вместе с ней отправиться на причал. А что потом? Она и вправду покинет Остров? Сати невольно взглянула на спящего Томаса: выходит, что они так и не успеют попрощаться.

Поддавшись странному порыву, Сати тихонько наклонилась и поцеловала его.

“Я знаю, что это было твоим желанием”, — мысленно сказала она.

***

Шестнадцатый год от рождения было не принято отмечать, и все же Ойтуш Эвери хорошо запомнил этот день. Он и еще пятеро ребят из его класса должны были явиться к врачу для установления в головной мозг микропроцессора.

Накануне Ойтуш долго не мог уснуть: он все ждал, что проснется его одаренность, а наутро к нему придут люди из протектория. Но чуда не произошло, и сегодня он должен быть стать полноправным гражданином Второго класса.

Был конец мая, и жара стояла невыносимая. Асфальт на площади Метрополя плавился, и дамские каблуки утопали в нем, оставляя следы. Ойтуш никогда не понимал, зачем женщины носят такую обувь, ведь это же чертовски неудобно.

В больнице плановое чипирование проходили порядка двадцати человек. Шестнадцатилетние юноши и девушки сидели у кабинета врача и ждали своей очереди. Большинство из них был напугано: все же прежняя беззаботная жизнь сегодня подходила к концу. Но были и те, кому было все равно. Как правило, такие ребята уже прошли распределение по профессии и знали, чем будут заниматься в своей жизни. Ойтуш относился к их числу. И все же ему было несколько тревожно: процедура вживления чипа сама по себе была опасна и чревата последствиями.

Из кабинета вышла девушка со слезами на глазах. Рукой она прикрывала левый висок, который неаккуратно побрили. Врачи ни с кем не церемонились: их работа была конвейерной и они стремились побыстрее ее закончить.

Над кабинетом загорелась лампочка вызова, и парень по имени Иван, который учился в параллельном классе, бодро шагнул внутрь.

— Пожелайте удачи, — сказал он напоследок.

А через пару минут из-за дверей раздался странный хлопок, вслед за которым послышался поток отборных ругательств, среди которых Ойтуш отчетливо различил фразу “Чип рванул”.

Долгое время никто не хотел заходить в медицинскую комнату, даже когда оповещение “Не входить, идет уборка” над дверью погасло. Все ребята знали, что там произошло: чип,

который вживляли Ивану, взорвался, разнеся его голову на кусочки. Должно быть, его тело унесли через другую дверь или отправили прямо в утилизатор через специальный водопровод или, точнее, трупопровод.

— Говорят, таких случаев один на пять сотен, — мрачно сказал сосед Ойтуша. — Значит, сегодня больше не рванет.

— Я не пойду туда, — покачала головой девочка с белым как мел лицом.

— Придется, — ответил парень. — Всем нам туда дорога…

— Долго мы еще ждать будем, дармоеды? — недовольно спросила медсестра, высунув толстое лицо из-за двери.

Кто-то толкнул Ойтуша в спину, и он против своей воли шагнул в кабинет.

— Представься, — не глядя, сказал хирург, готовя кресло.

Ойтуш почувствовал, что не сможет выдавить из себя ни слова: его горло пересохло от волнения. После Ивана пол в кабинете наспех помыли, но красно-бурые разводы все же были заметны на белом кафеле.

— Имя! — настойчиво повторил врач.

— Ойтуш Эвери, — наконец представился Ойтуш.

Медсестра с толстой физиономией сделала отметку в карте.

— Садись, — скомандовал врач, указывая на кресло.

Ойтуш шагнул было к нему, но вдруг увидел свое отражение в зеркале, что было прямо напротив.

На него смотрел испуганный подросток с побледневшим от страха лицом. Длинные волосы, собранные в хвост, растрепались, а школьная форма была далеко не первой свежести.

«Какой же я придурок», — с горечью подумал Ойтуш, ощущая себя полным ничтожеством. — «Вот бы и мой чип рванул так же».

***

У Сати оставался еще час. Ворвавшись в свой отсек, она наспех покидала в сумку вещи, смыла с себя кровавые потеки и переоделась в чистую одежду. Оставалось только найти Эвридику; Сати очень надеялась, что разбуженная в пять утра, она окажется достаточно вменяемой и не будет сопротивляться.

Уже уходя, она вдруг заметила просунутый под дверью лист

бумаги. Взглянув на него, Сати похолодела. На рисунке было изображено гигантское цунами, уничтожающее небоскребы. Множество людей-муравьишек в панике бегало по пляжу, а маленькая женская фигурка уплывала на чем-то вроде подводной лодки. Стрелка, ведущая к этой фигурке, была помечена именем «САТИ».

Под рисунком была наспех сделанная подпись: «Не мог найти тебя. Зайди ко мне как найдешь это. Шин».

Значит, у Шина тоже было видение по поводу предстоящих событий. Какая-то катастрофа, которая должна была произойти на Острове… Черт, и почему так мало времени, чтобы во всем разобраться?

Сати выбежала из отсека, даже не прикрыв за собой дверь. Да и зачем — что бы ни случилось, сюда она в любом случае больше не вернется.

В коридоре она почти врезалась во что-то рыжее и лохматое. Это был Юкка, которого выписали неделю назад.

— Какого дьявола ты не спишь?! — вместо приветствия выругалась Сати и взглянула на часы. Было почти пять утра.

— А я как раз шел к тебе, — мало того, что Юкка напугал ее, так еще и намеревался потратить ее драгоценные секунды. — Час назад Сарасти Розвели увезли отсюда.

— Что? — недоумевала Сати. — Куда?

— Не знаю. Но ее больше нет в лаборатории.

— В зону “Х”… — догадалась Сати. — А откуда тебе известно?

— После того, что мы видели, я заполучил какую-то связь с ней, — признался Юкка. — Не то чтобы мне хотелось этого… Теперь я знаю все, что с ней происходит. Знал, до сегодняшнего утра.

— Хорошо, спасибо, Юкка, — Сати действительно надо было бежать.

— Да не за что.

“Нужно предупредить его”, — Сати взглянула на мятый рисунок в своих руках.

— Юкка, — начала она, — Скоро на Острове случится что-то плохое. Найди самый высокий небоскреб на пляже и пережди там. Ты понял меня?

— Что? — рассеянно переспросил тот.

— И скажи остальным! — Сати уже бежала по коридору. Нужно было как можно скорее найти Шина.

Профессор Эйлер не спал, ожидая ее в своем рабочем кресле.

— Наконец-то, — произнес он, выныривая из-под кипы бумаг.

— Что это значит? — Сати потрясла листом бумаги перед его носом.

— Вчера я заснул с ручкой в руках, а проснувшись, увидел вот это, — Шин указал на рисунок. — Мой мозг получает информацию непосредственно из пространственно-временного поля Земли, и чем меньше осознанности, тем выше вероятность пророчества. Я нарисовал это во сне, а значит…

— Это действительно произойдет? — договорила Сати, чувствуя, как мороз бежит по коже.

— Да. Но это еще не все, — Шин показал ей следующий рисунок. — На Остров едет очень опасный человек. У него темное прошлое и не менее темные планы на будущее.

— Это что, робот? — Сати нахмурилась, разглядывая каракули Шина.

— Скорее, киборг, — пояснил Шин; на картинке этот “опасный человек” отрубал голову другому человеку, высокому и нескладному.

— Ты ни за что не должна ехать с ним, иначе катастрофы не избежать, — Шин внимательно посмотрел Сати в глаза.

— Вот еще! Вы, провидцы, договорились бы между собой, — возмутилась та, вспоминая предостережения Даны.

Вдруг ее внимание привлекла толстая папка, лежащая на краешке стола Шина. На ее обложке крупными буквами было написано «О. ЭВЕРИ».

— Это мое, — собственнически сказал Эйлер, пытаясь спрятать папку в стол. Но Сати уже вцепилась в нее мертвой хваткой. Если это действительно касалось Ойтуша, ей необходимо было знать все.

В папке обнаружилось около десяти рисунков разной давности. Вот маленький Ойтуш гуляет по берегу моря вместе с Сашей Лаллеман, вот он сидит за партой в метропольской школе и старательно тянет руку, а вот — у Сати будто сердце остановилось — он любуется своим штампом одаренности.

— Эти рисунки ничего не значат, Сати, — сказал Шин, наблюдая за реакцией девушки. — Просто одна из миллиона реальностей, которой не суждено было реализоваться.

Но Сати продолжала листать дальше, забыв обо всем. Почти все рисунки Шина были посвящены одаренности Ойтуша. На них он заставлял предметы летать силой мысли — с таким даром люди рождаются, наверное, раз в столетие.

— Он мог стать великим, — сказала она.

— Он стал тем, кем является, — ответил Шин. — Одаренность — просто приятный бонус. А вот такие черты характера, как храбрость, благородство и мужество — по-настоящему редкость. Просто подумай о том, что он отыскал тебя, даже пройдя через ад.

Сати уронила папку на стол и взглянула на Шина, словно видела его впервые. Он был прав, чертовски прав!

В руках девушки остался последний рисунок. Воспользовавшись ее замешательством, Шин молниеносным движением схватил его и разорвал на мелкие кусочки.

— Довольно, — глаза Шина властно блеснули. — Ты и так узнала достаточно.

Сати ничего не ответила. Даже если на последнем рисунке была изображена смерть Ойтуша, она была не более реальна, чем его одаренность.

На часах было пять утра десять минут. Пора было будить Эвридику.

— Спасибо тебе, — сказала Сати. — Послушай, спрячься где-нибудь, на случай, если цунами действительно…

— О, это лишнее, — замахал руками Шин, откидываясь на спинку стула. — Я знаю, где и как я умру.

Ойтуша усадили в кресло, зафиксировали голову специальными ремнями.

— Сиди и не двигайся, все понял? — сказал врач. Из-за маски и пластиковых очков его лицо было почти не видно, но Ойтуш знал, что на нем, должно быть, отображается скука. Однообразная работа кого угодно сведет в могилу.

— Понял, — еле заметно кивнул Ойтуш.

— Тот чип почему рванул, — продолжал медик, то ли оправдываясь, то ли предостерегая Ойтуша, — Потому что малой все время вертелся, словно у него шило в заднице.

Заработала стригущая машинка, и несколько длинных

темных прядей упали с виска Ойтуша.

“Он лжет”, — подумал Ойтуш. — “Чипы не по этому взрываются”.

Врач надел на него маску, и уже через пару вдохов, Ойтуш почувствовал, как проваливается в сон.

Но сознание не покинуло его, напротив, он как будто увидел себя со стороны. Он полулежал в кресле, врач склонился над ним, делая разрез, а толстая медсестра неуловимым движением поправила съехавший бюстгальтер.

И тут Ойтуш почувствовал, что все они совершают непоправимую ошибку, ведь на самом деле он одарен. Он увидел как все предметы в комнате медленно поднимаются со своих мест. Как взлетает медицинская шапочка с головы врача, а кружка с чаем медленно уплывает из рук ошарашенной медсестры. Это делал он, он заставлял предметы летать силой мысли! Но было поздно: врач уже заканчивал устанавливать в его мозг маленькое устройство.

Еще через несколько минут Ойтуш пришел в себя.

— Вот и все парень. Ты жив и здоров.

— Как все? — по подсчетам Ойтуша прошло всего две минуты.

— А вот так, — сказал врач, после чего стянул перчатку и закурил. — Следующего позови.

Ойтуш медленно поднялся с кресла.

— Я видел, что предметы летают, — он не мог уйти просто так.

Медсестра усмехнулась.

— Тебе снился сон, — серьезно сказал врач. — Так бывает.

— То есть этого не было? — переспросил Ойтуш. Но он же видел, как вот это шкаф поднялся на целый сантиметр!

— Не в этой жизни, малой, — врач с улыбкой покачал головой.

Почему Ойтуш вспомнил об этом сейчас, в небольшой капсуле, которая опускалась на дно гигантского морского желоба? Должно быть, потому что вновь увидел свое отражение, на этот раз в толстом стекле. Вот только сейчас там был не испуганный подросток, а взрослый мужчина, несущий ответственность за чужие жизни.

Да, Карен погибла, в том числе из-за того, что он не смог застрелить ублюдка с первого раза. Это было чудовищно и невыносимо. Но там на Острове его ждала Сати, и его долгом было защитить ее, что бы там ни задумал Айзек.

Ойтуш коснулся тонкого шрама на левом виске. Чип извлекал из его головы Тора. Так почему же он не прикончил его тогда, списав все на несчастный случай? Дожидался более удачного момента? Хотел отвести от себя подозрения? Подумать только, этот тип заставил все сопротивление доверять ему до последнего.

5:15

Сати и Эвридика бежали по все еще холодному и влажному после ночи песку.

— Стой, ты куда? — крикнула Эвридика, заметно отстав. Она была босая, растрепанная и невыспавшаяся, в спортивном костюме, который пришлось наспех надеть поверх шелкового белья для сна.

Но Сати даже не оглянулась. Объяснять действительно не было времени, проще было дать Эвридике увидеть все своими глазами.

В пяти метрах от них стоял глайдер. Все такой же блестящий и ровненький, напоминающий спящего жука. Вместо того чтобы сбавить скорость и затормозить, Сати вцепилась в руку женщины мертвецкой хваткой.

— Сати! — закричала та, инстинктивно закрывая голову свободной рукой. Но ничего не произошло. Они не разбили лбы, потому что глайдера не существовало. Была лишь иллюзия, голограмма, чертовски правдоподобная и убедительная.

Здесь, с другой стороны, корпус глайдера выглядел как обрывки паруса, хаотично разметавшиеся прямо в воздухе. От них к небольшой бухте вела каменистая насыпь, которая оканчивалась старым эллингом.

Вскрикнув от изумления, Эвридика осела на землю. Сати прекрасно понимала ее реакцию, поэтому дала сестре Ойтуша немного времени.

— Один из новичков рассказал нам об этом, — наконец сказала она, вспоминая Мелвина Асперу. — За это его убили люди Роланда.

— Господи, — выдохнула Эвридика

— И нас они тоже пытались убить, — продолжала Сати.

Вдруг она подумала о том, что будет, если Дана солгала. Тогда сюда с минуты на минуту прибудет группа зачистки, которая убьет и ее и Эвридику, которую Сати преподнесла им на блюдечке… Нет, это было бы слишком бредово.

— Но я же сто раз была внутри, — Эвридика взглянула на фрагменты глайдера. — Поднималась по трапу и…

— Попадала в каюту-имитацию, — договорила Сати. — Мы с Томасом были там вчера.

— Как же тогда перевозят одаренных?

— Мне кажется, эта штука здесь неспроста, — Сати поднялась с песка и указала на эллинг — сооружение из красного изъеденного морем камня на высоких сваях. — Судя по всему, его часто используют, словно что-то причаливает сюда раз за разом. Какой-то корабль или подводная лодка… К тому же Ойтуш сказал, что они с солдатами сопротивления плывут сюда по морю.

— Ойтуш плывет сюда? — лицо Эвридики вытянулось от удивления, словно она вновь решила поменять внешность. — Ты общалась с ним?

— Да, через Томаса.

В этот момент часы, которые Сати позаимствовала у него, запищали. Было ровно пять двадцать.

— Сати, смотри! — Эвридика указала на бухту.

Вода в нескольких метрах от берега начала бурлить, а еще через мгновение из нее словно пробка вылетела круглая капсула. Герметичный люк с шипением открылся, и из батискафа показалось странное существо: темнокожий киборг с огромным ножом на поясе. В нем Сати без сомнения узнала персонажа с рисунка Шина.

Он спрыгнул в воду и поплыл к берегу, словно собака, оставив батискаф покачиваться на волнах.

Вскоре из воды показались еще две капсулы. В одной из них был высоченный парень, габаритами напоминающий шкаф, и мальчик со светлыми, почти белыми волосами. А во второй был тот, кого Сати уже не мечтала увидеть.

Ойтуш сильно изменился с момента их последней встречи. На нем был черный полицейский костюм старого образца, а лицо,

покрытое свежими шрамами, было серьезным и сдержанным. И лишь заметив Сати, стоявшую на берегу, он позволил себе улыбнуться.

Девушка представляла себе их встречу сотни раз, рисовала в голове картины о том, как, как бросится Ойтушу на шею, но сейчас ее сильно смущали эти типы, что приплыли вместе с ним. Особенно киборг, от которого так и исходило ощущение смертельной опасности.

— Здравствуй, Сати, — с теплой улыбкой сказал Ойтуш, оказавшись на берегу. Он обнял ее, и девушка почувствовала запах крови, которой была пропитана его одежда. — Кто разрешил тебе подстричь волосы?

Увидев все то же насмешливое выражение его лица, что и раньше, Сати не удержалась от улыбки.

— Кто эти люди, Ойтуш? — спросила она.

— Мои товарищи. Сопротивление. Они не причинят тебе вреда.

— Долбанная жестянка, — выругался Ситис, таща за собой батискаф.

— Еще пригодится, — бросил Айзек.

— У нас тут безбилетник затесался, — продолжал ворчать Протон, выгружая из капсулы худосочное тельце спящего мужчины. — Не топить же теперь.

— Скажи это Карен, — огрызнулся Айзек, и Ойтуш почувствовал, как это имя резануло по сердцу.

— Что с вами случилось? — спросила Сати, заметив, как его лицо вмиг помрачнело.

— На нас напали перед самым отплытием, — сухо ответил Ойтуш. — Мы потеряли товарища.

— А это еще кто? — без церемоний спросил Протон, кивая на Эвридику, стоящую неподалеку.

— Эвридика… Эвери, — несколько смущенно представилась женщина.

Ойтуш бросил быстрый взгляд на Сати, но та лишь кивнула в знак подтверждения. Он медленно подошел к Эвридике, рассматривая ее, словно свое отражение.

— Ты моя…

— Сестра. Наши родители жили здесь много лет назад, — сказала та. — К сожалению, я не застала их живыми.

Сати впервые видела их рядом. Эвридика была старше Ойтуша, да и ростом повыше, но черты и мимика, особенно теперь, когда они стояли друг к другу лицом, поражала своим сходством.

— Вытирайте сопли и слюни, ребятки, — грубовато распорядился Айзек. — Нам пора домой.

— Что, прямо сейчас? — опешил Протон.

— Сейчас, — кивнул глава сопротивления. — Бери свое семейство, Эвери, и мы отплываем. Через пятнадцать минут здесь будет потоп.

— Что? — Сати подумала, что ослышалась.

— Прошу прощения? — для Ойтуша это тоже было новостью.

— Так, — Айзек явно начал терять терпение. — Объясняю для тех, кто не в курсе. Вы на подводном острове, дамы и господа. Внутри огромной тринадцати километровой океанической впадины. И все еще живы благодаря грандиозной системе искусственной биосферы.

— Сколько же одаренных умов трудилось, чтобы создать этот мир! — Айзек окинул пляж взглядом. — А мы разрушим его за несколько минут, верно, Захария?

Он посмотрел на мальчика, который уже занял свое место в батискафе.

— Каким образом? — Ойтуш не верил, что глава сопротивления говорит серьезно.

— Запустим вирус в систему блокировки шлюзов, точнее, уже запустили. Потом отключим аварийную систему… Этот мир погибнет грандиозно.

— Но тут же тысячи людей! — крикнула Сати, вспоминая о рисунке Шина. Это не просто цунами — это конец света.

— Поэтому не ори, чтобы никто не услышал, — осадил ее Айзек.

— Постой-постой, а почему мы ничего об этом не знаем? — Ойтуш взглянул на Ситиса: судя по его лицу, громила давно перестал понимать, что происходит.

— Это задача была поручена Захарии, и в одиночку он прекрасно с ней справился, — ответил Айзек. — Тебе-то что? Я же сказал, что мы заберем с собой твоих близких.

— Здесь есть и хорошие люди, — сказал Сати. — Здесь мои друзья. Нельзя убивать всех без разбору!

— Все мы теряем друзей, — холодно произнес Айзек. — Но это место — дьявольская клоака, и оно должно быть уничтожено как можно скорее.

— Ты не сделаешь этого, — возразил Ойтуш.

Айзек закатил глаза, словно человек, смертельно уставший от суеты:

— Так и знал, что проблем не избежать… Я уже сделал это! Вирус уже запущен.

— Нет, — сжав зубы, покачал головой Ойтуш. — Я не верю тебе. Должна быть команда на случай отмены.

— Ты хочешь поспорить со мной? — сверкая глазом, Айзек вынул из ножен тесак. — Что ж, еще одним солдатом я могу пожертвовать. Ради общего блага

“Он убьет его!” — подумала Сати. — “Прирежет, если мы сейчас же не сядем в батискаф”.

Ситуация приобретала крайне негативный исход во всех его возможных вариантах.

— Тадеус Кель, — неожиданно для всех произнесла Эвридика.

В два огромных прыжка Айзек оказался рядом с ней, и вот широкое лезвие его ножа уже касалось смуглой кожи на шее женщины.

— Кто ты такая, тварь? — сквозь зубы произнес он. Человеческий глаз киборга вмиг загорелся темным огнем, словно это имя было проклятием для него.

— О, ты помнишь меня, — насмешливо сказала Эвридика, словно смертельная опасность грозила не ей, а кому-то другому. — Ту девочку со шрамом из нулевых районов.

В этот раз преображение происходило по-другому. На лице Эвридики, словно на фотопленке, проступил уродливый след от ожога, и Сати не сомневалась — это была ее настоящая внешность.

— Когда вторая волна аспидной чумы дошла до нас, Роланд Грейси нашел меня, привез сюда и научил управлять своей одаренностью.

— Тадеус Кель мертв, — сухо констатировал Айзек, не опуская тесак, — Был замучен в тюремных лабораториях.

— Ошибаешься, — улыбка Эвридики была сумасшедшей. — Он все еще здесь.

Ее лицо задрожало, словно вода в колодце, в которую бросили камень.

— Я наблюдала за твоей семьей и помню все, что ты сделал, — голос Эвридики зазвучал хором чужих голосов.

Она преображала себя, и с каждой новой чертой лицо Айзека выражало все больше смятения.

Через минуту вместо Эвридики Эвери на пляже появилась невысокая темнокожая женщина. На ней было светлое платье с высокой талией, нежно подчеркивающее ее положение.

— Здравствуй, Тадеус. Расскажи нам, как ты убил свою маму.

Ойтуш всерьез испугался за новообретенную сестру. Айзек мог легко прикончить ее одним взмахом руки. Но вместо этого произошло нечто совершенно непостижимое: их гордый предводитель рухнул на колени перед этим призраком из прошлого, а его смертоносное оружие с глухим стуком упало рядом на сырой песок.

— Ты задушил свою мать, а затем зарезал отца, когда он вернулся домой не вовремя, — продолжала Эвридика. Полные боли и упрека глаза темнокожей девушки наполнились слезами. Она была не просто воспоминанием Айзека о матери, она была его совестью, которую он долгие годы старательно душил в себе.

— Нет, — Айзек сгреб пальцами сырой песок, — Все было не так.

— Все было именно так, — продолжала Эвридика, делаю шаг навстречу к нему.

— Она нарочно травила моего брата, зная, что наша семья не потянет еще одного ребенка, — произнес Айзек, глядя куда-то в пустоту.

Остальные, кто был на пляже, смотрели на происходящее, не смея пошевельнуться. Правда о прошлом Айзека эхом отзывалась в душе каждого из них.

— Я ненавидел себя каждый божий день, пока не уничтожил Тадеуса окончательно. Он был слабым ребенком, тогда как Айзек стал…

— Хладнокровным убийцей? — спросила Эвридика.

— Без иного предводителя сопротивлению не выжить, — Айзек процедил песок сквозь пальцы.

— Что это за сопротивление такое, что устраивает геноцид? — Эвридика вновь вернула себе прежний облик, но на этот раз без шрама. — Убивает тысячи невинных людей, спящих в своих постелях?

Теперь Сати все поняла. Вот для чего нужна была Эвридика: повлиять на решение Айзека, убедить его отказаться от своего плана. Дана знала, что только так можно спасти Остров.

— Останови программу, Захария, — отдал приказ Айзек.

Все было кончено.

Ойтуш и Сати облегченно выдохнули. Эвридика прикрыла глаза; было заметно, что она чуть ли не валится с ног от пережитых заново воспоминаний. И все же ее слова только что спасли их всех от ужасной смерти.

Глава сопротивления поднялся с земли и вложил тесак обратно в ножны.

— Айзек, — осторожно сказал Захария, — Я находил столько сведений о Тадеусе — человеке с абсолютным иммунитетом, но никогда даже подумать не мог, что им всегда был ты.

— Что ж, теперь ты знаешь все из первых уст, — Айзек небрежно потрепал его по волосам своей механической рукой и направился к эллингу.

— Задала ты жару нашему боссу, — негромко сказал Протон Эвридике.

— Он отличный лидер, — без тени насмешки ответила та. — Цените его, и будьте опорой.

Сборы длились недолго. Уже через десять минут сопротивление, вместе со своими новыми союзниками, было готово к отплытию.

Сати со странной тоской посмотрела в сторону небоскребов, понимая, что попрощаться с Томасом она уже не успеет.

— Мы еще вернемся сюда? — спросила она у Ойтуша.

— Безусловно, — ответил тот. — Проект “Х” должен быть уничтожен.

— Совсем забыла сказать, — вспомнила Сати. — Сегодня ночью одну очень опасную одаренную увезли в запретную зону. Чтобы создать нового аниматуса, чья сила не будет иметь аналогов.

— Ты о Сарасти? — всполошилась Эвридика.

— Да, о ней. Она теперь в зоне “X”.

— Нам потребуется подкрепление в Метрополе, — сказал Протон, — Новые солдаты…

— Сати! — вдруг послышалось со стороны пляжа.

Девушка обернулась и увидела, как к ней бежит Томас. А за ним Шин, Мегани, Рама, Камал и Юкка.

— Что вы здесь делаете? — удивленно крикнула она, чувствуя, как по лицу расплывается довольная улыбка.

— Спасаем тебя, — доложил Юкка. — Шин нам все рассказал.

Сати едва не рассмеялась, увидев их полные решимости лица.

— Что скажешь, Айзек? — спросил Протон у главнокомандующего. — Нужны нам такие союзники?

— Ну, как минимум с одним задохликом у меня получилось сотворить чудо, — Айзек покосился на Ойтуша. — Вполне себе годный солдат вышел.

“Ну спасибо, Айзек”, — подумал Ойтуш.

— Не желаете отправиться на морскую прогулку, ребята? — спросил Ситис, придирчиво рассматривая подоспевших одаренных.

— А за одним рассмотреть очень интересное деловое предложение, — добавил Айзек с хитрой, не предвещающей легкие времена улыбкой.

Ойтуш усмехнулся, вспомнив свои первые тренировки с этим головорезом. В эту минуту к нему подошел высокий светловолосый парень.

— Ты Ойтуш, верно? — он протянул руку для знакомства.

— Да, а ты кто?

— Томас. Друг Сати, — Том с силой сжал его ладонь.

— Друг Сати, — повторил Ойтуш и удивленно покосился на девушку.

— Я надеюсь, что мы поладим, — сквозь зубы произнес Томас.

— Да, ведь мы теперь в одной лодке, — добавил Ойтуш.

Они еще долго сверлили друг друга взглядом, пока Айзек не скомандовал занять свои места в батискафах. Отплытие должно было состояться с минуты на минуту.

***

— Ты уверена, что поступаешь правильно, отпуская их?

— Не отпускаю, всего лишь даю шанс почувствовать себя победителями. На этот раз, — губы Даны тронула легкая улыбка.

— Тебе виднее, — сказал ее собеседник. — Что мне передать мистеру Лонгу?

— Проект “Химера” идет по плану. Пусть готовит деньги за новых аниматусов, — женщина отошла от окна, когда последний из батискафов исчез под водой.

— Будет сделано, — сказал собеседник.

— Можно личный вопрос? — добавил он через минуту, будучи не в силах обуздать любопытство. — Тебе все еще нужен Роланд Грейси?

— Разумеется. Он важная персона не только на Острове, но и во всем мире.

— Ясно, — в голосе собеседника Даны послышалось разочарование. — Я надеялся однажды занять его место.

— Ну что ты, Эмиль, — Дана наклонилось к нему для поцелуя. — Ты нужен мне для другого.

Конец первой книги